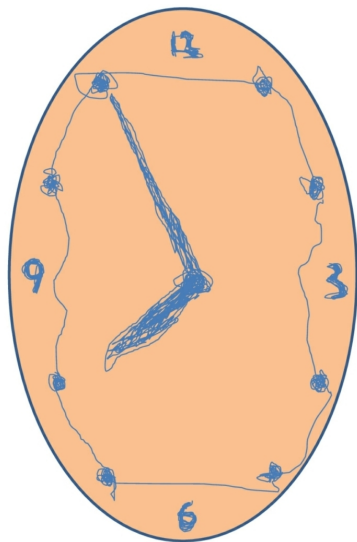

Жили- Были...

Сергей Чекалин

Москва - 2022

16+

Сергей Иванович Чекалин

Жили-были...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67291410

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга о времени жизни родственников автора в российской деревне средней полосы в разные годы истории, о быте, взаимоотношениях и другом, что происходило в их семьях. Материал подбирался по живым рассказам об ушедших временах ближайшими родственниками автора, а также подборкой некоторых исторических фактов из Интернета, сопровождавших эту жизнь.

Всему Прошлому, всему Настоящему, всему Будущему, всем, кто был, всем, кто есть и всем, кто будет посвящается эта книга.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие автора	4
Часть 1. Прадедушки и прабабушки	16
Глава 1. Чекалин Василий Иванович	16
Глава 2. Баранов Иван Николаевич	68
Глава 3. Выгловский Василий Петрович	84
Глава 4. Кудинов Егор Пименович	114
Часть 2. Дедушки и бабушки	130
Глава 5. Чекалин Василий Васильевич	130
Глава 6. Чекалин Михаил Васильевич	185
Глава 7. Чекалина Вера Ивановна	258
Глава 8. Баранов Иван Иванович	278
Глава 9. Кудинов Сергей Егорович	303
Глава 10. Кудинова Мария Васильевна	349
Часть 3. Родители	374
Глава 11. Чекалин Иван Васильевич	374
Глава 12. Чекалина Зинаида Сергеевна	422

Сергей Чекалин

Жили-были...

Предисловие автора

И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них».

Екклесиаст. 12:1

Каждый из нас, родившись, попадает во временной поток и плывёт по течению, радуясь всему, что возникает на пути, пока однажды, не спохватится и не спросит себя: «Кто я? Куда и откуда? И есть ли здесь дно?», а спросив, не начнёт немедленно захлёбываться и тонуть. Он больше не чувствует себя в реке времени, как рыба в воде, и вынужден заново учиться плавать, на что может уйти вся жизнь.

Лариса Миллер. «К себе, от себя: Вниз по реке».

На собак, кошек, коров, лошадей и слонов ведётся родословная. Но что толку? Ни понятия о ней не имеют, и в сущности, их генеалогия – просто способ набить

им цену. Некоторые люди тоже обладают родословной и кичатся ею – дескать, их-то предков никогда не держали ни на цепи, ни в клетке; но трудно отнестись с полным доверием к их дворянским грамотам.

Жорж Сименон. «Я вспоминаю».

В книге говорится о наших густых зарослях, отдельных рощицах и деревьях, кустиках и веточках, на которых разместились и мы сами. Как увидите, не так уж их и много. Конечно, их могло быть несравнимо больше, но, к сожалению, в наших поколениях память осталась только о немногих. Сколько удалось собрать – все здесь. Может быть, и с ошибками в каких-либо датах, деталях, если можно поправить, то поправьте, да и мне хотелось бы узнать эти возможные добавления и исправления. Я старался ничего не додумывать, по возможности восстановить ближе к истинной ту информацию, которую удалось к этому времени приобрести от помнивших и помнящих её, а также и по сохранившимся документам. Я, например, и не знаю точно, в каком году родился мой прадедушка Василий Иванович Чекалин. Отец говорил, что умер он в 1936 году в возрасте 96 лет. А в следственном деле дедушки Васи (Василия Васильевича Чекалина) записано с его слов, что отцу его в 1932 году – 90 лет. Получается нестыковка в 2 года. Это мелочи, конечно. Но я оставил так, как сказал дедушка. Хотя из-за этого несколько меняется на те же незначительные годы и что-то другое.

Хотелось бы полнее описать про все части нашего древа. Но кто теперь может о том рассказать? Как бы хотелось, чтобы не остановились эти мои корявые записи. Я не хотел ничего плохого, не хотел показать из себя что-то. Просто это уже обида за утерю памяти в родах.

Всё, что вы здесь прочитаете, я записывал со слов наших родственников:

- бабушки: Чекалиной (Барановой) Веры Ивановны;
- отца: Чекалина Ивана Васильевича;
- мамы: Чекалиной (Кудиновой) Зинаиды Сергеевны;
- маминой тёти Татьяны Васильевны Рыссак (Выгловской) и её дочери, Татьяны Юрьевны Рыссак;
- маминых сестёр Александры Сергеевны Живилковой (Кудиновой) и, совсем немного, Шведовой (Кудиновой) Марии Сергеевны;
- папиной сестры, Серафимы Васильевны Незнановой (Чекалиной);
- частично – со слов дяди Пети (Счастливого Петра Селивёрстовича, а в миру – Семёновича, который одновременно является родным братом бабушке, Вере Ивановне Чекалиной, но рождённого как Иван Иванович Баранов);
- жены дяди Пети, Фёклы Ивановны Счастливой, которую мы звали тётёй Фешей (крёстной моей дочери Веры);
- небольшую информацию предоставили двоюродная мама сестра Выгловская (Демиденко) Лариса Алексеевна и её сын Станислав.

Кроме этого, я что-то помнил и из своего детства и отрочества, из разговоров и рассказов в сравнительно близкое к нам время.

Все изложения о наших предках этой части родословной собраны, подготовлены и отредактированы автором этой книги.

Здесь вы не увидите непрерывного генеалогического древа, постепенно подходящего к вам либо к тому, кто интересуется о своём составе. Очень уж оно большое, не помещается в таком маленьком формате. Поэтому я решил изобразить его пошагово, в отдельных разделах, по соответствующим фамилиям и поколениям. То есть сначала пойдёт всё по дальним от нас временам, а уж ближнее время покажется сравнительно прозрачно, и почти все изображённые будут на глазах либо будут уже те, кого вы видели и знаете или знали. Дальше вы увидите на рисунках эти последовательности такими, как я их представил. Может быть, что кто-то и пропущен в них по побочным ветвям, может быть, что в этих побочных ветвях что-либо указано и с ошибками. По кому-то дана не совсем полная информация. Это не потому, что я что-то упустил. Просто тот, кто говорил об этом человеке, сам точно полностью не знал каких-то более подробных сведений о нём. А придумывать ничего здесь не надо. Да я и не делал этого.

Всё это можно представить на большом листе бумаги, клеточка за клеточкой, в формате Excel. Можно соединить схемы

родословных, которые приведены дальше, в одну большую схему. Например, такую, как по своим направлениям, изобразил кишинёвский Володя Незнанов (Владимир Николаевич), мой двоюродный брат, но будет громоздко для помещения хотя бы и в эту большую по формату записку. Кстати, в Володиной таблице, конечно, частично изобразились и мы. Он у меня спрашивал разрешения указать в его записках и некоторую информацию из моих записей, что было, конечно, разрешено.

«Я вспоминаю» (см. эпитафия в начале предисловия) Жорж Сименон написал для своего сына, Марка. В этом произведении подробно и художественно, как это мог писать Ж.Сименон, рассказано о родственниках со стороны его отца и матери. Я, понятно, не Сименон, и, тем более, не Жоржик, но тоже постарался по возможности подробно, насколько это мне было известно, донести до вас какие-то сведения о ваших родственниках. Здесь тоже не будет строгой генеалогии, хотя я и постарался дать материал в виде, близком к генеалогическим описаниям.

Поэтому, обращаясь к детям, Вере и Коле, я могу уже спокойно написать, что исполнил вашу просьбу, настолько, насколько смог это сделать, и насколько это оказалось возможным по времени и по тем воспоминаниям, которые удалось собрать к настоящему моменту и записать. Возможно, что и не было от вас этой просьбы, но я думаю, что такое всё равно надо было сделать. Много здесь и другого, что не относит-

ся к вашей просьбе (или не просьбе), что без всяких потерь можно и пропустить, особенно во второй части этой книги. Не отягощать себя излишней информацией, которая может представлять интерес разве только что для её держателя да, возможно, для тех, кто был участником воспроизведённых на бумаге некоторых реальных событий. Я старался привести только реальные события, которые мне рассказали и которые я сам знал доподлинно.

Материал расположен таким образом, что первыми идут, как я уже говорил, наиболее далёкие родственники. Поэтому здесь повествование и начинается для вас, наших детей, с прапра, которыми являются (указаны только мужская половина) Чекалин Василий Иванович, Выгловский Василий Петрович, Баранов Иван Николаевич, Кудинов Егор Пименович. А для внучек Кати и Тони надо эти «пра» увеличить ещё на одно звено. Возможно, что в родословной Чекалиных надо было начинать с Выгловских, поскольку начальные сведения о них относятся примерно к последней трети XVIII века. Но это только сведения, а конкретно о каком-то человеке – ничего нет. Есть только имя, например, Пётр Выгловский, что он был купец. И только. В этом случае как раз и подходят Василий Иванович Чекалин, о котором много рассказывали, и многое о нём известно. Отец, например, очень много говорил о своём дедушке, а мама ничего не помнила о родне за её дедушкой Выгловским Василием Петровичем, да и Татьяна Васильевна Рыссак об этом для неё уже дедушке

ничего не знала. Потом, по отношению к Вере и Коле, идут пра, и следом за ними – непосредственно ваши бабушки и дедушки.

О некоторых людях промежуточных ветвей, не являющихся родообразующими для нас родственниками, информация вставлена в соответствующих местах отдельными главами. Такие сведения даны в отношении следующих наших родственников:

1. Баранова Ивана Ивановича (Счастливого Петра Селивёрстовича, или Петра Семёновича, как его все называли в деревне Яковлевское и в посёлке Серебряные Пруды, где он жил), брата вашей прабабушки Веры, Чекалиной (Барановой) Веры Ивановны;

2. Чекалина Михаила Васильевича, брата вашего прадедушки, Чекалина Василия Васильевича.

Такая информация даётся, по возможности, ближе к тому человеку, который наиболее был с ним связан либо ближе к тому месту нашего повествования, где он и должен появиться по изложению предшествующего материала: Баранов И.И. – по связи с Чекалиной Верой Ивановной, Чекалин М.В. – по связи с Чекалиным Василием Васильевичем (информация размещена мной именно так, а не рядом с его отцом, Чекалиным Василием Ивановичем).

Обо всех предках, которые привели к появлению вашего отца, Сергея Ивановича, о предках с фамилиями Чекалина, Кудиновы, Выгловские, Истомины, Барановы, Мезины,

а также и другими, связанными с ними, написано непосредственно Сергеем Ивановичем по его запискам при сборе этого материала.

Большие сведения по Тамбовской губернии получены из следующих источников, найденных в Интернете:

- «Справочная книжка по Тамбовской епархии 1876 год»;
- «Справочная книжка по Тамбовской епархии 1893 год»;
- «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии 1911 года»;
- «Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917-1918. Документы и материалы». М., РОССПЭН, 2003;
- Б.В.Сенников. «Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1923-1933 гг.». М., «Посев», 2004;
- В.В.Самошкин. «Хроника Антоновского восстания»...

В коротких рассказах о родственниках сравнительно часто будут встречаться повторы, которые я не редактировал, да и, думаю, что этого и не следует делать. Пусть эти фрагменты получатся как самостоятельные рассказы.

Как же хочется рассказать о многом! И в голове строятся цепочки событий, в которых мы сами были непосредственными участниками. Событий, связанных с другими людьми, которых мы никогда не видели и теперь уже и не увидим по известной всем причине, но о которых рассказывали наши родственники, и которые попали в наше генеалогическое древо.

Вот, например, вспоминается, что ...

Или вот ещё один случай, который произошёл с ...

А этот анекдот взят прямо из жизни семьи ...

Или целая повесть о том, как встретились ...

Об интересном тоже случае нам рассказывал ...

И так далее и тому подобное. Всё вертится клубками в голове, но как же трудно это всё переводить в слова и предложения, собрать воедино. И не сделать этого обидно, потому что дальше уже и не сохранится практически ничего. Всё может просто навсегда затеряться, практически без всякой возможности хоть какого-нибудь восстановления. И так-то многое в этом изложении оказалось упущенным. Плохо ли, хорошо ли, но хотя бы удалось хоть что-то записать, крохи от огромного куска жизни нескольких сравнительно близких от нас по времени ветвей нашего рода.

Теперь, когда перо взялось, наконец, в руки, жалеешь о том, что не записал, когда это было возможно, более полных рассказов бабушки Веры (Чекалиной Веры Ивановны) о той давней жизни, а также рассказов прекрасной, просто замечательной рассказчицы и сказительницы, бабушки Тони (Черепниковой Антонины Георгиевны). Она рассказывала, как пела песню. Больше всего можно жалеть о том времени, когда мы жили на Пятницкой в квартирах 13 и 14, когда Антонина Георгиевна больше с нами общалась и рассказывала о прошлом. Я вот сейчас, как наяву, слышу голос Антонины Георгиевны: «Стрешневы» (с ударением, если так можно

выразиться, на букву «ш») – на мой вопрос о том, кто владел землями, на которых жили её предки в Тульской губернии в районе села Мокрый Корь (деревни Синиченки и Климовское). В прошлом, в царствование Екатерины Великой, село Мокрый Корь называлось Вязовое. Переименовано оно было по её указанию, даже и по приказу...

Кто загодя снарядил в путь из Польши в Россию примерно во второй половине XVIII века братьев Выгловских? И всё это с тем, чтобы в степной части Тамбовской губернии, где они думали заняться сельским хозяйством, в ту пору случился неурожай. Можно полагать, что неурожай случился лишь для того, чтобы братья не уехали, а остались в России, чтобы их дети дали жизнь целым поколениям, к одной из ветвей которых относимся и мы.

Какая вожжа подхлестнула поехать одновременно тамбовского и архангельского помещиков (а то и не помещиков, а владельцев крепостных крестьян) в город (или какое-нибудь другое место), посадить их за карточный стол, из-за чего примерно в конце первой половины XIX века несколькими семьям крепостных архангельских крестьян, проигранным в карты тамбовскому помещику, пришлось переселиться на тамбовские земли? И как повезло нам, что потомок одной из семей, Чекалиных, посватался к той из Барановых, которая первой выйдет из избы.

Кто отклонил от наших дедов и отцов пули и осколки от бомб, мин и снарядов, чтобы эти деды и отцы увидели потом

нас (но, к сожалению, не все деды увидели нас, не от всех были отклонены пули и осколки), а мы смогли появиться на свет и увидеть их и всё остальное?

Кто мог предсказать, какой дорогой пройдёт свою жизнь один из Иванов нашего рода, после того, как он будет приговорён к расстрелу во времена раскулачивания?

Кто надомнил вашего (прапрапра)дедушку Фролкина Егора Илларионовича и (прапра)дедушку Кузнецова Егора Ивановича переехать из деревни, находившейся в Каширском уезде Тульской губернии, в Москву? И вот появились вы, да, и как оказывается, не только из-за одного этого переезда?

Какая сила выбросила из окопа летом 1943 года вашего дедушку Колю (Меншутина Николая Николаевича) и тем спасла ему жизнь?

Вот примерно об этом и немного о другом дальше и пойдет речь.

Поскольку здесь будет приведена информация о людях, которые, в основном, родились и жили в Тамбовской губернии, то более полные сведения об их рождении, венчании, смерти, если это заинтересует, можно получить в архиве Тамбовской области, который находится по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 107 (Отдел коллекции метрических книг церковей Тамбовской губернии), а по Москве – в Московском городском историческом архиве.

Следует иметь в виду, что эта информация в Российской

Федерации, в отличие, например, от республик Прибалтики, является платной. Один запрос в настоящее время (2022 г.) может стоить до 5000 рублей, а возможно и больше.

Часть 1. Прадедушки и прабабушки

Глава 1. Чекалин Василий Иванович

Дедушка моего отца, Чекалина Ивана Васильевича, Василий Иванович Чекалин, умер в 1936 г. в возрасте 94 лет. То есть, получается, что родился он в 1842 г. Здесь я снова возвращусь к некоторой нестыковке в возрасте Василия Ивановича. Дело в том, что его сын, мой дедушка Василий, сказал на следствии в 1932 г., что отцу его 90 лет. Тогда получается, что он родился в 1842 г. и умер именно 94-х лет от роду. А мой отец, Иван Васильевич, говорил, что дедушка умер в 1936 г. в возрасте 96 лет. Тогда получается, что родился он в 1840 году. Здесь, теперь я думаю, больше можно доверять моему отцу, поскольку на допросе дедушка мог и не назвать точный возраст своего отца, тем более, что ошибки в его ответах были и не такими. Дедушка не назвал, например, в составе семьи ещё одного сына, Ивана, 1922 года рождения (к тому времени десятилетнего по возрасту).

Он, Василий Иванович, рассказывал, что хоть и маленький был, лет пяти, но помнит переезд их семьи в Тамбовскую губернию в сельцо Львово (старое название – Керша), что получается примерно в 1845-47 гг. Сейчас это село относится к Жердевскому району Тамбовской области. Раньше

они жили где-то в Архангельской губернии. И там, и здесь были крепостными. Женился он в возрасте около тридцати лет, приблизительно в 1870-71 гг. на Дарье (1855? – 1927), которой было примерно шестнадцать-семнадцать лет, происхождением из подворья Лунёвых (а бабушка Вера приносила как ЛунЯвы). Родители Дарьи раньше тоже были из крепостных крестьян. Родилась в сельце Львово Тамбовской губернии Борисоглебского уезда. Похоронена во Львово.

Точное время появления Чекалиных и их состав семьи можно проследить теперь только по Ревизским сказкам (переписным книгам)...

Следует немного пройтись в историю.

Тамбов основан в 1636 г., а 1 октября 1637 г. была закончена строительством крепость города Тамбова, возведённая по Указу государя Михаила Фёдоровича Романова, первого после смуты из династии Романовых. Начало этой династии и отсчитывается от этого царя, с 1613 года.

Смута началась со смертью последнего из Рюриковичей царя, Феодора Иоанновича, придурковатого сына Иоанна Грозного. Несколько лет после него правил Борис Годунов (шурин этого царя; сестра Годунова Ирина была женой Феодора Иоанновича), потом пошла смута, заключающаяся в борьбе за престол Лжедмитриев. Как известно, конец смуте положили Минин и Пожарский, после чего и избрали нового царя из, если можно так сказать, царского подворья Романовых...

Первое упоминание о Тамбове отмечается в «Древнем Тамбовском Летописце» в 1636 г. Там пишется, что он построен в «поле» на реке Цне, при устье реки Липовицы, близ древнего «Урлапова Городища» «для бережения от воинских людей».

Я немного пишу о Тамбове, поскольку дальнейшее описание связано с нашими родственниками, проживавшими в этих краях.

Тамбов по-мордовски означает омут. Потому и по-мордовски, что эти наши края долгое время населялись мордвой.

24 мая 2002 г. был утверждён гимн города Тамбова, которым стал марш композитора Василия Агапкина «Прощание славянки», а 27 марта 2003 года был восстановлен и герб города Тамбова. Этот герб и был изначально Тамбовским, не придуманный, а гимн, которого раньше не было, голосованием Тамбовской Думы выбрали в 2002 году. А 15 сентября 2011 года был утверждён и герб Токарёвского района.

О гимне. Выбран он, вероятно, потому, что этот замечательный гимн (но написан Агапкиным был не гимн, а марш) был написан уроженцем Тамбовщины, а также и написан непосредственно на самой Тамбовщине в 1912-1913 гг., когда, как говорил сам Агапкин, он наблюдал проводы солдат на войну и женские лица провожавших. Солдаткам и было первоначальное посвящение марша «Прощание славянки».

На эту музыку, марш «Прощание славянки», написано

сравнительно много слов. Были и воровские, и матросские, и студенческие варианты. Я приведу, на мой взгляд, самые сильные (хотя все они не могут быть какими-то слабыми). Вот, например, слова В.Лазарева (1984 г.):

Наступает минута прощания,
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыхание,
А вдали уже дышит гроза.
Дрогнул воздух туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовет нас на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков.

Припев:
Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Прости – прощай, прости – прощай...
Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад.

Летят, летят года,
Уходят во мглу поезда,

А в них – солдаты.

И в небе тёмном

Горит солдатская звезда.

А в них – солдаты.

И в небе тёмном

Горит солдатская звезда.

Прощай, отчий край,

Ты нас вспоминай,

Прощай, милый взгляд,

Прости – прощай, прости – прощай...

Прощай, отчий край,

Ты нас вспоминай,

Прощай, милый взгляд,

Не все из нас придут назад.

Лес да степь, да в степи полустанки.

Свет вечерней и новой зари -

Не забудь же прощанье Славянки,

Сокровенно в душе повтори!

Нет, не будет душа безучастна -

Справедливости светят огни...

За любовь, за великое братство

Отдавали мы жизни свои.

Припев:

А вот текст Александра Галича (1974 г.):

Снова даль предо мной неоглядная,
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты, моя ненаглядная,
И бровей своих тёмных не хмурь!

Припев:

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт!
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке —
И, значит, нам пора в поход!

В утро дымное, в сумерки ранние,
Под смешки и под пушечный "бах"
Уходили мы в бой и в изгнание
С этим маршем на пыльных губах.

Припев:

Не грустите ж о нас, наши милые,
Там, далёко, в родимом краю!
Мы всё те же – домашние, мирные,
Хоть шагаем в солдатском строю.

Припев:

Будут зори сменяться закатами,
Будет солнце катиться в зенит —
Умирать нам, солдатам, — солдатами,
Воскресать нам — одетым в гранит.

Припев:

А.Галич не выдержал в стихах всей мелодии марша, в частности — в припеве. Но это отнюдь не умаляет содержания стихотворения.

Этот марш настолько был сильным и настолько российским, что он звучал на параде 7 ноября 1941 года (хотя документально это и не подтверждается), на котором сводным оркестром дирижировал сам его автор, Василий Агапкин.

Современный текст этого гимна другой, он и исполняется в торжественных случаях, а также и в других случаях, по статусу гимна. Во время звучания этого гимна все встают, мужчины снимают головные уборы, а если при этом находится и знамя, то присутствующие поворачивают головы в сторону знамени.

Текст гимна был опубликован в 2004 г. в сборнике стихов «Во времени и пространстве...» поэтом А.Митрофановым, уроженцем с. Троицкий Росляй Сосновского района Тамбовской области. Это стихотворение и победило на про-

водившемся конкурсе текстов гимна.

На просторах бескрайних и синих,
Где березы любят Цной,
В самом сердце великой России
Ты раскинулся край наш родной.
Полыхали зловеще зарницы,
Но в историю грозных веков
Ты вписал своей славы страницы,
Честь, свободу, храня от оков.

Припев:

Тамбовский наш край,
В веках процветай!
Ты славен людьми,
Храни, Господь, тебя, храни!
И пусть летят года,
Ты с нами, наш край, навсегда.
Здесь родились мы,
И с этим краем
У нас на всех одна судьба.
Здесь родились мы,
И с этим краем
У нас на всех одна судьба.
Тамбовский наш край,
В веках процветай!

Ты славен людьми,
Храни, Господь, тебя, храни!

С пульсом Родины шаг свой сверяя,
Край любимый наш смотрит вперед,
Славу верных сынов умножая,
Твердой поступью к счастью идет.
Пусть заметнее будут успехи,
Хорошеет любимый наш край,
На земле благодатной вовеки
Цветом яблонь своих расцветай.
Припев:

Но возвратимся к нашей прозе.

Освоение Тамбовщины началось ещё в каменном веке. Вначале там жили первобытные охотники и рыболовы, позже появляются скотоводы и земледельцы, которые были уже знакомы с обработкой металлов. С I-го тысячелетия до н.э. и до I-го века н.э. в южной части тех мест кочевали воинственные племена киммерийцев, скифов, сарматов, а в северной проживали осёдлые финно-угорские народы, родоначальники городокской росписи. Примерно с середины III в. н.э. началось племенное перемещение народных масс: киммерийцы, скифы и сарматы покинули эти земли, а на смену им пришли пастушечьи племена аланов, печенегов и половцев, которые не только враждовали между собой, но и дела-

ли набегу на Киевскую Русь. Постепенно, во время монголо-татарского нашествия, население тамбовских мест уменьшилось и разбежалось, поэтому южная часть Тамбовщины (а это уже и наши места) на несколько столетий становится «диким полем», так она и называется в летописных источниках. Поэтому и записано в летописи, что Тамбов построен в «поле», имелось в виду «дикое поле».

(Следует дать некоторое пояснение «монголо-татарскому нашествию». Здесь можно согласиться с исследователями того времени в нашей истории, что татар в пришедшей орде не было. Были, конечно, но не в таком количестве, о котором можно было бы говорить – «монголо-татарское». Больше это образовалось от искажения слова «тараторить», т.е. говорить сравнительно неразборчиво, скороговоркой, как это и было у пришельцев-завоевателей. Можно в качестве примера такого же рода назвать и другой народ, германцев, которых именовали «немцами». Вероятно, говорившими непонятно. Ведь «немец» – это только у русских.)

Тамбовский край в древние времена составлял часть Азии. В то время границей Европы и Азии была река Танаис (современное название – Дон). Танаис назван так за его растянутое медлительное течение. Про те древние времена есть описания этих краёв в сочинениях Геродота. Он называл кочевые народы, населяющие эту часть лесостепной Азии, будинами. Они перемещались на телегах, в которые запрягали быков. Их соседей, земледельцев, если так можно назвать,

имея в виду, что будины были кочевниками, Геродот называл гелонами (или элинами). По словам исследователей будины были голубоглазыми и рыжими, белокурыми и сильно веснушчатыми.

С середины VI в. н.э. населением тамбовских краёв считались мордва и мокша (от них и пошло, вероятно, название города Тамбов; по-мордовски, я уже выше говорил, тамбов – омут). Первые русские (или, вероятно, русичи) появились там ещё в домонгольское время.

В начале XVII в. Тамбовские земли стали заселяться беглыми крестьянами, которые уходили от феодальной зависимости из Муром, Владимира и Рязани, а также и из северных пределов России. Эта местность, где проживали наши родичи, на реке Бурначка, упоминается в документах Ревизской сказки 1782 года, примерно за шестьдесят лет до появления в этих краях Чекалиных. В документах отмечено, что здесь находилось 9 домов однодворцев (не крепостных). Среди них: Суздальцев Епифан, Кашковский Леонтий, Мальцев Осип, Шарапов Меркул, Поповы – Афанасий и Леонтий. Ревизские сказки составляли для губерний. В главе «Баранов Иван Николаевич» я немного расскажу о сословиях крестьян того времени...

Тамбовская губерния образована в 1779 г. и просуществовала таковой почти 150 лет, до 1928 г. В этом году Декретом большевистского государства губернии превратили в области, а уезды – в районы. Низшие административные

единицы, волости, упразднили...

И ещё из истории про другие края.

Как известно, Архангельская губерния, также, как и почти вся Сибирь, были свободны от крепостного права. Таких губерний, без крепостного права, было совсем мало в России, но Архангельская была в их числе. Однако в эту губернию приезжали именитые люди (офицерство, помещики и прочие зажиточные и служилые люди) из мест с разрешённым крепостным правом для получения очередных чинов и званий. Приезжали они вместе со своим имуществом, в том числе и крепостными, как собственностью, которую, конечно, никто и не освобождал от крепостничества, даже при переезде в свободную от крепостничества зону. Таким образом, можно предположить, что Чекалины и в Архангельскую-то губернию попали откуда-то из других мест, вместе со своим собственником, изъявившим желание повыситься в чине или звании, а то и получить ещё какие-нибудь для себя блага от государства.

Вообще крепостное право появилось практически с конца XVI в., во время царствования умственно отсталого святого Фёдора I Иоанновича, сына Иоанна Грозного, последнего, как говорилось выше, из Рюриковичей, к которому был представлен опекуном совсем даже не придурковатый шурин Фёдора, Борис Годунов. (Борис Годунов стал шурином Фёдора Иоанновича в 1580 г.) Вот Годунов и издал указ 24 ноября 1597 г. о запрещении перехода крестьян с места на место,

от одного землевладельца к другому. В то время землю давали служилым людям с расчётом дальнейшего заселения в основном степных дач в междуречьях Оки и Дона. Невозделанный степной чернозём находился по верхней Оке, верхнему Дону и по обе стороны средней Волги. Существовало правило: «кто служит, тот должен иметь землю» или «кто владеет землёй, тот должен служить». Надо полагать, что крепостное право появилось впервые именно в степной зоне России.

Примерно через сто лет была предпринята попытка в виде несостоявшейся реформы освобождения крестьян и наделения их землёй. Такую реформу хотел предложить, как отмечают историки, князь Василий Васильевич Голицын (1643 – 1714) во времена правления Софьи, дочери царя Алексея Михайловича и сестры Петра I. Разговоры об этом шли, но дальше дело не пошло, побоялись возможного боярского бунта. А при том, неустойчивом в то время положении Софьи, это могло повлиять на ускорение её свержения с трона. И без этого хватало забот, чтобы удержаться на троне.

Перед крепостным правом вольные крестьяне арендовали землю у землевладельца по обоюдному соглашению, а сами они её в собственности не имели. Для заселения своих дач землевладельцы искали крестьян-съёмщиков и рабочих. Поэтому из старых центральных областей пошло значительное переселенческое движение крестьян. В заокских земельных поместьях в то время стали проявляться две характерные черты поместной системы, которые во многом способство-

вали появлению здесь первых признаков крепостного права:

- преобладание мелкого землевладения (в среднем заокские землевладельцы образовывали на своём диком поле усады размером 20 – 80 десятин усадебной земли, что соответствовало примерно 22 – 88 гектарам);

- стремление закрепить крестьян на своей земле путём поземельных обязательств и личной долговой зависимостью от землевладельца.

Стремление закрепить крестьян было настолько сильным, что их закрепощение началось задолго до годуновского уложения от 24 ноября 1597 года, изданного за два дня до известного Юрьева дня, когда крестьянам разрешался переход к другому помещику-землевладельцу. Юрьев день приходился на 26 ноября, но разрешённый переход крестьян определялся неделей до и неделей после этого Юрьева дня. Считалось, что к этому времени заканчивались все полевые работы.

Но за 15-17 лет до уложения Годунова, примерно с 1580 года, появилась служилая кабала, по которой должник отрабатывал во владениях господина не долг, а проценты на сумму долга. Поэтому освободиться от такой кабалы было практически невозможно. А по уложению 1597 г. вообще устранилась и всякая возможность кабального освобождения путём выплаты долга, потому что один из пунктов этого уложения обязывал крестьянина служить владельцу кабалы до смерти этого владельца.

Как известно, крепостное право было отменено императором Александром II Манифестом от 19 февраля 1861 года. Но оно, можно сказать, провалилось, хотя крестьян и освободили от зависимости их собственника. В.В.Голицын хотя бы предлагал решить вопрос освобождения крестьян с одновременным наделением их землёй. А в 1861 году и в дальнейшем вопрос с землёй так и не был решён. Во времена правления Александра III и Николая II этот вопрос выносился на рассмотрение в Государственной Думе известным государственным деятелем С.Ю.Витте, но это было связано с требованием потери собственности (земли) теми, кто, в основном, и голосовал «за» или «против». Так этот вопрос и не решился...

На севере России *чекал* или *чекала* означает земляной заяц или мышь, а вот ближе к Польше, Белоруссии и Украине слово *чекать* означает ждать или дожидаться. Вряд ли от глагола произошла фамилия Чекалины. Из истории известен казанский посадский человек (1646 г.) Лука Чекалкин, которого позже стали записывать как Чекалин. В немногим более позднее время известен ещё один, Чекалин Никита, при Петре I – судовой мастер (в энциклопедии записано «пенсционер в Англии»). Было в ходу и мирское имя Чекала, от которого вполне могла появиться и фамилия Чекалин...

Прежде, чем продолжить своё описание, я приведу статью о селе Львово, которую опубликовала в Интернете Матрёна Ананьева. Я сохранил орфографию первоисточника.

Прошлое и современность дворянской усадьбы в с. Львово

Село Львово находится в живописном уголке нашего района, оно раскидано по холмистой равнине на берегу реки Бурначки. Особым её украшением остаются парки, посаженные еще в 19 веке около барской усадьбы и сельской церкви.

До октября 1917 года на территории Львовской волости (в настоящее время территория Львовского сельсовета, в который входят три населённых пункта: с. Львово, д. Петровское и посёлок Красный) находилось несколько дворянских имений. Село Львово первоначально принадлежало коллежскому советнику Ивану Дмитриевичу Трофимову и его жене Надежде Львовне. Они владели 320 крепостными крестьянами (по данным 1816 года).

Впоследствии эта усадьба была продана дворянину Александру Николаевичу Жереве. (Поскольку Александр Николаевич француз, то, вероятно, его фамилия Жерве; потомки этой фамилии, которых пригласила на службу Екатерина Великая, больше военные, дворяне, известны в России с XVIII века – С.Ч.) Именно о ней и пойдёт речь. Барин большую часть года проводил в Санкт-Петербурге и во Франции, приезжал в имение в основном летом, руководство осуществлял через приказчика. Дворянская усадьба помещика А.Жереве представляла собой одноэтажный дом, около которо-

го размещались разные хозяйственные постройки, в основном деревянные. Перед домом была вымощена большая кирпичная площадка. Вокруг усадьбы, стоявшей на берегу реки Бурначка, располагался большой парк. В традициях дворянских имений с трёх сторон она была обвалована, кругом посажена сирень и серебристый тополь. Деревья высаживались куртинами, т.е. из одной лунки росли два или три различных дерева.

Кусты сирени и спиреи, росшие по краям тропинок, частично сохранились до наших дней. Также в парке было два озера, расположенных рядом, одно большое, другое поменьше, к ним вела терраса со ступеньками.

Без малого сто лет минуло с тех пор. Время, люди способны многое разрушить и уничтожить, события и факты тоже стираются из памяти. Но, тем не менее, ещё цела основа барского парка, серебристые тополя, стоят как сторожевые, храня тайны давно минувших лет, а липовая аллея напоминает, как в 19 веке, по ней прогуливались господа, приезжая на отдых в имение.

Сегодня здесь совершенно другие строения, другая жизнь. Но по свидетельствам архивных документов и воспоминаниям старожиллов удалось восстановить дальнейшую судьбу усадьбы А. Жереве.

В 1890 году в экономическом доме – одной из частей имения – по указанию барина была размещена начальная школа для крестьянских детишек, но в конце 90-х годов для школы

арендовали крестьянскую избу. В это время в ней обучался 41 мальчик и пять девочек.

В 1905 году в селе Львово построили земскую школу, а в 1894 в деревне Петровское – церковно-приходскую. Именно здание этой школы сохранилось до настоящего времени.

Во второй половине 19 века недалеко от усадьбы была построена деревянная церковь. После революции её сожгли, так как в 1920 году там во время антоновского движения прятались сочувствующие Антонову. На месте церкви до сих пор частично сохранился небольшой парк, во время весеннего цветения здесь радуют глаз два вида сирени.

После революции имение А.Жереве разграбили, оно использовалось как гостиница для партийных работников.

В начале 30-х годов в дворянском доме разместили семилетнюю школу, открывшуюся в селе. В это время к зданию была сделана первая пристройка из кирпича. Когда началась Великая Отечественная война семилетку перевели в здание церковно-приходской школы в д. Петровское, а в бывшем барском доме расположился детский дом, эвакуированный из Белоруссии, к нему сделали ещё одну пристройку для пекарни. С двумя пристройками барское поместье утратило свой первоначальный вид.

Позже некоторое время это здание использовалось под временное жильё для партийных работников.

В 1961 году семилетнюю школу реорганизовали в восьмилетнюю, которая вновь разместилась в барском доме – до

1976 года, когда в д. Петровское было построено новое здание школы.

Почти полтора десятка лет здание барского дома пустовало, а в 90-х годах оно было окончательно разрушено.

Жаль, что мы практически забыли эти страницы нашей истории. Пройдет ещё немного времени, и воспоминания об имени в с. Львово, которое повторило судьбу многих дворянских усадеб, можно будет найти только в архивных документах...

После того, как я прочитал эту статью, я вспомнил: отец говорил, о том, что во Львово был управляющим имения какой-то иностранец, француз. Но фамилию он не помнил. Но управляющим у Жерве был кто-то из местных, русских, а сам он был владельцем усадьбы, а в прошлом – и, вероятно, крепостных. До А.Н.Жерве этой усадьбой владел Иван Дмитриевич Трофимов (1777-1844) вместе с женой Надеждой Львовной.

И.Д.Трофимов по Табелю о рангах состоял тайным советником, что соответствовало чину генерал-лейтенанта или вице-адмирала. В 1835-1843 годах он был сенатором. В соответствии с указанным рангом он именовался как «Ваше высокоблагородие».

Их (Чекалиных) владелец, помещик или военный, и помещик села Львово (вполне возможно, что по фамилии Трофимов, а не Жерве, а может быть, и потомок купившего у

Трофимова имение) встретились в первой половине XIX века волей судьбы на празднике души. Может быть, в Москве, может быть, в Санкт-Петербурге, возможно, что и в каком-то другом месте, положим, в самом Архангельске. Не знаю. Мало того, что встретились. Они сели играть в карты, и архангельский помещик проиграл львовскому несколько крестьянских семей, на вывоз. Ну а вывоз тогда был известный – на подводях, с каким ни на есть скарбом. Случилось это радостное для нас событие примерно в 1844-47 гг.

(Можно полагать, что в карты с архангельским помещиком играл и сам И.Д.Трофимов, поскольку он умер в 1844 г., а это примерно совпадает и со временем переселения семьи Чекалиных во Львово. На всякий случай я искал, кто был в то время львовским помещиком, но не нашёл. Скорее всего, это был кто-то из потомков владельца по Ревизии 1816 г. Трофимова Ивана Дмитриевича, а возможно, что и он сам, а возможно, как и предположено выше, и кто-то из Жерве)...

Эти места, в районе Львово, начали заселять в верховьях рек Битюг, Бурначка, Савала, Токай и Большой Эртиль во второй половине XVII – первой половине XIX вв. В 1805 г. образовалась Токарёвка, в которой в 1811 году насчитывалось 42 дома (148 человек мужского пола). Токарёвку основали несколько крестьянских семей-однодворцев из сёл Шиповка, Митрополье и Чернавка (Бондарского и Кирсановского уездов). В 1866 г. в ней уже было 90 домов (681 человек). Только в 1879 г., спустя почти три четверти века

после первых поселений, в Токарёвке была построена трёх-придельная церковь с главным приделом Покрова Пресвятой Богородицы, правый её придел назывался Крестовоздвиженским (или Кресто Воздвиженским), а левый – Андрея Критского. Но эта церковь была разрушена в 1930 году. В настоящее время, в 1994 году, построена новая церковь Покрова Пресвятой Богородицы, действующая и ныне.

Согласно Ревизии 1816 г., как уже говорилось об этом выше, сельцо Львово принадлежало семье Трофимова Ивана Дмитриевича. Вместе со своей женой, Надеждой Львовной, он владел 320 крепостными крестьянами. Поэтому появилось и второе название этого населённого пункта – Львово, которое осталось до сих пор. Сельцо Львово, находящееся от Тамбова примерно в 90 вёрстах, раньше называлось «Малая Терша» (у нас в семье это село называли Тёрша; тёршинский – о человеке), которую основали крестьяне-переселенцы из села Керша Бондарского уезда той же Тамбовской губернии. (Скорее всего, название Керша легко переименовалось в Терша.)

В соответствии со списком населённых мест Тамбовской губернии за 1862 год, про сельцо Львово можно сказать, что оно находилось при речке Малом Бурначке по правую сторону Астраханского тракта в город Борисоглебск и входило в 3 стан Тамбовского уезда Тамбовской губернии. По состоянию на 1862 год Львово состояло из 25 дворов, в которых проживало 315 человек, в том числе мужчин – 164, женщин

– 151. Если по тому же времени сюда добавить и селцо Надеждино, принадлежавшее Трофимовым, в котором было 33 двора с 359 жителями, то эту всю группу можно объединить и записать общее число дворов – 58, общее число жителей – 674, мужчин – 345, женщин – 329. Кроме этого, Трофимовы были владельцами и деревни Ящерка.

Находится селцо Львово на высокой террасе между двух ручьёв, впадающих в речку Бурначку. Древнейшее население этих мест были тюрские кочевые племена. Плотное и основательное освоение этих мест русскими поселенцами началось на рубеже XVII – XVIII вв. и продолжалось до середины XIX в.

Трофимовы были и владельцами земель в окрестностях другого Петровского, которое находится на расстоянии восьми километров от Токарёвки, по той же дороге, что идёт из Токарёвки во Львово. В следующем документе имеются довольно интересные сведения, касающиеся не только владения землёй.

«Петровское, говорят, было первым селом, на землях которого стали выращивать картофель. Было это в 1845 году, при помещике Хвоцинском. В Тамбовском архиве точных данных об основании с. Петровского нет, но старожилы рассказывают следующее. В 1824 году помещик Ковальский (из с. Княжево) имел земли к югу от Княжево вплоть до нынешнего с. Петровского. На этих землях Ковальский

решил образовать хутор, а поэтому туда поселил 30 семей из с. Княжево, из своего поместья. На хуторе был главным его зять Трофимов. В числе 30 семей была семья Петровых (три брата). Эта семья из всех других была более состоятельной и влиятельной. По Петровым, впоследствии, и было названо разраставшееся село. В 1894 году построена церковь. Казанский престол (действующая)».

Законом царя Николая I 1840 г. определялась обязательная посадка картофеля. В первую очередь это относилось к государственным деревням, в которых проживали не крепостные, а государственные крестьяне. Но такие новшества встретили весьма мощное недовольство среди этих крестьян, в 1840-44 годах прошли даже «картофельные бунты». Крестьяне боялись, что таким способом «обязаловки» их постепенно превратят из вольных в крепостных.

И ещё один владелец сельца Львово отыскался, уже ближе к Революции, что подтверждает сведения, приведённые в статье М.Ананьевой. В 1917 г. на Тамбовщине (да и не только на Тамбовщине) проходили крестьянские волнения, связанные с завладением помещичьей землёй и имуществом (это пошло после февральской революции, когда свергли царя Николая Второго). На это и пришла в те места жалоба от землевладельца Александра Николаевича Жерве.

Сообщение губернского комиссара Ю.В. Давыдова

Тамбовскому уездному комиссару о принятии мер в связи с телеграммой землевладельца Жерве о беспорядках в имении

24 апреля 1917 г.

Сего числа мною получена из Тереоки от Жерве следующая телеграмма: «Прошу принять экстренные меры для водворения порядка в моем Львовском имении. Рабочие не слушают управляющего, волостной комитет вносит анархию. Пропадет посев и ценные лошади. Лично выехать в Петроград невозможно отсутствием билетов. Жерве».

Уведомляя об этом, прошу Вас принять зависящие меры по существу телеграммы г. Жерве и о последующем мне сообщить.

Губернский комиссар [подпись]

Правитель канцелярии [подпись]

Териоки (в приведённом выше документе ошибка в написании этого слова), с 1948 г. – Зеленогорск, является дачным местом на берегу Финского залива Балтийского моря, недалеко от Санкт-Петербурга. Здесь, вероятно, проживал (отдыхал) помещик Жерве в революционном 1917 г. Териоки территориально раньше относилось к Финляндии, да и сама Финляндия в царское время находилась в подчинении России.

В сельце Львово была небольшая церквушка с престолом

Серафима Саровского Чудотворца, которая была приписана к церкви Владимирской иконы Божией Матери, что в селе Грязнуша (сейчас, с 1959 г., это посёлок Первомайский). Сельцом называли населённый пункт, в котором не было церкви. А придел Серафима Саровского церковью не считался, поэтому Львово и называли тогда сельцом и в епархиальных сведениях.

По данным 1897 г. в состав Львовской волости входили (в скобках указаны прежние названия этих населённых пунктов): сельцо Львово (Керша), село Пановы Кусты (Хохулька), сельцо Никольское (Малютино), деревни Луговая (Козловское), Красная Дубрава (Синюково), Алексеевка (Ржевское), Ивановка (Касалытовка), Марьина (Козельское), Малая Ящерка (Сениловка), Сергиевка (Скорятино). Кроме этого, входили хутора и усадьбы: Крылова, Никитина, Лепёшкиных, Ильинский, Силантьева и Трофимова (всего 10).

Церковь в селе Первомайском, скорее всего, не сохранилась. Она была каменной, но холодной. Первая церковь, похоже, что деревянная, была построена в 1799 г., тогда же был открыт и приход, поскольку в епархиальных сведениях 1834 г. Грязнуша названа селом, а уже каменная церковь на месте деревянной построена в 1850 г. В ней был дополнительно придел Архангела Михаила. По данным 1911 года в Грязнуше было 962 двора, в которых проживало 7704 человека, в том числе – 3908 человек мужского пола и 3796 человек женского пола. В приход церкви входило девять дере-

вень. Сельцо Львово (133/528/516) – соответственно: (число дворов/количество человек мужского пола/количество человек женского пола), Петровская (227/1081/1028), Луговая (прежнее название – Козловская) – (20/81/83), Краснодубровка (прежнее название Синюки) – (11/42/37), Сергиевка (прежнее название Спорятино) – (25/86/83), Никольское (прежнее название Малютино) – (17/56/48), сейчас его название – Первомайское, общее с Грязнушей, Егоровка (прежнее название Болотино) – (23/83/84), Гавриловка (прежнее название Новые Донские) – (55/213/206), Александровка (прежнее название Старые Донские) – (42/184/191), Большая Зверьяевка (155/562/563). Деревни Сергиевка и Никольское находились в версте от церкви, можно сказать, что практически в одном населённом пункте (он и называется сейчас Первомайским), Петровское располагалось в четырёх верстах от церкви, Луговая – в восьми верстах, Краснодубровка – в десяти верстах, а остальные – в шести верстах от церкви.

В Грязнуше и Львово было по одной земской школе, а в Петровском и Большой Зверьяевке – по одной церковно-приходской школе.

Рядом с Грязнушей, в этом же церковном округе, находились экономии Жерве и Трофимова (потомка прежнего владельца коллежского асессора Ивана Дмитриевича Трофимова), отдельные хутора: Лепёшкина, Крыловых, Самородова, Колмаковых и Остроуховых.

В приходе было сравнительно значительно развито сектантство (48/210/218), молокане и баптисты, которые в 1910 г., в соответствии с Законом от 17 октября 1906 г. («О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов»), выделились в отдельные общества. (До этого, 17 апреля 1905 г. вышел высочайший Манифест о веротерпимости.) Больше всего проявлялось молоканство и духоборчество в Кирсановском уезде. Главные молоканские наставники ссылались правительством в Сибирь, Закавказье и Молочные воды. Но это до выхода в свет Закона от 17 октября 1906 г. Не могло государство совместно с православной церковью победить молоканство, как, впрочем, и старообрядчество...

По данным 1914 г. в сельце Львово проживало 1320 человек, из них мужского пола – 570. В селе имелась земская больница, земская двуклассная школа. Ежегодно, 1 января, 29 июня и 25 августа (по старому стилю) проводились ярмарки. Указывалось, что помимо деревень, входивших в эту волость (Львовскую волость), были два имения, дворянина Александра Николаевича Жерве, владевшего 1085 десятинами земли, и мещанина Афанасия Эмануиловича Корженко, владевшего 675 десятинами земли. В имении Жерве проживало 23 человека, из них – 15 мужского пола, а в имении Корженко проживал 21 человек, из них мужского пола – 10. Ско-

рее всего, что Трофимов, в своё время продал Жерве не всё имение, а только его часть, которую позже и уступил мещанину Корженко. И произошло это последнее, как можно полагать, в промежутке 1911-1914 гг. Судя по тому, что землевладелец Александр Николаевич Жерве беспокоился в 1917 г. не только о посевах, но и о «ценных лошадях», то можно думать, что он, как коннозаводчик, принимал участие в конных ярмарках, которые проходили в Токарёвке и Полетаево.

В настоящее время, Постановлением Тамбовской областной Думы от 11.06.2015 г., село Львово объединено с деревней Петровское с сохранением общего названия – Львово...

Крепостных и проигрывали в карты, и дарили, и продавали семью в розницу, и били, и убивали. Было это в порядке вещей. Ответственности за такие преступления не было никакой. Ни перед законом Божьим, ни перед государством. Всё это известно. Ну, кто же будет судить тебя за, например, сломанную тобой свою же лопату или, положим, топор? Даже если известно, что ты это сделал нарочно. А для крепостника что лопата, что человек – одно и то же. Лопата даже может быть и дороже. Во время царствования императрицы Екатерины II некоторые передовые люди того времени выступали против продажи крепостных в розницу. Но их выступления не имели никакой поддержки со стороны правящего класса, издававшего законы.

Дальше приводится небольшая выдержка из книги известного учёного и революционера-анархиста князя

П.А.Кропоткина «Записки революционера». Почему, спросите, именно П.А.Кропоткина? Ведь не только он один писал об этом! Конечно, не он один. Только потому его и взял, поскольку наши предки по линии Чекалиных и Барановых проживали в тех же примерно местах, где находилось и имение князей Кропоткиных. Имение князей Кропоткиных называлось Кропоткино-Петровское. Оно располагалось примерно в 60-ти верстах (по дороге на Царицын, теперь – Волгоград) от места, в котором проживали наши родственники.

«Один помещик раз спросил другого:

– Почему это в нашем имении число душ так медленно прибывает? Вы, по всей вероятности, мало следите за тем, чтобы люди женились?»

Через несколько дней после этого генерал возвратился в свою деревню. Он велел принести себе список всех крестьян, отметил имена всех парней, достигших восемнадцати лет, и девушек, которым исполнилось шестнадцать, то есть всех тех, которых по закону можно венчать. Затем генерал отдал приказ: «Ивану жениться на Анне, Павлу на Парашке, Фёдору на Прасковье» и т.д. Так он наметил пять пар. «Пять свадеб, – гласил приказ, – должны состояться в воскресенье, через десять дней».

Вой поднялся по всей деревне. В каждой избе вопили женщины, молодые и старые. Анна надеялась выйти за Григория. Павловы старики уже сговорились с Федотовыми на-

счёт их дочери, которая скоро входила в возраст. На придачу время было пахать, а не свадьбы играть! Да и как можно было приготовиться к свадьбе в десять дней. Десятки крестьян приходили, чтобы повидать барина. Группы баб с кусками тонкого полотна в руках дожидались у чёрного входа барыни, чтобы заручиться её заступничеством. Но всё было напрасно. Помещик заявил, что свадьбы должны быть через десять дней, так оно и быть должно.

В назначенный день свадебные процессии, скорее напоминавшие похороны, направились в церковь. Женщины вопили и причитывали, как по покойникам. Одного из лакеев командировали в церковь, чтобы доложить, когда обряд свершится. Скоро, однако, лакей прибежал, бледный и расстроенный, с шапкой в руках.

– Парашка упрямится, – доложил он. – Она не хочет выходить за Павла. Когда батюшка спросил: «Согласна ты?», она громко крикнула: «Нет, не согласна!»

Помещик рассвирепел.

– Ступай и скажи ему, долгогривому, что, если он не обвенчает Парашку, я донесу на него архиерею, он – пьяница. Как смеет он, мерзавец, не слушаться меня. Скажи, что я сгною его в монастыре. Парашкиных же родителей сошлю в степную деревню.

Лакей передал приказ. Парашку обступили поп и родные. Мать на коленях молила дочь не губить всех. Девушка твердила «не хочу», но всё более и более слабым голосом; потом

шёпотом; наконец совсем замолчала. Ей возложили венец... Она не сопротивлялась. Лакей помчался в барский дом с докладом: «Повенчали».

Полчаса спустя у ворот помещичьего дома забряцали бубенчики свадебных поездов. Пять пар слезли с телег, перешли двор и вошли в переднюю. Помещик принял их и велел поднести по рюмке водки. Родители, стоявшие позади плакавших дочерей, велели им кланяться в ноги барину.

Таковы были дела, которые я сам видел в детстве. Картина получилась бы гораздо более мрачная, если бы я стал передавать то, что слышал в те годы: рассказы про то, как мужчин и женщин отрывали от семьи, продавали, проигрывали в карты либо выменивали на пару борзых собак или же переселяли на окраину России, чтобы образовать новое село; рассказы про то, как отнимали детей у родителей и продавали жестоким или же развратным помещикам; про то, как ежедневно с неслыханной жестокостью пороли на конюшне; про девушку, утопившуюся, чтобы спастись от насилия; про старика, поседевшего на службе у барина и потом повесившегося у него под окнами; про крестьянские бунты, укрощаемые николаевскими генералами запарыванием до смерти десятого или же пятого и опустошением деревни. После военной экзекуции оставшиеся в живых крестьяне отправлялись побираться под окнами. Что же касается до той бедности, которую во время поездок я видел в некоторых деревнях, в особенности в удельных, принадлежащих

членам императорской фамилии, то нет слов для описания всего».

И это в то время, когда уже был издан Петром Первым указ (1724 года) о запрете женитьбы молодых, в том числе и крепостных, без их на то согласия.

То, что крепостных ни во что не считали, очень образно описал П.А.Кропоткин в тех же «Записках».

«...Но когда после долгих приставаний нам удалось заставить отца (отец, А.П.Кропоткин, был военный, в чине генерал-майора – С.Ч.) рассказать, за то он получил Анну с мечами и золотую саблю, тут уж мы были совсем разочарованы. История была до крайности прозаична. Штабные офицеры квартировали в турецкой деревне, когда в ней вспыхнул пожар. В одно мгновение огонь охватил дома, и в одном из них остался ребёнок. Мать рыдала в отчаянии. Фрол (крепостной А.П.Кропоткина – С.Ч.), сопровождавший всегда отца, бросился в огонь и спас ребёнка. Главнокомандующий тут же наградил отца крестом за храбрость.

– Но, папаша, – воскликнули мы, – ведь это Фрол спас ребёнка!

– Так что ж такое, – отвечал отец наивнейшим образом. – Разве он не мой крепостной? Ведь это всё равно».

А вот и ещё, от философа В.В.Розанова (В.В.Розанов. Ре-

лигия и культура. – Сборник статей – «По тихим обителям»), изучавшем крестьянский вопрос.

«...Русский мужик не ленив... Отхожие промыслы есть великий показатель, что мужик наш не лежебока. Но он решительно сбит с ног: 1) малостью земли, 2) отсутствием верных и обильных по близости заработков. Раньше грамоты, раньше даже веры надо спасти физиологическую суть народа. Надо положить или хоть не выбирать рубль из его кошелька – и уже затем его стричь, чесать, учить, даже «креститься» учить! Раньше всего надо «быть», и уже потом на это «быть» надевать культуру. А в деревне нашей поставлен вопрос о самом «быть». Ещё на ступень опуститься ей – и всё треснет там, ибо пахарь на дохлой клячонке, держащий вместо коровы козу (всё виденные примеры!), местами ленивец (от беспомощной бедности, от отчаяния, начинается лень), везде почти пьющий (русский опиум), вдруг протянет по дорогам руку за подаянием! Нищенство страшное явление. Тихое – оно злое бурь. Нищий – пансионер народа. Но когда сам народ «протянет ручку», кто же ему тогда подаст? Откуда? Что?!»

Написано это было ещё до отмены в 1861 г. крепостного права. Не прислушались. Не только крепостники, но потом и имперское государство, а потом и правопреемник – большевистское государство. И вот оно, тихое нищенство-то, и

наступило. Оно ещё раньше наступило, и сейчас продолжается практически полным бездействием имущих власть.

Вот тогда насильно и перевезли Чекалиных из одной нищеты в другую...

Мой отец, Иван Васильевич, рассказывал, что когда он во время войны лежал по ранению в госпитале в Петрозаводске (начал он воевать по мобилизации в Финляндии в 1943 г.), медсестра спросила его, нет ли у него брата, Михаила. А у него как раз так и звали брата, который моложе него был на три года. Отец обрадовался, что жив, возможно, его брат. Встретился отец с тем Михаилом Чекалиным, оказалось – не брат. Так вот «не брат Михаил» рассказал, что в деревне их, в Архангельской области, половина деревни – Чекалины. Вполне могло оказаться, что деревня эта и была родиной нашей фамилии. Но название её, к сожалению, не сохранилось...

На другом берегу речки Бурначки находилась деревня Петровское (возможно, что написание этого населённого пункта – Петровская, как деревня). Впервые упоминается, как и сельцо Львово, в ревизской сказке 1816 г. по Борисоглебскому уезду Тамбовской губернии (в то время город Борисоглебск относился к Тамбовской губернии). Но дополнительно о Петровском рассказ будет несколько дальше, в главе 2 («Баранов Иван Николаевич»).

По линии Чекалиных в то время мужчины женились в позднем возрасте, за тридцать лет. Вполне возможно, что

это было связано и с другим. Если просмотреть все известные епархиальные сведения по этим местам, то можно заметить, что число крестьян мужского пола несколько превышало число крестьян женского пола. Вот из-за этого дефицита могло быть и смещение возраста женихов в сторону увеличения.

Примерно лет тридцати с небольшим женился и Василий Иванович. Жену его звали Дарья, из подворья Лунёвых (как у нас в семье говорили, по бабушкиному выговору – ЛунЯ-вых). Больше, к сожалению, о ней ничего не известно. Знаю только, что умерла она в 1927 г., ещё до переезда их семьи из Львово в деревню Красный Куст. К концу своей жизни Дарья полностью ослепла.

От Львово Красный Куст находится (находился, потому что в настоящее время, начиная с 2004 г., он уже не существует) километрах в двадцати пяти, если по прямой линии, и километрах в тридцати – по дорогам. В то время деревня эта относилась к Грязно-Двориковскому сельсовету Полетаевского района Тамбовской области.

С какого времени появился Красный Куст выяснить не удалось, но известно, что в 1911 г., по епархиальным сведениям, его ещё не было, а в это время упоминается только хутор Шанина, что находился от деревни по другую сторону лощины с каскадом прудов. Примерно в 1917-1925 гг. и немного позже началось переселение крестьян в описываемых местах, стали образовываться новые деревни, кото-

рые называли часто так же, как и называлась ими покинутая. Так, можно полагать, что Красный Куст и образовался первоначально, примерно в 1915-1920 гг., из переселенцев села Красный Куст, которое находилось на севере Тамбовской губернии. Да и не один он такой, с таким названием, тогда появился. А позже, к этим переселенцам стали добавляться крестьянские семьи и из других сёл и деревень, но название населённого пункта так и оставалось первоначальным.

Небольшая поправка. В середине июня месяца 2019 года я получил письмо от Натальи Викторовны Ананьевой из Самары. Она прочитала в Интернете мои воспоминания «Школа: Красный Куст, Полетаево, Узуново». Так вот, она говорит, что в Красном Кусте жили её родственники. Её бабушка, 1926 года рождения, как и мы, в своё время, играла в Шанинском саду. Её дядя родился в Красном Кусте в 1911 году, а его старший брат – и того раньше. Младший дядя учился даже некоторое время в Полетаево (похоже, что начинал он учиться в Красном Кусте, в его начальной школе), до переезда в другое место, ближе к местам наших родственников в Борисоглебском уезде. Упомянула Наталья и некоторые фамилии своих родственников, среди которых были Мамонтовы, Астафуровы. О Мамонтовых я дальше немного расскажу, а вот Астафуровы у меня остались только «на слуху». Помню, как-то в разговоре между мамой и папой прозвучала эта фамилия. К сожалению, не помню – в каком контексте. Помню даже так, мама, кажется, произнесла: «Клав-

ка Астафурова». Так что возраст Красного Куста можно смело назвать старше 1911 года. Вероятно, что первые жители этих мест входили в общий хутор Шанина. Ведь у него была большая конюшня, рабочие руки были нужны. Потом, когда пошло переселение и заселение этих мест, посёлок и назван был Красным Кустом, и прежние его жители стали краснокустовскими, с тем же местом рождения. Я спрашивал о фамилии Астафуровы брата Мишу и сестру Валю, но они ничего не могли сказать, им она неизвестна. Упомянутая выше жительница Самары познакомила меня с краеведом тех наших мест Рязановой Татьяной. Татьяна почитала мои воспоминания о деревенском детстве, о Красном Кусте, они ей понравились. А в феврале 2022 года прислала мне немецкую карту, вероятно, конца 1930-х годов, на которой изображён наш Токарёвский район (в то время он был Полетаевским) с нашими деревнями Масловкой, Девяткой, Ряжском, Красным Кустом, Калиновкой, Пичаевым и др.

И ещё. В Интернете появилась заметка некой Ольги Дмитриевны из Ростова, которая назвала себя правнучкой этого хуторянина Шанина, а также назвала и ряд населённых пунктов, которые относились к его хутору. В числе этих деревень оказался наш Красный Куст, а также, что даже странно, – Верблюдовка. Почему странно? Только потому, что до этого название соседней с нами деревни Верблюдовка нигде не встречалось. Надо думать, что в сохранившихся до наших дней потомках Шанина настолько яркой осталась информа-

ция о том времени, что сохранились даже в памяти его правнуков названия наших деревень. Очень жаль, что нет обратной связи, ведь можно было бы узнать и ещё что-нибудь интересное о наших местах...

Почему Чекалины снялись с обжитого места и уехали в совершенно новое. Ведь это очень трудно, перебираться в другую деревню, да ещё и с домом. Дело, вероятно, вот в чём. В марте 1921 г. была отменена продразвёрстка и было объявлено о переходе к другой системе хозяйствования, к новой экономической политике, к НЭПу. По этой политике крестьянам разрешалась свободная торговля излишками получаемой ими продукции (после уплаты обязательных налогов: вместо ранних 70% теперь уплачивалось 30%). В связи с этим, для получения сельскохозяйственной продукции необходимы были хорошие урожаи зерна, других сельхозпродуктов, для увеличения поголовья скота нужны были хорошие пастбища и сенокосы. Чекалины и во Львово занимались торговлей мясом, и это у них хорошо получалось. Поэтому, вероятно, и решились они на переезд в новое место, где вольготней было с сенокосом и выпасом для скота, чем в густонаселённых местах в районе Львово. Только вот со временем переезда они ошиблись, да, вероятно, и с самим переездом. Кто же знал, что НЭП уже завершался, уже в следующем, 1929-м г., началось активное притеснение крестьян, занимавшихся выращиванием сельскохозяйственной продукции, началось известное раскулачивание. НЭП благо-

получно закончился. Вот к завершению НЭПа и состоялся этот переезд Чекалиных.

На новое место Чекалины перевезли свой старый деревянный дом, шестистенок. В этом доме были большие сени, кухня со столовой, да и спальней заодно, и большая горница, предназначенная в качестве спальни. Но горница была холодная, не пригодная для житья в ней зимой, так что на зиму она закрывалась, и все обитали в одной комнате-столовой-спальне. Дальше, уже здесь, я тоже немного расскажу и о другом доме, в котором я родился, но в котором не жил Василий Иванович.

В 1950 г., начиная с весны, старый дом снесли и построили дом из самана, тоже шестистенок, с большими сенями, из которых был выход во двор и на небольшое крыльцо, а также через приставную лестницу в сенях – на чердак, или, как мы называли, на потолок. Фундамента не было, саманные стены стояли просто на земле. Не потому, что так было принято строить, а потому, что не на что было купить кирпич.

Что такое саман (другое название – адоба)? Очень простое устройство. Берётся глина, солома, добавляется немного навоза, всё это смешивается с водой и замешивается как тесто. Только если надо было много саманов, то замешивали лошадьё. А если немного, то самостоятельно, ногами. Для изготовления самана делали деревянную форму, примерно 40x60x15 см, которую заполняли замешанной глиной с соломой. Потом эту форму выкладывали просушиться на под-

готовленный чистый и ровный участок земли, каркас освобождали от глины и использовали для следующей закладки. Полученные саманы («кирпичи») укладывали в стены, связь между ними делали тоже глиной, но без соломы, смешанной с песком, как при кладке печи.

Дома из примерно такого состава строили не только в России. Известно, что таким строительством на основе глины и соломы (но с добавлением извести, для крепости) издавна занимались в Испании, а потом и в Америке, переселенцами из Испании после открытия её Колумбом. Строили не только жилые дома, но и церкви.

Крыша дома сначала была соломенной, а потом её заменили на железную. Русскую печку оставили от старого дома, стены строили вокруг неё. А в новой горнице дополнительно сложили печку-шведку на две конфорки, Теперь и в зимнее время в горнице тоже жили. В ней находились родители с нами, детьми, а в основной избе – дедушка с бабушкой. Но это всё относительно, потому что и мы с братом часто спали на русской печке, а то и на полатах...

Василий Иванович человек был набожный, но в церковь ходил очень редко, только по очень большим праздникам, да и то не каждый год, и очень не любил попов. Даже по самым большим праздникам, на Пасху или Рождество, в дом их не пускал, да они и сами его дом обходили стороной. Так было во Львово, так было и в Красном Кусте. Он говорил, что, мол, моему Богу денег не надо. И все домашние терпели это.

Ну, кто же мог слово сказать? Хозяин, всё-таки, как-никак!

Был ли он молокан, не знаю. Хотя во Львово молокан было много. Молокане – это приблизительно баптистская секта, основными книгами которой являются, в безусловном следовании им, Ветхий и Новый Заветы, объединённые в Библию. Апостол Павел как-то сказал о Библии, что это млечное питание для верующих. Поэтому и секта стала называть себя молоканами. Говорят, что такое название секта получила за то, что во время поста её члены пьют молоко. Не думаю, что это так, что из-за этого. Скорее, что молоко они пьют, потому что раньше прозвали себя молоканами.

У нас в семье существовала такая история про молокан. Рассказывал очевидец:

– Захожу постом я к таким-то (к молоканам), а они обедают, молоко пьют. У меня на голове аж волосы прямо дыбом встали!

Кстати, секту молокан организовал во второй половине XVIII в. Семён Матвеевич Уклеин (крестьянин-портной), житель Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, что совершенно рядом с местами, где проживали наши предки, некоторые из них были и из Борисоглебского уезда. Вообще Тамбовская епархия признаётся родиной и колыбелью молоканства. Семён Уклеин был ярый поборник молоканства. Он часто ходил по деревням своего округа с проповедями, дошёл и до Тамбова, где на центральной площади открыто проповедовал молоканство. За это проповедника арестова-

ли, но после его притворного раскаяния выпустили.

Вообще эта христианская секта вышла из секты духоборов, основанной во второй половине XXVIII в. жителем с. Горелое Воронежской губернии Ларионом Побирахиным. Больше всего этому были подвержены крестьяне Воронежской, Тамбовской и Екатериновславской губерний, а также и небольшая группа крестьян Слободской Украины. Духоборство было основано из двух протестантских направлений – хлыстовства и секты квакеров.

Основной посыл духоборчества основывался на борьбе духовной и плотской (духовная – последователи Авеля, а плотская – последователи Каина). При этом себя они относили к последователям Авеля, к истинным людям, а к последователям Каина они относили власти, судей, богачей, неправедных людей. Кроме только бракосочетания, никакие другие обряды ими не признаются. Своего руководителя секты духоборы считали Христом во плоти. Имелся у них и совет старейшин. А следующего преемника себе этот «Христос во плоти» назначал сам. Для молитвенных собраний они сами придумывали псалмы, их и пели.

Александр I, намереваясь заселить южные места России, разрешил духоборам поселиться в Мелитопольском уезде Таврической губернии на реке Молочная. А в 1841 году они были переселены в Закавказье, в Ахалкалакский уезд. Это место называлось Мокрые горы. В самом конце XIX в. (в 1898-1900 гг.) часть духоборов была выселена в Канаду, где

эти общины существуют до сих пор.

Однако перед этим в среде духоборов произошёл раскол, в результате которого выделилась секта молокан, основателем которой стал зять Лариона Побирахина, названный выше Семён Уклеин. Раскол был такой сильный, что они не могли жить вместе в одной деревне, даже стали разбегаться по своим прежним местам жительства. Поэтому, вероятно, и выселили духоборов, как более нежелательную для власти секту, в Канаду.

Основа вероучения молокан состояла (тогда состояла, сейчас – не знаю) в следующем:

- поклонение Богу в духе и истине;
- не признание икон и креста, не совершают и крестного знамения;
- не признание почитания святых;
- абсолютное отрицание церковной иерархии (достаточно одного Иисуса Христа);
- часто постятся полным отказом от пищи;
- отрицают таинство крещения и причастия;
- запрещают клятвы;
- осуждают безбрачие и монашество, считают такие явления грехом и соблазном совершить грех;
- не пьют спиртного, не используют незензурные слова, не едят свинину;
- для совершения бракосочетания не используют таинство венчания, достаточно только родительского благослов-

ления;

– безусловное почитание власти, поскольку всякая власть от Бога (вероятно, поэтому к молоканам власть относилась терпимее, чем к духоборам).

Церкви, как таковой, у молокан нет. Для проведения своеобразных богослужений, на которых у них читают только книги Священного Писания, поют псалмы, они собираются в просторной избе (горнице). За столом во время молитвенных собраний мужчины и женщины сидят по разные стороны.

Судя по этим описаниям, Василий Иванович вряд ли был молоканом. В церковь не ходил, но в проруби на Крещение купался, а это у молокан не приветствуется. Когда жили во Львово, то купался в проруби на речке, а в Красном Кусте – на Авиловом пруду. Из молокан, больше всего, происходила его сноха, бабушка Вера. Она как-то говорила немного об этом, но уверенно сказать не могу, что это так.

Духоборцы и молокане – это, пожалуй, самые многочисленные секты христианского направления. Против этих сектантов был организован государственный и церковный «крестовый поход». Сектантов называли предателями русского духа, нечистыми и аморальными. С государственной стороны даже уголовным кодексом люди осуждались за выход из церкви и присоединение к какому-либо другому религиозному сообществу. За это полагалась ссылка в Сибирь или различные сроки тюремного заключения. В 1891 г. состоя-

лось Совещение православных деятелей (под председательством обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева), в резолюции которого было записано:

«Быстрый рост сектантства является серьёзной опасностью для государства. Всем сектантам должно быть воспрещено покидать своё местожительство... Паспорта сектантов должны быть помечены особым образом, чтобы их нигде не принимали на работу, ни на жительство, пока жизнь для них в России не станет невыносимой. Дети их должны силой отбираться и воспитываться в православной вере».

В 1912 году священник Введенский опубликовал в журнале (в Санкт-Петербурге) статью, в которой он приводит свои размышления на этот счёт:

«Вместо того, чтобы властной рукой вырвать из среды русского народа враждебные ему иностранные элементы, мы великодушно вели рассуждения на тему, что религия – дело совести»...

Василий Иванович был крупный высокий мужчина. Дети, по росту, пошли не в него, вероятно, в мать, Дарью, и в её родню. И здоровья он был крепкого.

На самом-то деле в Красный Куст переехал со своей се-

мьёй сын Василия Ивановича, Василий Васильевич, мой дедушка. А Василий Иванович так вместе со своим сыном, и к этому времени, единственным, жил в его семье. Вместе с ними жила и незамужняя дочь Василия Ивановича, Василиса. Васёна, так её называли в нашей семье. До преклонных лет Василий Иванович купался в проруби на Крещение, никогда не болел и умер с тридцатью двумя зубами. Любил париться в русской печке. Бани у них не было, да и ни у кого там, в степном районе, не было бань, потому что топить нечем было – дров в степи нет.

Русскую печь протапливали сухим навозом (да и вообще её топили постоянно, даже и в летнее время, для приготовления пищи). После топки, для того, чтобы попариться, печь чисто выметалась, стелилась солома, и парильщик забирался в неё головой вперёд. Прогревался до седьмого пота. Это не только сложно было сделать, но и представить-то невозможно. Ноги, вероятно, не помещались, хотя внутри, под сводом, было сравнительно просторно. Зимой во двор и к колодцу Василий Иванович выходил босиком и в свои девяносто лет. Залезать в печь надо было только головой. Некоторые, кто поменьше ростом, и вылезали из неё тоже головой. Прадедушка был сравнительно рослый, поэтому не мог в печи развернуться, передвигался из печи задом.

Приведу на эту тему описание историка:

«Чёрный народ вообще пристрастен к баням, а за неиме-

нием их по большей части парился в печи жилых изб, в те дни, когда пекут хлеб и печь сильно раскаляется, некоторые по излишней охоте или по убеждению, что пар облегчает все недуги, запариваются насмерть. Это чаще случается с людьми престарелыми и в особенности с женщинами. Они, выбрав удобное время, то есть когда семейство удаляется спать, или выберется из дому, влезают в печь, жарко натопленную, и, обратясь головой в глубину печи парятся веником, обмакивая его в горячую воду и прикладывая к раскалённому своду печи, через что образуется иногда такой сильный пар, что они впадают в нечувствительность и задыхаются, случается, что мёртвого находят тогда только, когда, вставая поутру, открывают печь для приготовления пищи.

Обычай же, выходя зимой из бани, бросаться в снег или летом в реку, почти повсеместен. Убеждения, что обычай этот вреден для здоровья, слабо действует на простых людей: они убеждены напротив, что быстрый переход от жара к холоду как бы закаляет тело их, и поэтому, навалывшись в снегу, они снова входят в жаркую баню»...

Детей у Василия Ивановича и Дарьи было пятеро: два сына, Михаил и Василий, и три дочери, Мария, Василиса (Васёна) и Федосья. Василий Иванович характером был очень крутой. Говорили, что он часто поругивал Васёну, да иногда и поколачивал её. За что, не могу сказать, и отец не знал.

Бабушку Машу, Марию Васильевну, полную тѣзку по имени и отчеству моей прямой бабушки со стороны мамы, я хорошо помню. Шутница была, в неё и племянница пошла, Антонина Васильевна, сестра отца. В Красный Куст в гости приходила пешком из Львова (из Остроухово, в котором она и проживала в это время), а уж была в преклонном возрасте, за семьдесят лет. Придѣт, что-нибудь обязательно принесѣт, чечевичных зѣрнышек, семечек, а то и яичко. Говорит: «Сярѣня! Иди-ка, поклуй нямнога!»

Как-то раз возвращалась Мария Васильевна от нас домой, по дороге нагнала её машина с каким-то местным начальником. Он хорошо знал её, да и все её знали, как шутницу, на свадьбы приглашали. Посадили бабу Машу в машину, довели до дома. Так она вылезла и говорит:

– Погодите-ка, я сейчас, – и достает из узелочка двугривенный. – Вот, за труды возьмите.

Те, которые подвезли:

– Ну, что ты, тѣтя Маша, не надо.

Думали, что она и в самом деле расплатиться хотела. Она об этом потом рассказывала:

– Я им, прямо, серьёзна, и они тожа серьёзна, руками размахалися. А денег-то у меня всего двадцать копеек и было.

В кино билет тогда, до реформы 1961 г., стоил два рубля.

Или ещё. Пришла она в клуб, фильм смотреть. Уселась в первых рядах. А на экране, по ходу фильма, паровоз летит на зрителей, на полном ходу. Это не картина «Прибытие по-

езда», другой какой-то фильм был. Наша баба Маша как заголосит, будто с испугу. Клуб весь переполошился. А ну её уговаривать, что всё это неправда, картинка это на стене. А она – своё. Потом нам говорит:

– А то я не знаю, что это картинка. Всё потом вспомнят, как в кино ходили.

Но ни над кем оскорбительно или обидно шутить себе не позволяла. Только в отношении себя самой...

Семья Василия Ивановича во Львово жила одним домом. Никогда не было ни одной размолвки между снохами и золовками, моей бабушкой и сёстрами дедушки, которые вместе вели домашнее хозяйство, начиная с топки печки по раннему утру и кончая уходом за скотиной. И, конечно, дети были на их руках. В первый год замужества бабушкина свекровь, Дарья, не допускала бабушку к печке, ворочать чугуны. Уже потом, после рождения первого ребёнка, Антонины, бабушка стала и у печки хозяйствовать. Но это совместное житьё продолжалось примерно два года, почти до конца 1921 года, когда Мария и Федосья перешли на жительство в семью их старшего брата, Михаила, в Остроухово. Михаил был расстрелян войсками большевиков во время крестьянского бунта в 1920-21 гг. Осталось в этой семье четыре человека женского пола: жена Михаила и их две дочери, а также приёмный ребёнок, девочка-сирота Клавдия. Вот для помощи этой осиротевшей семье Василий Иванович и отправил своих двух дочерей.

Сын Василия Ивановича, Михаил, во время известного бунта тамбовских крестьян, названного в истории «антоновщиной», вспыхнувшего в начале 20-х годов и закончившегося летом 1921 г., был взят как заложник в числе многих других жителей из их деревни и окрестных деревень. Михаила определили (это уже после его убийства) как шпиона банды Антонова. Дедушка на следствии в 1932 г. об этом скажет. Бунт этот был связан с безвозмездным изъятием продовольствия у крестьян, так называемая продразверстка, при которой у крестьян изымалось 70% зерна. Причиной бунта стала не столько продразверстка, сколько то, что в 1920 г. случилась сильная засуха, собрали всего 12 миллионов пудов зерна, а государством была установлена сдача 11,5 миллионов пудов. Практически это означало верную голодную смерть. Несколько подробнее об этом я расскажу дальше в главе 6 («Чекалин Михаил Васильевич»)..

Но вернёмся к началу. Умер Василий Иванович в 1936 г., одного года не дождавшись своего сына, Василия, «врага народа». Дедушку Васю арестовали по ложному доносу в ноябре 1932 г., осудили на пять лет. В это время Василий Иванович, как говорил отец, впал несколько в ребячество. Когда дедушка был в тюрьме, дочери его, Антонине, было уже четырнадцать лет. Хотелось вечером с подружками на улице погулять, но дед ругался:

– У-у, ехидна вас заberi! Отец в тюрьме сидит, а она – на улицу!

Василий Иванович не ругался нецензурно, «ехидна» – это его самое страшное ругательство.

Но Антонина убежала, хотя дед и скандалил. А тут к клубу радио на столбах подвели, известную «тарелку». Вот Антонина и придумала:

– Дедушка, там по радио говорили, что мужиков из тюрьмы скоро отпустят, и отца тоже.

Говорили, так говорили. Вечер. Антонина дома сидит. Дед и говорит:

– Тонька! А?! Ты чего же сидишь-то? Сходила ба, про отца-то узнала. Скоро придётъ-та. Не охота, штоль, про отца-то узнать?

Убегала узнавать.

Понятно, старый, что малый. Деду-то было за девяносто лет. Он таких обманов уже и не понимал. Но этот обман безобидный. Внуки его, Иван и Михаил, похлеще придумали. Василий Иванович ходил за хворостом, в лощину за деревню Пичаево. Вот внуки и говорят:

– Дедушка, в Пичаево такой-то умер. Похоронили уже.

Пошёл дед как-то за хворостом, с вязанкой из лощины из кустов выбирается, а навстречу ему с такой же вязанкой тот самый «такой-то», которого «уже похоронили». Дед Василий аж присел:

– Ты откуда взялся?

– Откуда-откуда? Оттуда!

– Ну и что там?

– А что и у тебя.

– Да ты же умер, поди?!

– Да вот живой пока.

А дед после этого уже и боялся за хворостом ходить. Пошутили, называется.

Как рассказывал отец, Иван Васильевич, в близкое к смерти время дедушка уже не слезал с печки, даже часто и ел там. Слезал только по необходимости. Они уж в это время его не донимали своими ребяческими «шутками».

Похоронен Василий Иванович в Полетаево. А до этого, в 1935 г., умерла его дочь, Васёна, Василиса Васильевна. Как говорили в нашей семье, дед Василий после смерти дочери затосковал и вскоре умер. Но возраст-то и без тоски был довольно преклонный...

Тут я с извинениями, поскольку писал о прадедушке, а попутно написал и много другого из истории (далее вам встретятся подобные места и в других главах). Это, я думаю, необходимо, чтобы хотя бы немного передать и ту историческую атмосферу и прочее, что окружало российских людей, к которым относились и наши родственники.

Глава 2. Баранов Иван Николаевич

Предки бабушки жили в деревне Петровское Тамбовской губернии практически с самого его образования. А оно и не такое уж и старое, примерно с каких-то последних, вероятно, лет XVIII в. Деревня эта находится не очень далеко от Токарёвки, порядка 20-25 километров. Она состояла, как рассказывала бабушка Вера, из двух частей: Барские Петровские и Вольные Петровские. На порядке Барских Петровских проживали помещичьи крестьяне, а в Вольных Петровских жили государственные крестьяне, не крепостные.

Деревня Петровская входила в состав Больше-Лазовской волости Тамбовского уезда. Состав этой волости значительно изменялся. Например, в 1897 году в неё входило 14 населённых пунктов, а в 1914 году – уже 18 да и ещё 14 хуторов. Так, в 1897 году (по архивным сведениям) в её составе находились: с. Большая Лазовка, д. Малая Лазовка (Чернянка), д. Малая Зверьяевка (Духовка), д. Большая Зверьяевка, с. Грязнуша, д. 1-я Александровка (Старая Донская), д. Гавриловка (Новая Донская), д. Егоровка (Болотина), д. Петровская, д. Максимовка, д. Рыбкина (Плаксина, Жердева), д. Ящерка (Проломская, Шацкая), с. Остроухова (Ящерка речка), д. Николаевка, д. Андреевка, с-цо Александровка, д. Луговая, д. Журавлинка, хутора Самородова, Золотухина, Нечаева, Муханова, Араповых (всего 7).

В 1914 году несколько изменилось в составе населённых пунктов и значительно прибавилось хуторов. Вероятно, хутора образовались из отдельных, если можно так сказать, фермерских хозяйств, выделившихся из основной деревни в сторону от неё, поближе к пашням и сенокосам, а также арендовавших со стороны земельные угодья у крестьянских хозяйств. Так, по архивным сведениям 1914 года, Больше-Лазовская волость представлена в таком составе: с. Большая-Лазовка, д. Малая-Лазовка, с. Малая-Зверьяевка, д. Большая-Зверьяевка, с. Грязнуша, д. Александровка (Донская), д. Гавриловка, д. Егоровка, д. Петровская, д. Луговая, д. Максимовка, д. Рыбкино, д. Ящерка, с. Остроухово, с. Николаевка, с. Андреевка, с-цо Александровка (Мухалово), д. Журавлиновка. Хутора: Михаила Даниловича Акулинина при с. Большой-Лазовке; Александра Михайловича Светозарова при с-це Александровке; имение Елизаветы Михайловны и Надежды Ниловны Араповых при д. Николаевке; Николая Павловича Иванова при д. Андреевке; Евдокима Петровича Попова при с-це Александровке; арендаторов земли Нечаевой Григория Петровича и Тимофея Васильевича Тюковых при д. Ящерке; арендаторов земли Нечаевой Степана и Устина Никитиных и Тюковых при д. Максимовке; Семена Игнатовича Остроухова при д. Петровской; Максима Алексеевича Остроухова при д. Петровской; Максима, Емельяна и Ефима Колмаковых при д. Егоровке; И.Г.Акулинина при д. Петровской; В.Д.Акулинина при д. Петровской; П.Д.А-

кулинина при с. Грязнуши; А.Г.Акулинина при д. Александровке; имение Е.В.Самородова при с. Грязнуши; Прокофия Акимовича Молчанова при с. Больше-Лазовка...

Про населённый пункт Петровское (в настоящее время – Токарёвского района) имеются такие сведения.

В документах ревизии 1850 г. упоминается как деревня Петровская. В то время она была заселена экономическими крестьянами и бывшими однодворцами, а также крепостными коллежской ассессорши Парасковии Петровой. Однодворцев было 126 человек, которые жили в 14 домах; 660 экономических крестьян проживало в 40 домах; помещичьих крестьян (7 домов) было всего 63.

*Из жителей села в документах названы Казьма Астафьев, Мирон Беляев, **Николай Баранов** (наш родственник, мой прапрадедушка), Осип Лепешкин, Лев Михайлов, Яков Леонов, Михаил Тарасов, Никита Ермолаев, Степан Андреев.*

В чём же заключалось такое сословное разделение крестьян?

Однодворцы в Российской империи – это особый класс военных земледельцев, живших в XVI-XVII веках на окраинах Московского государства и обязанных нести охрану пограничья. Поэтому однодворцы, во многом сохранившие традиционный уклад жизни и костюм, жили локальными группами на бывших приграничных землях, в центрально-чер-

нозёмных губерниях России: Воронежской, Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской. Правительство давало однодворцам небольшой земельный участок и одну семью (двор) из крепостных крестьян для его обработки. Фактически однодворцы занимали промежуточное положение между мелкими помещиками и крестьянами, но не слились ни с теми, ни с другими, чем и обусловлено своеобразие их культурно-бытового типа. Крестьянский двор, входивший в состав однодворца, не платил налогов и податей в казну, поскольку это выполнял сам однодворец.

По распоряжению правительства, с 1724 года (при Петре Великом) однодворцев причислили к государственным (казённым) крестьянам. Это позволяло увеличить поступления в казну, поскольку государственные крестьяне уже сами платили налоги. Поэтому в приведённой выше ревизской сказке 1850 года указание на однодворцев вряд ли было уместным. Скорее всего, все они уже относились к экономическим (государственным) крестьянам. На мой взгляд, следовало бы в ней сказать, что в деревне Петровская в 1850 году проживало в 54 домах 786 экономических крестьян.

Помещичьи крестьяне – это крепостные крестьяне, которые принадлежали на правах собственности дворянам-помещикам. Они являлись наиболее многочисленной среди других категорий крестьянства Российской империи. В 1859 году, накануне отмены крепостного права, их насчитывалось порядка 23 миллионов человек.

Экономические крестьяне. В России во второй половине XVIII века эта категория государственных крестьян появилась после проведения Екатериной Второй в 1764 году секуляризационной реформы из бывших монастырских и церковных крестьян. В результате этой реформы у монастырей и церковей была отобрана практически вся земля, а бывшие у них крепостными крестьяне перешли в другую категорию – государственных крестьян. Появилось особое сословие крестьянства в России XVIII-XIX века, численность которого в отдельные периоды доходила до половины земледельческого населения страны.

Всё незакрепощенное население, занимавшееся земледелием, во второй половине восемнадцатого века было оформлено государственными крестьянами. Они проживали на казённой земле и отрабатывали повинности в пользу власти, а также платили подати в казну. Государственный крестьянин при этом считался лично свободным. Вследствие конфискации церковных владений российское правительство увеличивало количество государственных крестьян. Кроме того, их число пополнялось и за счёт бегства крепостных крестьян из сёл, а также за счёт приезжих из других стран.

На этот счёт есть интересная информация из незаконченных произведений Льва Николаевича Толстого, в которой он описывал времена Петра I:

«В то время во всей России вольных не было, только

нечто где-то на севере в Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вятской губерниях, да и в Сибири, да и в Черкассах, как тогда называли Малороссию, а в средней России все были либо помещичьи, либо дворцовые, те же помещичьи, только помещик был царь или царица, или царевна, либо монастырские. Олнодворцы тогда ещё назывались крестьянами. Они были дворяне, – такие, которые жили одним двором. В то время вольным людям житьё было хуже помещичьих. Вольные люди часто записывались за помещиков по своей воле».

В чём же заключается отличие государственных крестьян от крепостных? Предполагают, что коронные крестьяне (принадлежащие короне, то есть – королю) из Швеции послужили примером для определения юридических прав государственных крестьян. В первую очередь они обладали личной свободой. В отличие от крепостных, государственным крестьянам было разрешено участвовать в судебных процессах. Им давалось право заключать сделки и владеть собственностью. Государственный крестьянин – это «свободный сельский обыватель», который мог организовывать как розничную, так и оптовую торговлю, а также открыть фабрику или завод. Крепостные жители такого права не имели, так как их личная свобода целиком и полностью принадлежала землевладельцу. Как указал В.И.Даль: «Казённый крестьянин живёт, как бог велит, а барский, как барин рассудит». Государственный крестьянин – это временный поль-

зователь владений правительства. Несмотря на это, известны случаи совершения ими сделок в качестве владельца земельного участка.

К какому же сословию относились Барановы? Я думаю, что они не были крепостными, поскольку проживали во время ревизии 1850 года (до отмены крепостного права в 1861 году) в Вольных Петровских. Не были они и крестьянами-однородцами, судя по укладу их жизни, да об этом бабушка знала бы и сказала. Поэтому они, скорее всего, были государственными крестьянами (экономическими крестьянами, как это записано в ревизской сказке 1850 года). А кем они были до перехода в сословие экономических крестьян – неизвестно. Я полагаю, что они были из крестьян-однородцев.

Немного повторю информацию, которую привёл выше, в главе «Чекалин Василий Иванович» про селцо Львово, которое находилось по другую сторону речки Бурначки от деревни Петровское.

В предыдущей главе уже говорилось, что в настоящее время, по Постановлению Тамбовской областной Думы, деревня Петровское объединена с селом Львово, общее название – Львово.

В списке населённых мест от 1862 года записано так:

«Деревня Петровское при речке Малом Бурначке располагается по правую сторону Астраханского тракта в город Борисоглебск и входит в 3 стана Тамбовского уезда Тамбов-

ской губернии».

По состоянию на 1862 год (по ревизии через год после отмены крепостного права) эта деревня была казённой (то есть – государственной – С.Ч.), состояла из 98 дворов, в которых проживало 1021 человек, из них мужского пола – 512, женского пола – 509. А жители этой деревни продолжали свои порядки домов так и называть по-старинке – Барские и Вольные Петровские, хотя все уже были вольными.

В селце Львово раньше была небольшая деревянная церквушка с престолом Серафима Саровского Чудотворца, которая была приписана к церкви Владимирской иконы Божией Матери, что в селе Грязнуша (сейчас, с 1959 г., это посёлок Первомайский, объединивший несколько рядом расположенных населённых пунктов). Сельцом называли населённый пункт, в котором не было церкви. А придел Серафима Саровского церковью не считался, поэтому Львово и называли тогда сельцом и в епархиальных сведениях. Бабушка говорила, что в их деревне своей церкви не было, и они ходили либо во Львово, либо в Грязнуши. Чаще в Грязнуши, поскольку в приписной церкви не всегда проходили богослужения, но всегда – по большим праздникам.

Церковь в селе Первомайском, скорее всего, не сохранилась. Она была каменной, но холодной. Первая церковь, похоже, что деревянная, была построена в 1799 г., тогда же был открыт и приход, поскольку в епархиальных сведениях 1834

г. Грязнуша названа уже селом, а каменная церковь на месте деревянной построена в 1850 г. В ней был дополнительно придел Архангела Михаила. По данным 1911 года в Грязнуше было 962 двора, в которых проживало 7704 человека, в том числе – 3908 человек мужского пола и 3796 человек женского пола. В приход церкви входило девять деревень, из которых здесь я упомяну сельцо Львово и деревню Петровская. Во Львово была земская двухклассная, а в Петровском церковно-приходская школы.

В районе Токарёвки, в местах, о которых я рассказываю по дороге на Пановы Кусты, имеется три населённых пункта, название которых – Петровское. Два села Петровское по дороге Токарёвка-Ржакса, в направлении на восток: одно на расстоянии восьми километров, а другое подальше, на расстоянии порядка двадцати с небольшим километров, на речке Бурначке. А вот князьям Кропоткиным принадлежало третье Петровское (Кропоткино-Петровское), которое находилось (и находится) на современной дороге М6 «Каспий», от Токарёвки по дороге через Жердевку порядка шестидесяти километров. Через речку Бурначку было как раз то самое сельцо Львово, о котором раньше уже был рассказ в главе «Чекалин Василий Иванович».

Почему «а вот Кропоткиным принадлежало»? Просто я очень долгое время считал (и писал об этом), что Петровское, в котором проживали наши родственники, принадлежало князьям Кропоткиным. Пока не узнал совершенно дру-

гое. Вот всё и перевернулось, но зато стало на свои места, как говорят, «сложились все пазлы».

Я разыскал небольшую информацию о том, кто бы мог быть владельцем деревни Петровская. Вот эта информация.

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Тамбовского губернского правления Тамбовскому г-ну уездному землемеру. Сообщением zdeшней казенной палаты изъясняется, что присланные из правительствующего сената 29 декабря 1799 года за № 1558 указание, о изъяснении именного высочайшего в 1-й день декабря того же года состоявшегося повеления, об отдаче гусарского полка полковнику Андрею Ларионовичу Болотникову в на-полнение недостатка земли припожалованных ему Тамбовской губернии деревень».

И далее:

«... из межевого департамента указом сентября от 19 дня прошлого 1800 года оной канцелярии знать дано, что предписанному ротмистру Болотникову в недостающее число в 15-ти дес. Пропорцию из пожалованных в селе Казыванье земель, именным Высочайшим указом от 7 декабря 1799 года, повелено отдать в вечное и потомственное его владение в той же губернии при деревне ево Петровской земли 1317 дес. с саженьями».

Генерал-майор Андрей Илларионович Болотников с 08.11.1800 г. по 26.11.1801 г. являлся командиром (третьим по счёту) известного в русской истории лейб-Гусарского полка. Этот полк был создан царём Павлом I, накануне его свержения с власти. Павел же и наделил своим Указом землёй в Тамбовских краях генерал-майора А.И.Болотникова, а уж окончание этого дела перешло к следующему царю, Александру I, который короновался 15 сентября 1801 г. Может быть, и в то время, как и сейчас бывает, пришедший на место новый начальник заменяет некоторых, а то и большую часть, своих подчинённых. Так, вероятно, случилось и с А.И.Болотниковым, 26 ноября 1801 г. он уже не являлся командиром лейб-Гусарского полка, прослужив в этой должности чуть больше года (383 дня).

В деревне Петровская, по сведениям 1897 г., которая, как уже говорилось выше, относилась к Больше-Лазовской волости, на этот момент проживало 170 человек. Возможно, что и простое совпадение, но вот прежнее название деревни Егоровка, входившей в состав той же волости, было Болотино, схожее с фамилией ротмистра Болотникова. Дело в том, что местности эти изобиловали болотами, поэтому и название указанной деревни вполне могло быть природным и не связанным с фамилией ротмистра...

Семья Барановых была большая. Все женатые и неженатые братья жили в одном доме, не делились (названные мной

женатые и неженатые братья – сначала – дяди моей бабушки Веры, а в последующем – и её братья). В одно время в этой семье доходило до сорока человек, считая женщин и детей. Это в Новом Завете Иисус накормил пятью хлебами пять тысяч человек, не считая женщин и детей. А здесь приходилось считать, потому что Христом был Труд, а не чудо. Обедать приходилось в два-три приёма. А вот здесь уж, в последних приёмах, – женщины и дети. Готовили в русской печи ведёрными чугунами щи и супы и такими же чугунами – кашу и картошку.

Хозяин в доме был один. Сначала им был бабушкин дедушка, Николай Баранов, из уважаемого в деревне подворья, затем её отец, Иван Николаевич. Родился её отец в 1857 г., умер в 1935. Мать бабушки, Евфимия Андреевна, родилась в 1868 г., умерла в 1934. Была она, как и её муж, из семьи казённых крестьян, по подворью – Агафошкиных. Андрей Агафошкин тоже был уроженец тех же мест. Да, они не были крепостными, однако, не крепостных крестьян, пожалуй, в то далёкое время, да и потом, ближе сюда, в большевицкое и коммунистическое, найти было невозможно. Понятно, выше я писал о тех давних сословиях в крестьянских хозяйствах, об экономических и государственных крестьянах, об однодворцах, о помещичьих крестьянах. Однако полностью свободных крестьян в России не было, как, например, в Европе в то же самое время.

Надо отметить, что оба, Иван и Евфимия, к моменту их

женитьбы были в сравнительно преклонном возрасте – Ивану Николаевичу было около тридцати пяти лет, а Евфимии Андреевне – двадцать три, что было весьма большой в то время редкостью, слишком «засиделась в девках». По исследованиям В.Б.Безгина (Монография «На миру и в семье. русская крестьянка конца XIX – начала XX века». Тамбов, 2015) возраст брачующихся составлял в среднем 16-18 лет. Правда, по Борисоглебскому уезду он был несколько выше, но и 23 года – это уже исключение. Причём, если мужчина был во время женитьбы за 25 лет, то это воспринималось в деревне как не очень желательное дело. Он даже мог остаться и бобылём, настолько это было неприемлемо по тем понятиям. Но вот наши, Василий Иванович Чекалин и Иван Николаевич Баранов, бобылями не остались. Вероятно, повезло, что оказались в Борисоглебском уезде.

После революции 1917 г. и во времена НЭПа (1921-1928 гг.) семья распалась на отдельные семьи. Бабушкины братья, Степан, Осип и Прокофий, отделились, четвёртый брат, Иван, младший, был ещё не женат, поэтому остался в семье отца вместе с сёстрами Верой и Евдокией.

Братья бабушки проживали в деревне Петровское (или, как говорили у нас в семье: «в Петровской», «в Петровских») до самой своей смерти. Осип Иванович умер от сердечного приступа в январе 1962 года на свадьбе своего сына Валентина. Эту горестную весть и привёз со свадьбы отец, Иван Васильевич, который на ней был.

Я очень хорошо помню эту поездку, отец и меня взял с собой. Был очень сильный туман, поехали на наших домашних санях-розвальнях. Но уже примерно через два километра я почувствовал, что дальше ехать не смогу – сильно закружилась голова. В деревне Путь Правды я и слез, возвратился домой.

Второй сын Осипа Ивановича, Василий Осипович, переехал из Петровского в Московскую область и жил в Узуново, в домах Московской селекционной станции, МСС (как у нас говорили – в Селекции). Сюда он переехал с семьёй по подсказке дяди Пети (Счастливого Петра Семёновича, бабушкиного брата, Ивана, Баранова Ивана Ивановича; но об этих перестановках в именах – несколько позже). Дядя Петя уже давно жил в этих подмосковных краях. Василий Осипович много раз бывал в гостях у моих родителей в Яковлевском и в Узуново со своей женой Анной, кажется, Николаевной. Две их дочери, мои троюродные сёстры, переехали из Узуново в Москву и жили где-то недалеко от нас, на Новокузнецкой улице (тогда мы жили ещё на Пятницкой улице, в доме 76).

Родилась бабушка 26 сентября (по новому стилю, так в паспорте было записано, а если по старому стилю, то 13 сентября) 1896 г. и крещена была в честь ближайшего церковного праздника Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Она была третьим (живым) ребенком в семье Ивана Николаевича и Евфимии Андреевны...

Наделы земли в те времена давали только на мужчин, на членов семьи мужского пола, с учётом дальнейшего в последующем отделения в самостоятельное хозяйство. Поэтому земельный надел в семье Барановых был сравнительно большим (на одного человека мужского пола причиталось в тех местах примерно по полтора гектара пахотной земли). Всё необходимое для семьи получали с этого надела. Разное было время, и разные были годы, голодные, сытые, но в любое время в семье было полное согласие, основой которого было единоначалие, трудолюбие, почитание старших, которое воспитывалось и в детях. Скорее всего, по-другому и выжить-то было бы невозможно.

Правильно было, неправильно – пусть каждый судит по себе, но о почитании старших я приведу случай, который произошел в их селе, бабушка Вера об этом рассказывала. Да, я думаю, это и не единственный такой случай. Идет как-то к своему другу почтенный старик, за восемьдесят лет. А ему навстречу как раз сын этого друга, лет шестидесяти. Да возьми он и не поздоровайся с этим знакомым дядькой, шапку не снял, не поклонился. Обидевшийся на это восьмидесятилетний старик и рассказал своему другу о непочтении его сына. Так вот, тоже примерно восьмидесятилетний отец потом вожжами учил своего шестидесятилетнего сына, и об этом знала вся семья, в том числе дети и внуки наказанного...

Во времена НЭПа (с весны 1921 г. до середины 1928 г.)

семья Барановых стала зажиточной. Купили молотилку, маслобойку. Сами использовали и давали в аренду. Это длилось не так уж и долго, подошло другое время, отменившее завоевания НЭПа, их раскулачили (где-то осенью 1929 г.), всё это отобрали, но самих не тронули, никого не сослали в другие края. Более подробный рассказ об этом будет дальше, в главе о бабушкином брате Иване (для нас – дяде Пете, Петре Семёновиче Счастливом).

Умер Иван Николаевич в 1935 г., а Евфимия Андреевна умерла на год раньше его, в 1934 г. 12 лет она лежала парализованной. За ней ухаживали её невестки, жёны трёх сыновей, и дочери, Вера и Евдокия. Бабушка рассказывала, что, когда мужики приходили домой после работы, то в первую очередь спрашивали: «Как мама? Как себя чувствует?» Дедушка Василий в это время, когда умерли его тесть и тёща, находился в тюрьме, поэтому на похороны своих матери и отца бабушка Вера не ездила. И не только поэтому. Дело в том, что в то время общение с родственниками «врагов народа» не приветствовалось, даже если это отец или мать, братья или сёстры. Тем более, что и её брат, Иван, в это время был «в бегах», числился «врагом народа», пока не пойманным.

Глава 3. Выгловский Василий Петрович

В 1899 г. двое хорошо знакомых друг с другом по купеческим делам, Пётр Выгловский и Дмитрий Истомина, устроили стговор о женитьбе своих детей, Василия Выгловского и Аксиньи Истоминой. Венчание и их свадьба состоялись в 1900 г.

Выгловские появились в Тамбовской губернии очень давно, примерно при Екатерине II, имя её в девичестве – София Августа Фредерика, принцесса Анхальт-Цербская. Во время царствования Екатерины наладились весьма добрые отношения с Польшей. Королём Польши стал Станислав Август Понятовский, давний друг и любовник (во время его посольской миссии в России) тогда ещё замужней Екатерины II (мужем её был Пётр III Фёдорович) и, как надеялся Понятовский в своих мыслях, будущий супруг любимой им женщины. Но Екатерина II, став императрицей (начало её правления приходится на вторую половину 1762 г., с октября месяца), не захотела стать женой этого поляка, но устроила в политике так, что Станислав Понятовский надолго стал королём Польши, что и обеспечило сравнительно длительное мирное сосуществование России и Польши. Хотя и тут не обошлось без кровопролития при очередных продолжающихся, практически непрерывных, разделах Польши. На-

до сказать, что Польшу, на протяжении её истории, постоянно делили между собой Россия, Австрия, Швеция и Пруссия. Примерно о начальных её разделах писал К.Валишевский в книге «Первые Романовы». Но военные действия с этим государством были и раньше, ещё при царях-Рюриковичах. Кто прав, кто виноват в этих войнах – поди-ка разберись?! Ведь в истории сами поляки – народ весьма задиристый, и почти все его правители желали получить где-нибудь лакомый кусок. Их притязания часто касались Прибалтийских, Молдавских, Украинских, а также Российских земель. В истории известны их зверства по отношению к мирному населению на захваченных территориях. Примерно такие военные действия в те давние времена были описаны в повести Н.В.Гоголя «Тарас Бульба».

Вообще-то, после Августа III, польского короля перед Понятовским, корона должна была переместиться на голову его сына, Фридриха Кристиана Саксонского, который, кстати, и стал королём после смерти своего отца, но только королём Саксонии и всего на два месяца: он правил Саксонией с 5 октября по 7 декабря 1763 г. А королём Польши умелыми действиями Екатерины II и при поддержке прусского короля Фридриха II Великого стал Станислав II Август IV Понятовский. «Умелые» действия Екатерины заключались во введении в Польшу русского войска во время решения вопроса о троне (30 тысяч человек было введено в Польшу). Эти действия, можно сказать, и возвели на трон Польши Станислава

Понятовского. Вряд ли ему было видать такой чести, если бы идти обычным путём, по тогдашним польским законам.

Впрочем, на польском троне посидела и некоторое время сама Екатерина. После подавления в 1794 г. восстания Тадеуша Костюшко (1746-1817) и проведения в 1795 г. третьего раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией, в Петербург был доставлен древний трон первых польских королей, Пястов. Из этого трона для Екатерины сделали «стульчак» в её личном ватерклозете. А после этих событий Речь Посполитая перестала существовать, в конце ноября месяца 1795 г., в день именин Екатерины II, Станислав Понятовский отрёкся от трона. В последующем он провёл остаток жизни в России, умер в Санкт-Петербурге через год после смерти Екатерины. А Екатерина так и скончалась на стульчаке, во время одного из ежедневных сидений на «польском троне древних Пястов».

Правление Пястов продолжалось практически четыре столетия. Началось в IX веке и закончилось в 1370 году, во время правления Казимира III Великого, которое началось с 1333 года.

Но смерть Екатерины связана совсем с другими событиями. Задумала она поженить 17-летнего короля Швеции Густава IV Адольфа со своей любимой внучкой, 12-летней Александрой. Для этого Екатерине успешно удалось устранить с горизонта соперницу внучки, Луизу Шарлотту Мекленбург-Шверинскую, обручённую с Густавом в 1795 году.

Густав приехал в Петербург в сентябре 1796 года, познакомился с невестой. Они друг другу понравились. На 10 сентября была назначена официальная помолвка. Помолвка должна была проходить в Тронном зале Зимнего Дворца. В торжественный день и час собрался в Тронном зале весь императорский двор, генералитет, Синод, дипломатический корпус, Сенат. Екатерина II при всех регалиях восседала на императорском троне, в короне и мантии. Рядом с ней стояла невеста Александра. Однако жених не появлялся. Послали за ним князя Зубова и графа Маркова. Они захватили с собой брачный контракт, в котором было записано, что Александра остаётся в православии и даже может иметь право на свою православную церковь при шведском дворе. Но Густав об этом и узнал только что, из этого контракта, которого раньше ему не показывали. Естественно, что он весьма обиделся на такую выходку императрицы и отказался от помолвки, сказав, что его женой может быть только протестантка, в соответствии с Конституцией Швеции. Великую Екатерину такое унижение и попрание её императорского достоинства привело к инсульту. Она тут же потеряла сознание и упала с трона. Через неделю, 18 сентября, случился повторный инсульт, после которого она стала несколько поправляться и приходила в себя. А 5 ноября и случился уже смертельный для неё третий инсульт на троне Пястов.

Расстраиваться от унижения у неё были причины, поскольку она начинала в государственных бумагах приводить

такие свои императорские регалии:

Мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская, московская, киевская, владимирская, новгородская, царица казанская, царица астраханская, царица сибирская, государыня псковская и великая княгиня смоленская, княгиня эстляндская, лифляндская, карельская, тверская, югорская, пермская, вятская, болгарская и иных государыня, и великая княгиня Нова города низовския земли, черниговская, рязанская, ростовская, ярославская, белозерская, удорская, обдорская, кондийская и вся северныя страны повелительница и государыня иверския земли, карталинских и грузинских царей и кабардинския земли, черкасских и горских князей, и иных, наследная государыня и обладательница.

Конечно, обидно, имея такой величественный иконостас.

Во время царствования Екатерины II сравнительно интенсивно стали заселяться степные места России. Практически первыми поселенцами стали северные жители России, искавшие вольный хлеб. Среди поселенцев были и люди с преступным прошлым. И не только северные. Много было беглых и из Мурома, Рязани и Владимира, где их довольно сильно притесняли феодалы. Но, поскольку стояла задача заселения степной чернозёмной части России между Москвой и южными краями (Кавказ, Каспийское и Чёрное моря), то

беглых поселенцев, даже с преступным прошлым, по негласному указанию царицы-императрицы, не трогали. Первоначально мыслилось организовать степную дорогу (ямщицкие тракты) для связи севера с югом. Она и была организована, но не очень надолго. Поселенцы стали разбредаться по другим местам и заниматься собственным хлебопашеством на плодородных землях Черноземья, а не казёнными подачками с барского стола. Царице доложили, что народ надо чем-то заинтересовать. Заинтересовали собственным куском земли в степи на каждого ямщика, который усердно справляет своё дело. Ямщики получили землю, но сами её не обрабатывали, руки не доходили из-за ямщицкого дела, а сдавали в аренду другим поселенцам, которые занимались хлебопашеством. Да и по условиям получения этого земельного надела нельзя было бросить заниматься ямщицким делом. Так и образовался в степной зоне по ямщицким трактам вместе с ямскими слободами, класс мелких землевладельцев.

Заполнять пустующие земли необходимо было, вероятно, и потому, что Екатерина II в 1765 г., в начале своего царствования, своим Манифестом от 26 июля упразднила казачество, в результате чего слободское казачество было преобразовано в «войсковых обывателей», другими словами – государственных крестьян, как об этом указывается в словаре Брокгауза и Ефрона. Это, скорее всего, и послужило некоторым толчком к восстанию (1773-1775 гг.) под предводи-

тельством Емельяна Пугачёва, донского казака. Таким образом, вопросы снабжения казачьих семей продовольствием государство с себя снимало. Казаки должны были сами с этого момента обрабатывать землю и заниматься прочими сельскими делами, чего раньше никогда не было. Этому нововведению казаки сильно противились, поскольку хлебопашество для них являлось, по их мыслям, позором, недостойным занятием для вольного воина. Практически все доходы казачья семья получала от грабежа её казаков-воинов в завоёванных странах и государствах. Ведь слово «казак» раньше означало не только «искатель приключений», «свободный человек», но и «разбойник» и «бандит». Мало того, в начале правления Екатерины II были реквизированы и монастырские земли вместе с крестьянами, в том числе и крепостными. Бывшие крепостные крестьяне стали при этом тоже государственными.

Несколько позже, в 1810 г., внук Екатерины II, Александр I, вместе со своим министром, по фамилии Аракчеев, придумали, чем занять казачество. Они образовали из указанных выше «войсковых обывателей» так называемые «военные поселения»: в населённом пункте строили на равном расстоянии друг от друга казённые дома одного типа и вида, заселяли их семьями казаков, которых называли поселенцами. (Вспомните маниловских «поселян и поселянок» из «Мёртвых душ» Н.В.Гоголя; об этом же есть и в воспоминаниях художника И.Е.Репина в его книге «Далёкое близкое»

в разделе «Впечатления детства».) Поселенцы были обязаны обрабатывать землю (кормить себя и свою семью), а также по высочайшему повелению быть готовыми проходить военные сборы на своём коне и со своей амуницией стандартного военного вида. При этом военную форму поселенец должен был носить постоянно, даже при работе в поле, а также и содержать её в благопристойном виде. Отношение к военным поселенцам со стороны царя и его приспешников было весьма строгим. Женщинам, например, даже молодым девушкам на выданье, категорически воспрещалось носить одежду из дорогой материи. Если таковая обнаруживалась, то одежда у неё изымалась и уничтожалась. Казаки, естественно, этому сильно противились. «Тут драка и подтвердилась», поскольку они не только противились, но и бунтовали. Аракчеев очень примерно усмирлял взбунтовавшихся поселенцев, розгами и шпицрутенами (поскольку они считались военными), до потери сознания, а часто – и жизни. Такое положение просуществовало до 1858 года, практически до отмены в 1861 г. крепостного права.

Примерно в это время, при Екатерине II, и начался приток в Россию иностранцев, которые продолжили заселение, начатое ещё с конца XVI в., с царствования Бориса Годунова при слабоумном царе Феодоре Иоанновиче, необжитых просторов теперешнего Нечерноземья, а больше – Центральных чернозёмных степных районов: между Окой и Доном, а также по среднему течению Волги. 22 июля 1763 года вы-

шел высочайший Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах». Это тоже была политика Екатерины II – не только увеличить численность населения России, но и расширить пахотные земли, поднять экономику страны за счёт сельского хозяйства. Во времена же Бориса Годунова такое заселение пустующих земель больше было направлено на укрепление рубежей государства. Вот тогда-то, надо полагать, в Россию и прибыли из Польши два брата Выгловских (их имён не знаем). В Тамбовской губернии, недалеко от современной Токарёвки, они арендовали сразу у нескольких землевладельцев (вероятно – ямщиков) землю и решили заняться сельским хозяйством. Арендовали около тридцати десятин земли (порядка 33 гектаров). Но уже в первые годы их постигла неудача из-за неурожая, они разорились, так что не осталось средств для возвращения на свою родину, в Польшу, да и неизвестно было, оставалось ли у них там то, к чему можно было возвратиться. Там тоже в те времена ничего хорошего не было. Обосновались здесь же, в Тамбовской губернии, женились, а потом дети их, не знавшие другой родины, кроме России, так и продолжили род Выгловских, к одной из ветвей которого оказались причастными и мы.

К оценке примерного времени появления Выгловских на Тамбовщине.

В XVIII веке неурожай случались примерно один раз в

десять лет. По Тамбовской губернии отмечены следующие неурожайные годы: 1767, 1772, 1778, 1786 и 1787 гг. Все эти годы входят в сроки правления Екатерины II. Особенно сильным по неурожаю считают 1772 г., год десятилетия прихода к власти Екатерины Великой. Неурожай в этом году захватил довольно большую территорию центральной степной зоны, и в некоторых местах наблюдался сильный голод. Но мы будем ориентировочно считать, что Выгловские появились в районе Токарёвки примерно в 1777 г. (но вполне возможно, что и в 1785-м), а на следующий год и случился неурожай. Только что «в районе Токарёвки», потому что Токарёвки тогда ещё не было, она появилась только спустя примерно тридцать пять лет, в 1805 г. В 1811 г. она насчитывала уже 42 дома, в 1866 г. – 90 домов, а с 1879 г. стала уже селом, поскольку в этом году в ней появилась церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Уже несколько позже Токарёвка становится большим населённым пунктом, особенно после того, как через неё построили железную дорогу Москва-Царицын. (Другие, современные, названия населённого пункта Царицын – Сталинград, Волгоград. Название Царицын, как полагают исследователи, произошло от тюрского «сарычин» – жёлтый остров. Раньше на этом месте, на острове, было ордынское поселение, не имевшее названия, но в народе его именовали как Мечётное городище.) По сведениям 1911 г. в Токарёвке проводились по субботам еженедельные базары, летняя и зимняя (в феврале) конные

ярмарки, овощная и щепная ярмарки.

Появились Выгловские в районе теперешних Жаворонков, Троицких Росляев, Малого Росляя, Громушки, Старогрязного и Эртиля. Все эти населённые пункты непрерывно переходят один в другой по дороге из Токарёвки на юго-запад, в сторону Полетаево (тогда Полетаево называлось Ново-Архангельским). Во времена, о которых сейчас здесь говорится, то есть о женитьбе Василия Выгловского и Аксиньи Истоминой, Выгловские жили в Троицких Росляях.

Троицкие Росляи впервые упоминаются в Ревизской сказке 1834 г., в которой указывается, что в них проживают в 72 домах государственные крестьяне в числе 393 человек. Эти крестьяне переселились сюда в период 1816-1834 гг. из одноимённого села Троицкий Росляй нынешнего Сосновкого

Района Тамбовской области, который находится севернее Токарёвского района.

В описи населённых пунктов 1897 г. Троицкие Росляи входят в состав Кочетовской волости: Кочетовка, Карповка, Антюфеевка (Троицкое), Малая Даниловка, Знаменка, Ертиль (Жаворонки), Корели, Малый Росляй, Громушка, Троицкий Росляй, Старая Грязная, Безукладовка, Калинина, Радостная, Божий Дар (Подвиталовка), Тимофеевка, Ястребовка, хутора купцов Потапова, Щукина, Кожевникова и Шанина (этот последний хутор был в местности, в которой примерно в 1910-15 гг. появилась наша деревня Красный Куст). В это время, по описи 1897 г., в Троицких Росляях

проживало 703 человека. По состоянию на 1914 г, в них проживало уже порядка 3600 человек, большую часть из которых составляли мужчины, (1843/1754). Таким образом, прирост населения в Троицких Росляях за 17 лет составил 2900 человек, в среднем по 170 человек в год. Но здесь, понятно не прямая арифметическая зависимость, а геометрическая. В годы, близкие к 1914 г., прирост составлял заметно больше, чем в начальных годах, близких к 1897 г. Уже по описи 1911 г. число жителей составляло 3366 человек. Практически произошло насыщение прироста населения, поскольку за 3 года он составил всего 234 человека, т.е. примерно 80 человек в год. Совсем даже и не геометрическая прогрессия, а неизвестно какая, криволинейная, с максимумом, вероятно, в революционные 1905-е годы.

В селе, тоже по состоянию на 1914 г., имелись земская и церковно-приходская школы, которые были открыты в 1866 году, мелкое кредитное товарищество. Сам населённый пункт расположен по берегам речки Эртиль.

Истомины, предки по другой ветви, – коренные жители Тамбовской губернии. Они жили в селе Вольные Петровские, в том же селе, где жили и наши предки Барановы (предки по ветви Чекалины-Барановы). Истомины были купцами. Чем они торговали в давнее время – неизвестно, но перед революцией 1917 г. они были, как тогда говорили, красно-торговцами, то есть торговали тканями, мануфактурой. Истомин Егор был довольно крупный мужчина. Богато одевал-

ся. В село выходил непременно в соответствующей его положению одежде, в шляпе, с тросточкой. В какое время – неизвестно, но Егор пешком ходил в святые места, в Иерусалим. Как он говорил: «Год шёл туда, да год обратно». Думаю, что паломник он был не бедный, вряд ли питался в дороге только подаяниями. От его сына, Дмитрия, в 1873 г. родилась наша прабабушка Аксинья. Своё купеческое дело Дмитрий передал своему сыну, Мокею Дмитриевичу, который в дальнейшем смог значительно расширить торговлю.

По данным 1911 г. в Троицких Росляях находилась деревянная тёплая церковь, которая была построена в 1826 г., а перестроена на средства прихожан в 1873 г. Церковь была двухпридельной. Первый, главный, во имя Пресвятой Троицы, второй – во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В Троицких Росляях в то время было 452 двора с числом жителей обоего пола 3366 человек. В приход церкви входили деревни: Громушка (128/476/433) в одной версте от церкви, в которой была приписная Покровская церковь; Ертиль, Заворонка тож (70/236/238), находившиеся в трёх верстах от церкви; в четырёх верстах – Малые Росляи (12/50/60); в шести верстах – Корели (29/91/97); в полуверсте – Старые Грязные (68/243/259). Кроме того, в пяти верстах от церкви находилась экономия Потапова площадью 700 десятин.

В епархиальных сведениях так и записано – «Ертиль, Заворонки тож». Позже эти населённые пункты стали именоваться соответственно Эртиль и Жаворонки. Название де-

ревни Жаворонки образовалось чисто населением. Просто легче было произносить Жаворонки (как степную птичку) вместо Заворонки или Заворонежские выселки, как это и было в истории. Дело в том, что недалеко от этих мест была и есть Воронежская губерния (область), по которой протекает река Ворона и крупный в то время населённый пункт Эртиль (город), вот в эти места и переселились воронежские крестьяне: выселки за рекой Вороной, Заворонские выселки, или выселки из Воронежской губернии, Заворонежские выселки. В архивных исторических документах присутствуют то и другое названия современных Жаворонков.

Выгловский Пётр занимался торговлей нефтепродуктами, дёгтем, собирал кожи и меха. Жили Выгловские непосредственно в деревне Жаворонки, которая находилась на юго-западе от Токарёвки. Жили они в большом деревянном доме с многочисленными хозяйственными постройками. По своей архитектуре дом Выгловских отличался от обычных деревенских домов тех мест. В нём было много комнат различного назначения: комнаты-спальни, кабинеты, столовая, которая занимала среднюю часть дома. Это была большая зала с настенными светильниками и люстрой посередине, освещаемая фитильными лампами, заправляемыми керосином. Впоследствии купеческое дело и этот большой дом перешли к Василию, сыну Петра Выгловского. Он тоже продолжил заниматься торговлей. Часто ездил за границу со своим товаром, продавал выделанные кожи, даже и меха какие-то. Из-

вестно, что он часто ездил в Польшу и Чехословакию. Но какие меха могут быть в степной зоне, не знаю. Зайцы и лисы там есть. Были, во всяком случае. Но купеческое дело – оно и есть купеческое. Мог ведь и на стороне у других покупать (перекупать) и отвозить за границу на продажу. А дополнительно продавал в своих местах, где проживал, нефтяную продукцию (керосин, солярку и др.), а также и дёготь.

Василий Петрович, в отличие от своей жены Аксиньи, был небольшого роста и плотного телосложения. Хотя поженились Василий и Аксинья будучи оба уже в приличном возрасте, в течение двадцати лет их супружества они произвели на свет одиннадцать детей, из которых в живых осталось девять, четыре сына и пять дочерей. Первый их ребёнок, Степан, родился в 1901 году, а последняя, Татьяна, – в 1917 г. Из всех их детей примерно такой же подвиг совершил их сын, Фёдор Васильевич, у которого было семь детей: три сына и четыре дочери.

Степан Васильевич женился в 24 года. В жёны он взял вдову Полину с сыном Ильёй (звали его тогда – Илинёк, да и до последнего времени так и называли в нашей родне; умер Илинёк в 2002 г.). Родился у них и общий сын, Александр. После этого Полина тяжело заболела, за ней требовался уход, да ещё и за маленьким Александром. Степан взял в дом для ведения хозяйства женщину, Прасковью, которая после смерти Полины стала второй его женой. Степан Васильевич погиб на войне в 1941 г., под Москвой, в народном

ополчении, а вскоре после этого погиб на фронте и сын его, Александр...

Дочь Выгловских, Елена Васильевна, крёстная моей матери, Зинаиды Сергеевны, жила в Воронеже, а к концу её жизни – под Москвой, в Немчиновке. Там, в Немчиновке, у них с мужем, Рженко Константином, был свой дом. Константин долгое время работал краснодеревщиком, часто делал заказы для музеев Московского Кремля. Детей у Елены и Константина не было. В начале замужества родилась у них дочь, Ольга, которая умерла в шестимесячном возрасте. Похоронена Ольга в Москве, на Пятницком кладбище, которое находится недалеко от Рижского вокзала. После смерти мужа Елена уехала к своим племянницам в Воронеж. Там она и умерла, примерно незадолго до 1980 года. Оба Рженко, Елена и Константин, были у нас с Мариной на свадьбе 7 ноября 1975 г.

Воронежские племянницы Елены Васильевны, после смерти тёти, решили присвоить себе немчиновский дом. В оппозицию к ним выступила сестра Елены Васильевны, Клавдия Васильевна. На суде она смогла отстоять этот дом и оставить его за собой. Вернее – за сёстрами и братом (ещё наследниками выступали сёстры Александра и Татьяна, а также их братья Фёдор и Алексей), которые отказались впоследствии от наследства. Вернее, они не отказались от наследства, а после завершения судебных дел подарили свои части этого дома сестре Клавдии...

Сын Выгловских, Михаил Васильевич, крёстный моей матери, Зинаиды Сергеевны, был женат на Екатерине. Жили они в Воронеже, где находилась тогда с мужем Денисом (Даниловым) и малолетним сыном Виктором сестра Михаила, Клавдия Васильевна.

Жизнь в ветвях Кудиновых-Выгловских пошла наперекосяк, когда началось повальное раскулачивание.

В 1929 г. (эти годы характеризуются окончанием НЭПа и началом раскулачивания) Михаила Васильевича арестовали как сына «врага народа», купца Василия Петровича Выгловского. Самого Василия Петровича арестовывать не стали, был в возрасте, хотя помехой тогда это не было. Говорили, что за Василия Петровича заступились односельчане. Василию Петровичу (в это время ему исполнилось только 53 года) выдали «волчий билет», по которому он не имел права оставаться более одной ночи в одной деревне, кроме своей, в которую он вообще не имел права заходить никогда. А Михаилу Васильевичу дали десять лет. В заключении он работал на строительстве канала имени Москвы (примерно в 1932-1937 гг.). Как-то он приезжал в гости в Долгопрудный к племяннице Александре (моей тётке) и ходил смотреть на «свою работу» (канал имени Москвы проходит по городу Долгопрудный, по его северной окраине). Рассказывал, что очень много народа погибло на этом строительстве.

Когда наступила война, и немцы захватили Воронеж, то Клавдия и Екатерина были отправлены немцами в Одессу.

Екатерина где-то работала в Одессе, вышла замуж за понравившегося ей человека, родился у них сын, Владимир. А Клавдия Васильевна попала в услужение к немцу, который принудил её к сожителству. После войны Клавдию разыскал её муж, Денис, отец Виктора, хотел снова сойтись и жить той же семьёй. Но Клавдия дала обет Богу, что мужа у неё либо мужчин, не будет до конца её века. Поэтому она отказала Денису и дальше воспитывала сына одна, оставив себе и сыну фамилию Выгловские. А Михаил Васильевич возвратился из тюрьмы, разыскал свою жену Екатерину, выгнал её второго мужа, Владимира усыновил, и всё стало у них на свои места.

Клавдия Васильевна в начале 80-х гг. проживала в городе Пушкино, что под Москвой. К середине 80-х она обменяла квартиру в Пушкино сначала в город Керчь, а потом в посёлок Сенной, тоже на Чёрном море, но с другой стороны Керченского залива. Поменяла она и веру – стала баптисткой, не знаю, какого направления, кажется – евангелистского, основные положения которых сродни молоканам (не молятся на иконы, которых у них вообще нет; не носят крестов и не поклоняются крестам и др.). На иконы она не молилась, это я сам наблюдал, а просто на белый свет, хотя священная книга у неё была та же Библия, что и в христианстве и православии. Когда мы жили на Пятницкой улице, то где-то в начале 80-х годов у нас почти две недели жила (тайно, неизвестно почему, от остальных её родственников) тётя Клава. Вот тогда я и увидел, как она молится, какую божественную книгу

она читает. Эта Библия некоторое время была в нашем доме с пометками Клавдии Васильевны на словах «камень». Потом мы передали её внучке Татьяны Васильевны, Ольге. По моему, читали эти баптисты не только Ветхий Завет, но и Новый Завет, из которого для своего обихода брали только то, что относится к Иисусу Христу. Весной 1985 г. Клавдия Васильевна умерла. Похоронена на Митинском кладбище. А мы в этот год летом жили с детьми в посёлке Сенном Краснодарского края в её квартире, можно сказать, распоряжались вещами как родственники. (Николай Николаевич, отец Марины, в этот год вышел на пенсию и дал нам на поездку в Сенной 1000 рублей.)...

Выгловский Виктор жил с семьёй в Москве (и сейчас ещё жива его жена, Светлана Фёдоровна). В 1986 г., на Пасху, задумал он собрать вместе всех Выгловских и всех, в ком течёт кровь Выгловских. Хотел перезнакомить тех, кто ещё не был знаком. Но собрал, как оказалось, на свои похороны – буквально за неделю до назначенного сбора скоропостижно скончался от инфаркта. Все, кто смог, приехали. Отпевали его в церкви в Сокольниках, что недалеко от метро. На похоронах я познакомился с сыном Виктора, Андреем, и тогда ещё маленьким его внуком, сыном Андрея, Выгловскими...

Сын Василия Петровича Фёдор Васильевич, крёстный моей тёти, Александры Сергеевны, с детства был хроменьким. Жил он со своей многочисленной семьёй в Троицких Росляях. Да и не только со своей. Во время войны он взял к себе

тёщу с её четырьмя детьми, внуком Виктором и тремя дочками. Работал Фёдор Васильевич в то время, да, по-моему, и позже, по различным заготовкам, по сбору налогов с крестьян-колхозников. Думаю, что от заготовок этих и ему что-то перепадало, иначе как в то время можно было прокормить такую ораву. Мужик, похоже, был сметливый, от советской власти, хотя и сын купца, притеснений не имел. Не досталось покупечествовать по отцовским дорогам, так продолжил это дело по другим...

Мария Васильевна, бабушка Маша, была выдана замуж в ноябре 1925 г. за Кудинова Сергея Егоровича, дедушку Серёжу (вероятно, что их свадьба состоялась на осенний праздник Казанской иконы Божией Матери, который отмечается 4 ноября по новому стилю). Против её желания. Любила-то она Василия, брата жены Михаила Васильевича, Екатерины. Василий жил тогда в Токарёвке. Но воля родителей была сильнее их любви. Несколько раз пыталась наложить на себя руки бабушка Маша, но потом всё понемногу улеглось, дети пошли один за другим. А может быть, и то, что дедушка Серёжа очень любил свою жену. Оба они не только с одного года, 1906-го, но и родились в один день, на летний праздник Казанской иконы Божией Матери, 21 июня по новому стилю.

Вероятно, дедушка Серёжа тяжело переживал эту первую нелюбовь к нему бабушки Маши. Может быть, поэтому, узнав, что сестру бабушки, Александру (Александру Васильевну), насильно, в прямом смысле, увели замуж, привязав

к телеге, дедушка Серёжа запряг другую телегу, догнал и забрал Александру, тоже насильно, у умыкателей, к себе домой. Александра Васильевна позже вышла замуж за любимого для неё человека, лётчика Макарова. До войны он служил в Монголии, была там и Александра Васильевна. Во время войны муж Александры Васильевны погиб. После этого она жила в Воронеже. Мы с мамой в 1959 г. ездили в Воронеж к Александре Васильевне. Она ходила с нами к своему знакомому врачу-кардиологу. Приезжала и в Москву, и у нас в Узуново (в Яковлевском) была в 1972 г. на серебряной свадьбе моих родителей, Ивана Васильевича и Зинаиды Сергеевны. Она была хорошей портнихой. Концертные платья шила для известного воронежского ансамбля песни и пляски, в котором пела Мордасова. Сшила платье и маме к празднику...

У младшего из детей мужского пола Василия Петровича и Аксиньи Дмитриевны, Алексея, и его жены Зинаиды (Зинаиды Николаевны, в девичестве – Грязновой) было двое детей, Лариса и Алексей. С Ларисой я познакомился, когда приезжал к Татьяне Васильевне в период поступления в институт и учёбы в нём, а с Алексеем только на похоронах Алексея Васильевича в 1974 г. Он умер через две недели после смерти его сестры, Александры Васильевны. Александра Васильевна умерла в Москве, жила она перед смертью у Татьяны, дочери Татьяны Васильевны, на Кировоградской улице, дом 4, корпус 3, кв. 136...

Когда родители жили в Яковлевском, Алексей Васильевич один раз, в конце 60-х – начале 70-х годов, летом, приехал к ним в гости. Я в то время учился в институте, у меня были летние каникулы, потому я и провожал дядю Лёшу на станцию от Яковлевского по полю, как у нас говорили – «по косовой дорожке». Мы ведь вышли на электричку довольно загодя, как и было у нас принято, часа за два. Электрички тогда ходили так: Москва-Ожерелье, а до Узуново можно было попасть на пригородном поезде Ожерелье-Павелец. И обратно такими же кусочками: Узуново-Ожерелье, Ожерелье-Москва. А у дяди Лёши, похоже, болели ноги, потому что он очень медленно передвигался. И даже прилёг у дорожки на траву. Вот когда я и наслушался его говора, отличного от всех Выгловских.

А вот что мне прислали его дочь Лариса и внук Станислав.

Младший сын Василия Петровича, Алексей Васильевич, родился 2 января 1916 года. Во время войны, в самом её начале, он был отправлен в Монголию вместе с Александрой Васильевной, очень в этом помогли все его сёстры. В Монголии он пробыл вместе с сестрой Александрой до окончания войны. Александра Васильевна рассказывала Ларисе, что для того, чтобы уехать в Монголию, она подарила кожаное пальто своего мужа, погибшего на войне, тому, кто помог сделать документы на выезд. В Монголии Алексей Васильевич работал в текстильной мануфактуре, где и позна-

комился с её заведующим, Косыгиным А.Н. После войны он вернулся в Москву, где в 1948 году познакомился с Зинаидой Николаевной Грязновой, работавшей в то время в МВД.

Если имеется в виду Алексей Николаевич Косыгин, наш политический деятель, то ни в период войны, ни в последующем он в Монголии не работал.

В свидетельстве о рождении Алексея Васильевича, выданном ему 26 августа 1949 года, записано, что он родился 2 января 1916 года в селе Гремяче, Гремячинского района Воронежской области.

Я не знаю, как оказалась в то время семья Выгловского Василия Петровича в селе Гремячем, да ещё и в Воронежской области, в двухстах километрах от их дома (до Воронежа примерно 170 км по дорогам, и от Воронежа на юг примерно 35 км). Об этом у нас никогда не говорили, как будто они и не уезжали из Троицких Росляев.

Станислав, сын Ларисы, мой троюродный брат, учился на горного инженера-маркшейдера в геологоразведочном институте (МГРИ), где я работал преподавателем. Наша кафедра и была выпускающей эту специальность. На тридцать лет у нас была и есть с ним разница в возрасте.

Лариса Алексеевна пошла по стопам своей тёти, Татьяны Васильевны, стала учителем...

Дочь Выгловских, Татьяна Васильевна, в период раскулачивания была ещё девчонкой 12-13 лет. Перед войной она

жила в Воронеже. В 1939 году вышла замуж за Юрия Станиславовича Рыссака, и в 1940 г., в начале февраля (2 февраля), у них родилась дочка, Татьяна. Во время войны Юрий погиб на фронте (как сообщили – пропал без вести). Татьяна Васильевна поступила в Москве в педагогический институт, закончила его, работала в Министерстве образования (или просвещения), учителем в школе. Получила знак «Отличник народного просвещения». До середины 60-х годов Татьяна Васильевна жила со своим вторым мужем, Леонидом Ивановичем Лектором, и дочкой Татьяной, а потом и с зятем Владимиром и внучкой Ольгой, в Москве, в деревянном двухэтажном доме на несколько семей, рядом с Казанским вокзалом. В этом доме первоначально она снимала место (койку) у одинокой женщины. Эта женщина владела частью дома, одной комнатой. Потом она прописала Татьяну Васильевну, и после смерти комната стала принадлежать Татьяне Васильевне. В последующем, в соответствии с планом застройки, всё это деревянное захолустье у Казанского вокзала сломали, построили на этом месте универмаг «Московский». Татьяна Васильевна и Леонид Иванович переехали временно сначала на Сокол, а потом – в Дегунино, в однокомнатную квартиру. У Татьяны с Володей родилась дочка в 1969 г. (14 марта), Оля. В настоящее время Оля живёт и работает в Испании, владеет в совершенстве английским и испанским языками.

Татьяна Юрьевна жила в Москве, недалеко от нас, на Кировоградской улице. Потом, примерно в 2017 году, она пе-

решила жить в дом-интернат (улица Островитянова, 10), поскольку, как она говорила, не может полностью себя самостоятельно обеспечить. Умерла она 6 мая 2020 года во время сильной эпидемии коронавируса. Умерла в больнице от сердечного приступа. Буквально за неделю до этого мы с ней разговаривали по телефону. Никаких жалоб у неё на сердце не было. На похороны и проводы в последний путь Оля, её дочь, приехать не могла, да и мы все были на строжайшей изоляции. На кремацию на Митинское кладбище ездила только Малышева Лена, внучка Живилковой Александры Сергеевны, двоюродной сестры умершей Татьяны.

Во время войны Татьяна Васильевна работала учительницей в Громушке, что недалеко от Троицких Росляев. Снимала она там квартиру у Донны Платоновны вместе со своей подругой, тоже учительницей, Красовской Зинаидой Васильевной. Сюда же она взяла и дочку Татьяну и уже больную мать, Аксинию Дмитриевну. На эту квартиру во время войны смогла переправить из Воронежа сына Виктора и Клавдия Васильевна. Осенью 1941 г., после эвакуации Москвы, Татьяна Васильевна приехала сначала к своей сестре, Марии Васильевне, в деревню Свободный Труд, в её землянку (полуземлянку), а уже зимой переехала учительствовать в Громушкинскую школу.

Под Токарёвкой, в Сосновском районе, я выше уже об этом писал, имеется ещё один похожий по названию населённый пункт – Троицкий Росляй (во единственном числе),

с церковью Троицы. А здесь, в сведениях о наших родственниках, речь будет идти о другом населённом пункте – Троицких Росляях (во множественном числе). Я уже писал, что этот населённый пункт образовался из числа переселившихся в него крестьян Троицкого Росляя.

Мама рассказывала, что зимой 1942 г., в одно из воскресений, собрала её мать, бабушка Маша, с нехитрыми деревенскими гостинцами в Громушку. Идти пришлось пешком из Свободного Труда в Троицкие Росляи и потом до Громушки. Если посмотреть по карте, то это крюк, но так было проще, поскольку зимняя дорога была только на Росляи, а не на Громушку. Говорит, что устала очень, а тут, по пути, стог соломы оказался. Хотела в нём отдохнуть, но что-то не решилась. Потом на дороге увидела лошадь с санями, думала – подвезут, но седоки не заметили. Впоследствии оказалось, что в санях ехала из Токарёвки Татьяна Васильевна со своим другом Николаем. Он отвозил в Громушку Татьяну Васильевну. Но уже и недалеко было, мама даже опередила их, пока они ещё куда-то заезжали. Замёрзшая пришла, голодная. Донна Платоновна накормила-напоила. Мама говорила, что кормила она её большими мягкими белыми пирогами, лучше сказать – пышками. А на печи бабушка Аксинья с ребятишками, Таней и Витей. Таня-то ещё совсем маленькой была, волосы белые, кудрявые. Пробыла мама в гостях до следующего воскресенья, а уж потом домой её отвезли на санях.

Ухажёр Татьяны Васильевны, Николай, так и не смог добиться её руки. И через много-много лет, уже после смерти мужа Татьяны Васильевны, Лектора Леонида Ивановича, он приезжал в Москву к Татьяне Васильевне и опять просил руки, но снова она ему отказала.

Когда я поступал в 1966 г. в институт (МИИГАиК), а потом учился на вечерне-заочном отделении (один год), я останавливался у Татьяны Васильевны и Леонида Ивановича в том деревянном доме у Казанского вокзала. Надо сказать, что дом этот был слишком особым, чему, собственно, виной и место его расположения. Дом деревянный, двухэтажный, на нескольких хозяев в одном подъезде. В основном в нём жили какие-то неблагополучные семьи, да и двор сам был наполнен именно такой компанией. Но Татьяну Васильевну все уважали и особых действий в отношении её семьи и её гостей не предпринимали. А гостей у неё всегда было много, дом-то как раз был на дороге, Казанской дороге, от наших родных мест. На этот вокзал приходили поезда Тамбовского и Воронежского направлений. Родни было много. Когда я у них появился, то в первую очередь тётя Тася вывела меня вечером во двор, подвела к кучке ребят разнокалиберного возраста и сказала:

– Вот, ребята, это мой племянник, Серёжа. Запомните его. Чтобы ничего плохого не было.

Так и было. Приходилось и очень поздно вечером возвращаться с вечерних занятий, но кроме слова мне вслед – «пле-

мянник» – ничего не случилось.

Но уважение уважением, а часто ребята делали набеги на холодильник Татьяны Васильевны, больше всего перед зимними праздниками. Дело в том, что холодильник представлял собой в коридоре фанерный стенной ящик, дверцы которого закрывались на замочек, чтобы только не раскрыло сквозняком. Но к этому как-то привыкли, да и стало своего рода ритуалом. И знали, кто взял продукты, а поделаться ничего не могли.

И ещё случай с Татьяной Васильевной. Пошли они как-то группой по Москве. Уже несколько вечерело. На улице увидели картину, похожую на то, что какие-то молодые люди пристают к девушке (потом так это и оказалось, и приставали они из-за денег). Татьяна Васильевна смело так подходит к этой группе и говорит девушке:

– Надя, ну что же ты пропала-то? Мы тебя ищем-ищем! Вон, сейчас сюда и Володька с Петькой придут.

Ребята, которые приставали к девушке, видя такое дело, убрались от греха восвосяи, не захотели встретиться с «Володькой» и «Петькой». А «Надя», которая оказалась не Надей, а Светой, потом очень благодарила тётю Тасю...

Московское Хованское кладбище и приютило у себя рядышком на 29-м участке детей Выгловских, Александру, Алексея и Татьяну, а на 134-м участке покоится Лектор Леонид Иванович, отец которого был, как говорил Леонид Иванович, садовником в Кремле. Часто Сталина видел, даже в

шахматы с ним играл.

А до всего до этого, в давние времена, в конце 29-го в начале 30-х гг., ходил-бродил по деревням отец, дед и прадед, Выгловский Василий Петрович, с паспортом, который не давал ему прописки больше, чем на одну ночь в одной деревне. В 1929 г. семью Василия Петровича раскулачили, а его самого сослали в Россошь Воронежской области, что находится примерно километрах в трёхстах от родных мест, где он жил в Тамбовской области. Приходил он и в родные места, пока были силы. Удавалось иногда и у своих тайком переночевать, хоть это и запрещалось.

После раскулачивания семью мамы, Кудиновых, взял к себе мамин дядя, Трофим Пименович Кудинов. Как-то раз, году в 1929 или 1930, Матрёна Егоровна, жена дяди Трофима, выглянула в окошко и говорит:

– Девки, глядите-ка, дедок пришёл, сват. Ну-ка, Зинка, поди вынеси ему два яичка и хлебушка немного.

«Дедок» этот и был Василий Петрович, как раз Зинкин дедушка. Его и раньше «дедкой» прозвали, так и осталось. Мама помнила, как тогда выглядел её дед. В оборванной одежде, маленький, сухонький (это примерно в его 55 лет).

Умер Василий Петрович в 1931 г., совсем молодым, в возрасте 56 лет, в посёлке Россошь Воронежской области. Там его и похоронили. Насколько нам было известно, здоровья он был крепкого, не жаловался на что-либо. Но тут, вероятно, его привело в такое состояние отношение революци-

онного государства к собственникам, установление для него особого режима проживания на земле и в стране, которого он не смог перенести. Только можно представить себе, что человек ходит-бродит вблизи родных мест, рядом со своим домом и своими родными, но не имеет права зайти к ним. А тут ещё и наступила очередная волна голодных дней – 1931 год в этих местах был неурожайным. После смерти Василия Петровича в кармане нашли адрес его дочери, Елены Васильевны, которая в это время жила в Воронеже. Её вызвали, и она приехала на опознание в Россошь. Могилу вскрыли. Он и оказался, «дедок», Василий Петрович Выгловский.

Глава 4. Кудинов Егор Пименович

У Кудинова Пимена (подворье Пахуняты) было шесть сыновей и ни одной дочери: Егор, Трофим, Ефим, Фрол, Федот, Иван. Наш с вами предок – Егор. Не знаю, когда родился этот Пимен, кем он был, когда умер. Кем он был? Понятно, крестьянином, но не крепостным, а государственным. До проигранной Россией войны с Японией (в 1904-1905 гг.), на которой был наш предок, его сын, Егор, он, Пимен, организовал в своей деревне, Жаворонки (Заворонских или Заворонежских выселках, как указывалось в епархиальных сведениях), кирпичное дело. Кирпич изготавливали из местного материала, только песок завозили из других мест, поэтому, от рек Цны или Вороны (скорее – от Вороны, поскольку она была намного ближе, чем Цна), потому что в нашей степной зоне такого полезного ископаемого не было. А вот глины, замечательной жёлтой глины, было навалом. Построили печь для обжига. Первое что сделали – это наготовили кирпича и построили пять кирпичных домов для себя (пятерым сыновьям по дому, да и шестому сыну, старшему, Егору, вместе с отцом). Но на этом дело и кончилось, потому что в один день сам хозяин, Пимен, оступился, упал в печь и погиб. Сыновья его вряд ли стали продолжать дело: либо в это время уже и не до того было – революция начиналась, либо что ещё приключилось, либо другое. Но зажиточными

они оставались, потому что все их семьи в своё время раскулачили, кирпичные дома конфисковали, а их самих выселили. Эти дома и до сих пор, по-моему, стоят в той деревне. Только вот кто в них живёт? В одном из этих домов была организована, кажется, послереволюционная начальная школа, по типу ранней земской. Первые школы в ближнем от Жаворонок посёлке, Троицких Росляях, земская и церковно-приходская, были открыты в 1866 году.

Егор возвратился с войны с Японией в конце 1905 года, скоро и женился, судя по тому, что старший его первенец, Сергей, родился в середине 1906 года. Можно полагать, что свадьба его была на осеннюю Казанскую, в то время – в середине ноября, как, впрочем, у многих из нашего рода маминого направления (Выгловские, Кудиновы).

Егор женился на дочери купца Леонтия Мезина, Василисе Леонтьевне. Мезины были купцы-красноторговцы, как и Истомины. У Егора Пименовича и Василисы Леонтьевны родилось пять детей: Сергей (1906 г.), Пётр (1908 г.), Любовь (1911 г.), Иван (1914 г.), Григорий (1921 г.). Пётр умер в 1923 г. в пятнадцатилетнем возрасте, от чего – неизвестно. Иван в 1942 г. пропал без вести, а Григорий, командир танка, погиб 31 декабря 1943 г., сгорел в танке. Военское подразделение, в котором он воевал, входило в состав 1-го Украинского фронта. Командующим Украинским фронтом тогда был генерал армии Николай Фёдорович Ватутин. Об этом времени, то есть о бое, в котором погиб Григорий, есть очень

хороший художественный фильм, «Контрудар».

Жаворонки находятся по дороге Токарёвка-Полетаево в группе населённых пунктов Троицкие Росляи, Эртиль, Старые Грязные, и других, о которых я писал в главе 3 («Выгловский Василий Петрович»)...

О дедушке Серёже, Сергее Егоровиче, будет подробный рассказ в соответствующей главе, а здесь приводятся небольшие сведения о его брате, Григории.

Григорий Егорович призывался на войну из Щёлково (Щёлковским РВК). Танкистом, конечно, поскольку работал в Щёлково на тракторном заводе. Воевал сначала под Москвой, где в 1941 году пропал без вести. Такое извещение и получила его мать, Василиса Леонтьевна. Потом оказалось, что он без вести не пропал, а остался жив. А погиб он во время Житомирско-Бердичевской операции 31 декабря 1943 г.

Этот фильм, «Контрудар», – об известном Житомирско-Бердичевском сражении. Генерала армии Н.Ф.Ватутина в нём играет замечательный актёр Виктор Павлович Павлов. (Виктор Павлов играл Левченко в фильме «Место встречи изменить нельзя». Да и не только в этом, им было талантливо сыграно большое число ролей.)

На 29 декабря 1943 г. наступлением советских войск немецкие войска, которыми командовал Эрих Манштейн, были отброшены на запад на расстояние 200-250 км. Как раз 31 декабря был освобождён город Житомир. Погиб гвардии старший сержант Григорий Егорович Кудинов смертью

храбрых, так было написано в похоронке. Воевал, как я уже говорил выше, в составе 1-го Украинского фронта, 13 гв. танк. бриг. (Шепетовская Краснознамённая орденов Суворова и Кутузова), 4 гв. танк. корпуса. Механик-водитель. Похоронен в деревне Годыха (по-украински – Годиха) Житомирской области Романовского района, что к западу от Житомира. Но до этого, ещё в начале войны, пришло известие, что Григорий пропал без вести в 1941 г. (об этом выше уже говорилось), так было отмечено в Книге Памяти Щёлковского района, пока я не попросил исправить неверные данные. В этой Книге Памяти в настоящий момент записано так:

Кудинов Григорий Егорович, гв. ст. сержант 13 гв. отбр 4 гв. тк. 1921 г. рождения, Дворковский с/с Полетаевского р-на Тамбовской обл. Призван Щёлковским РВК. Погиб 31 декабря 1943 г. Похоронен: Украина, д. Годыха Житомирской обл.

Всё правильно, кроме места рождения. Не Дворковский с/с, а Грязно-Двориковский с/с. Населённый пункт с сельским советом был Грязные Дворики. (В настоящее время переименован в Рассвет.) Но эту описку так и не поправили. Год его рождения, как сказала мама, – 1922-й, а не 1921-й (возможно, что мама и ошиблась, поскольку в двух местах архивных документов указан 1921-й год его рождения).

Вторая запись в Книге Памяти Токарёвского района:

Кудинов Григорий Егорович, род. 1916, д. Грязные Дворики, ст. сержант. Погиб 31 декабря 1943 г. Похоронен: Житомирская обл., Чудновский р-н, м. Годыха.

Теперь уже вряд ли поправишь год его рождения в последней записи на 1921-й. И родился-то он в Троицких Росляях. Да это для нас уже и не существенно, понятно, когда собирали материал в Книгу Памяти ошибок было очень много. И район, к которому относится эта деревня – Романовский, а не Чудновский.

Григорий ещё до войны смог уйти из колхоза в Московскую область, поступил на работу на тракторный завод в Щёлково (поэтому он и воевал танкистом, поскольку умел управляться с трактором), что в те времена было весьма трудно, куда-то уехать из деревни, потому что паспортов у колхозников не было. Да их и не было до самого позднего времени, даже и после войны. По-моему, только при Н.С.Хрущёве они и получили паспорта. Вот таким образом «привязывали» крестьян к месту их жительства и работы, без всяких Юрьевых дней.

Далее приводятся подробные сведения о Житомирско-Бердичевской наступательной операции.

Но сначала – сводка Совинформбюро за 31 декабря 1943 г., опубликованная, вероятно, в первых числах января 1944 г.:

«Войска 1-го Украинского фронта в результате смелого манёвра и решительного штурма овладели областным центром Украины городом и железнодорожным узлом Житомир, а также с боями заняли более 150 населённых пунктов».

Эта операция началась 24 декабря 1943 г. В ней были задействованы войска 1-го Украинского фронта (1-я гвардейская, 13, 18, 27, 38, 40 и 60-я армии, 3-я гвардейская и 1-я танковые армии, 2-я воздушная армия С. А. Красовского), Боевые действия, связанные с этой операцией, продолжались до 14 января 1944 года (см. карту). Артиллерийская подготовка была начата на 15 минут раньше назначенного времени случайным залпом одной реактивной установки, поддержанным остальными машинами и огнём артиллерии по всей полосе наступления 1-го Украинского фронта. Расследование случившегося начальником контрразведки и прокурором фронта, начавшееся в то же утро по приказу Г.К. Жукова, показало, что артиллерийская подготовка не была сорвана. Она только началась прежде установленного срока, но проводилась согласно запланированному графику. Так как пехота и танки были готовы к переходу в наступление и находились на исходных позициях, то им была дана команда об атаке противника на 15 минут ранее запланированного срока, на 51 минуте артиллерийской подготовки. В

результате артиллерийской и авиационной подготовки огневая система противника на переднем крае и в ближайшей глубине была подавлена, а основная масса огневых средств уничтожена. Атакующие части двигались вперёд, не встречая серьёзного сопротивления, с темпом 2–3 км в час. Только во второй половине дня на рубеже Брусилов, Соловьёвка, Турбовка противник попытался организовать оборону. Создав там отдельные очаги сопротивления, он предпринимал контратаки силами до батальона пехоты с 8–10 танками. Лишь в районе Соловьёвки в контратаке врага участвовало до 30 танков. Тактическая зона обороны врага в полосе 38-й армии была прорвана на 20 км по фронту и до 12 км в глубину. Таких же успехов достигли 1-я гвардейская армия А.А.Гречко и 18-я армии К.Н.Леселидзе. В 14.00 в прорыв были введены 3-я гвардейская танковая армия П.С.Рыбалко и 1-я танковая армия М.Е.Катукова. Из-за короткого декабрьского дня (уже было зимнее солнцестояние – самые длинные ночи и самые короткие дни) часть задач не удалось выполнить до конца. Наши атакующие воинские подразделения только успели подойти к намеченному рубежу. Брусилов и лес южнее не были очищены от противника. Соловьёвка была занята только частично. С наступлением темноты войска закрепились на достигнутых рубежах, а частью сил продолжали выполнение задачи дня. В 1 час 30 минут был освобождён от противника Брусилов, а вслед за ним и остальная часть населённого пункта Соловьёвка.

Теперь о военных действиях последовательно по дням.

25 декабря в 9 часов 20 минут, после 30-минутной артподготовки, советские войска возобновили наступление. Противник в беспорядке продолжал отходить в юго-западном направлении. Только на отдельных участках он вёл артиллерийский огонь из глубины и производил безуспешные контратаки небольшими группами танков и пехоты. В этот день перешла в наступление и ударная группировка 40-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф.Ф.Жмаченко, Герой Советского Союза) в составе трёх стрелковых дивизий. Она прорвала оборону противника в юго-западном направлении на участке Мохначка, Волица и, выполнив поставленную задачу, способствовала частям 38-й и 1-й танковых армий в овладении м. Корнин.

1-я танковая армия к концу дня смогла оторваться от пехоты и выйти на оперативный простор. Она обогнала войска 38-й армии на 12-15 км, а их передовые отряды – на 25-30 км. Железная дорога Житомир-Фастов была преодолена на всём её протяжении в полосе 38-й армии.

Ближайшая задача ударной группировки фронта была выполнена: войска в течение двух суток прорвали вражескую оборону на 80 км по фронту и на 40 км в глубину. Тяжёлые поражения были нанесены танковым дивизиям противника – 8, 19, 23-й, СС «Райх», а также 68-й пехотной и 213-й охранной дивизиям.

Немецкое командование поспешно приступило к пере-

броске 48-го танкового корпуса, в составе трёх танковых дивизий – 1-й, 7-й и СС «Адольф Гитлер», из района Коростеня на юг, готовясь преградить советским войскам путь на Житомир.

26 декабря перешли в наступление 15-й стрелковый корпус 60-й армии (генерал армии И.Д.Черняховский) и правого-фланговый 11-й стрелковый корпус 1-й гвардейской армии (генерал-полковник А.А.Гречко) 1-го Украинского фронта (генерал армии Н.Ф.Ватутин). Их задача заключалась в разгроме вражеских войск в районе г. Радомышль с целью обеспечения правого фланга главной ударной группировки фронта. На левом её фланге 40-я армии после завершённого накануне успешного обхода узла сопротивления противника в Корнине развернула свою ударную группу в юго-восточном направлении и продвигалась на Белую Церковь.

К тому времени войска 38-й армии (генерал-полковник К.С.Москаленко), встречая слабое сопротивление, продвинулись более чем на 20 км, освободили станцию Попельня и перерезали железную дорогу, соединяющую Фастов и Казатин.

27 декабря ударная группировка фронта в составе 1-й гвардейской, 18-й, 38-й, 1-й танковой и 3-й гвардейской танковой армий продолжала наступление. Противник на житомирском направлении ввёл в бой 48-й танковый корпус, в составе трёх танковых дивизий – 1-й, 7-й и СС «Адольф Гитлер», переброшенные из района Малина, и 18-ю артилле-

рийскую дивизию, прибывшую из-под Белой Церкви. Немцы резко усилили сопротивление и предприняли многочисленные контратаки в районе Коростышева. Все атаки были отбиты, и советские войска в течение дня вновь продвинулись до 25 км. Главные силы 38-й армии овладели населёнными пунктами Гардышевка, Андрушевка, Павелки, Вчерайше, Быстровка, Паволочь, а её передовые отряды, вырвавшись вперёд, находились уже в 40-45 км от важного узла шоссейных и железных дорог Казатина. Несколько медленнее наступала 18-я армия, преодолевавшая лесной массив восточнее Житомира.

28 декабря перешли в наступление 13-я (генерал-полковник Н.К.Пухов, Герой Советского Союза) и 60-я армии. 13-я армия, обходя Коростень с севера и юга, освободила около 150 населённых пунктов. 60-я армия, усиленная двумя танковыми корпусами, продвинулась более чем на 40 км в направлении г. Черняхов. Успешно продвигались вперёд на Житомир 1-я гвардейская (генерал-полковник А.А.Гречко), 18-я (генерал-полковник К.Н.Леселидзе) и 3-я гвардейская танковая (генерал-лейтенант П.С.Рыбалко) армии. Напряжённые бои с танками и пехотой противника завязались на флангах 38-й армии. 1-я танковая армия (генерал-лейтенант М.Е.Катуков), нанеся поражение частям 20-й моторизованной дивизии, освободила Казатин.

29 декабря 13-я и 60-я армии овладели городами Коростень и Черняхов, а приданные им танковые корпуса, ото-

рвавшись от стрелковых дивизий, прошли на 15-30 км больше. 4-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта П.П.Полубоярова освободил город Червоноармейск и перерезал железную дорогу и шоссе, идущие от Житомира на Новоград-Волынский. 18-я армия форсировала р. Гуйва и обходила Житомир с юга.

Наиболее ожесточённые бои происходили на правом фланге 38-й армии. Здесь на узком участке фронта противник предпринял контратаку силами до 110 танков и потеснил наши правофланговые части, захватив три населённых пункта.

В этот же день 27-я армия, после предшествующих двухдневных боёв, также продвинулась вперёд.

К 30 декабря войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника на 300 км по фронту и более чем на 100 км в глубину. Потери понесли восемь танковых, одна моторизованная, четырнадцать пехотных и две охранные дивизии противника.

31 декабря севернее Житомира продолжали наступать 13-я и 60-я армии, подвижные части которых блокировали Новоград-Волынский и отрезали пути отхода из Житомира на запад. Противник вынужден был отводить свои войска на юго-запад. 31 декабря Житомир был освобожден войсками 1-й гвардейской и 18-й армий.

В этом бою и погиб Кудинов Григорий Егорович.

Командиром 4 гв. танкового корпуса был генерал-лейте-

нант Полубояров Павел Павлович (29.05.1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза, в 1962 г. – Маршал бронетанковых войск), его заместителем – полковник Жебраков Владимир Васильевич, начальником штаба – генерал-майор Нагайбаков Измаил Ахметович.

Из наградных документов

«Тов. Кудинов работал механиком-водителем в боях в районе Высокая-Пичь, Годыха. Показал образцы мужества и отваги. Гусеницами танка раздавил 1 пушку и в районе Годыха экипажем уничтожил 2 орудия, подбили 1 танк типа «Тигр» и до 20 гитлеровцев. Его танк был подожжён прямым попаданием снаряда и тов. Кудинов смертью храбрых погиб в боевом танке. За мужество и отвагу, проявленную им в боях с немецкими оккупантами, достоин правительственной награды».

Г.Е.Кудинов был награждён орденом Отечественной Войны II степени (приказ № 4/н от 21.02.1944 г.).

На всем фронте 38-й армии противник вёл сдерживающие оборонительные бои. Сильное сопротивление неприятель оказывал на правом фланге армии на рубеже Комсомольское и Турбов, где дивизии 74-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Ф.Е.Шевердина продолжали медленно продвигаться вперёд. В центре и особенно на левом фланге враг оказывал слабое сопротивление и отходил в сторону

Винницы и на юг.

Успешно продвигался на юг также правый фланг 40-й армии, наступавший на уманском направлении. Бои шли в 50 км к югу от Белой Церкви в районе населённых пунктов Черепин, Стрижевка. Левифланговые части 40-й армии сражались за Белую Церковь. Они охватили город с трёх сторон, свободными оставались только дороги на восток.

За достигнутые боевые успехи Президиум Верховного Совета наградил большое число военнослужащих (от солдат до генералов) орденами и медалями, 12 человек были представлены к званию Героя Советского Союза. Но, что следует отметить, командующий 1-м Украинским фронтом Н.Ф.Ватутин не попал в число награждённых, потому что за это время немцы два раза овладевали Житомиром...

13-я гвардейская танковая бригада ведёт своё начало с 1942 года, когда она была сформирована как 67 танковая бригада под Сталинградом. Отдичилась в боях под Воронежем в том же году. Весной 1943 года 67-ю танковую бригаду преобразовали в 13 танковый полк, а потом и в 13-ю танковую бригаду.

Мне не удалось найти в Интернете фотографии братской могилы в с. Годыха. Возможно, что её там и нет. Нет и каких-либо вообще фотографий этого населённого пункта. Единственное, что я разыскал, то это карту-схему Романовского района Житомирской области, на которой есть и с. Годыха. Вполне возможно, что некоторые могилы перезахора-

нивали, как это было и с моим дедушкой Серёжей, братом Григория Егоровича, который (дедушка Серёжа) погиб 15 февраля 1945 года в Кёнигсбергской провинции в местечке Оттилинхоф (в настоящее время этого населённого пункта уже нет). В 1964 году, к 20-летию Победы все многочисленные могилы наших солдат, разбросанные в окрестностях Калининграда (бывшего Кёнинсберга), перенесли в с. Цветково Гурьевского района (Калининградской области) на организованное в нём мемориальное кладбище. Можно полагать, что подобное произошло и в каких-то местах Житомирской области. Но найти это новое захоронение в настоящее время не представляется возможным даже, хотя бы, из-за отношений между нашими государствами, Украины и России. Правда, можно надеяться, что в случае победы России в текущих военных действиях с Украиной (начались боевые действия 24 февраля 2022 года), что-то и будет сделано в отношении захоронений наших солдат на территории Украины. Когда об этом (о том, что я ищу могилу брата моего дедушки) узнал мой коллега по писаниям Хомуций (он живёт в Украине; Годыха от него, находится в 200-х километрах) то он сказал, что в спокойное время съездит в Годыху, узнает про могилу. Я просто категорически попросил его этого не делать, даже и в спокойное время. Всё утрясётся, будут тому изменения, то это может стать и так известным...

Я ещё дополню и о единственной дочке Егора и Василисы, Любви Егоровны.

Любовь Егоровна (Собакина), сестра дедушки Серёжи, долгое время жила, как у нас говорили, на Славе, небольшой деревне на северо-восток от Красного Куста, непосредственно за бывшим Шанинским поместьем (раньше, по епархиальным сведениям, он назывался хутором Шанина). Помню, как мы с тётёй Тоней (Антониной Васильевной) ходили к ним в гости. В своих воспоминаниях о детстве я рассказал, что во время этого похода я был в новых сандаликах, которые привезла мне тётя Тоня. Как я боялся их замочить при переходе размытой Панюшкиной плотины, что находилась под огородом моей бабушки Маши.

Потом Собакины, вся семья, включая и проживающую с ними Василису Леонтьевну (вместе с детьми Раисой и Алексеем), уехали в Пермь. Умерла Любовь Егоровна в 1979 г.

А до этого, весной 1975 г., в середине марта месяца, умер Афанасий. Мама ездила в Пермь на его похороны. Когда возвращалась с похорон, то уже в Москве машинально сказала таксисту «на Савёловский вокзал». Приехала на Савёловский и подумала, «как же это я так?». Но поехала, всё-таки, в Долгопрудный, к тётё Шуре. А в это время болел муж тёти Шуры, Павел Фёдорович. Он уже умирал в больнице. Как раз в день приезда мамы в Долгопрудный, в момент посещения больного, он и скончался. Там же была и тётя Шура. Сказала, что дядя Паша разговаривал с ними до самого конца, хоть и не очень связно, но говорил. А я после работы в этот день (14 марта) пришёл в больницу к дяде Паше, зашёл в поме-

щение, в котором он находился, а там уже постель убрана. Главврач больницы разрешила тётке Шуре оставить умирающего дядю Пашу в ванной комнате, где для этого поставили кровать. Вот там он и умер, там его мы и навещали...

Детей у Мезиных было, кроме Василисы, ещё четверо. Иван, Константин, Александр и Анна.

Не знаю, когда умер Егор Пименович, а вот Василиса Леонтьевна прожила 96 лет, умерла в 1970 г. Она уехала, как я уже говорил, вместе с семьёй её дочери, с Собакиными, в Пермь.

После раскулачивания (1928-1929 гг.) семьи всех Пименовичей жили в землянках, собранных из кое-чего, оставшегося от своего хозяйства и оставленного им по доброй душе большевистской властью. Трофим Пименович, в частности, приютил у себя в доме и семью всех Кудиновых, Сергея Егоровича и Марию Васильевну с детьми, двумя дочками мал-мала меньше. Старшая, Зинаида, с 1926 г., Александра с 1927 г., а младшая, Мария, ещё не родилась, она родится только в конце 1929 г., 25 декабря. Они ещё не успели построить свою землянку, так скоротечно, перед самой зимой, прошло это раскулачивание. Всего набралось в доме Трофима Пименовича в ту зиму шестнадцать человек. Спали все на полу, в рядок. Мама и её сёстры, Александра и Мария, всегда с благодарностью вспоминали семью дяди Трофима.

Часть 2. Дедушки и бабушки

Глава 5. Чекалин Василий Васильевич

Дедушка Василий, Чекалин Василий Васильевич, родился в 1885 г. Получил, по-нашему, начальное образование, окончил сельскую школу I-й ступени. Кажется, она была двухклассной. Эта школа была открыта в селе Львово в 1890 г., в одном из строений барской усадьбы, которой владел Александр Николаевич Жерве, купивший это имение у бывшего его владельца Трофимова. Он и способствовал открытию этой школы, передав для неё одно из строений своей усадьбы. Дедушке в год открытия школы было пять лет. Вот эту школу он и закончил. Вряд ли он ходил в деревню Петровская в церковно-приходскую школу, тогда бы он так и сказал на следствии в 1932 году, когда была записана информация о его образовании.

Примерно в 1904-05 гг. был призван на службу в царскую армию; службу проходил где-то на юге Туркмении или Таджикистана. (Это были, примерно, годы войны между Россией и Японией, которую Россия позорно и бесславно проиграла.) К счастью, дедушке не довелось участвовать в этой

войне. Скорее всего, потому, что к моменту его призыва война уже заканчивалась.

Я не помню его воспоминаний о той его службе, но отец говорил, что дедушка один раз рассказывал, как он в увольнение пошёл погулять в горы, которые находились недалеко от их части. Ведь горы для сельского жителя степной зоны – диковинка. Было жарко. Забрался он на небольшую горку, а как слезть назад, просто растерялся, до того оказалось круто. С большим трудом справился. Дело это известное, залезть на гору или даже горку почти всегда проще, чем слезть. Тем более, что человек он степной, с горами, даже горками, совсем не знакомый.

Во время Первой Мировой войны служил в царской армии, затем, в 1917-18 гг., – в Красной Армии. После службы в Царской армии он вернулся в родное село Львово (ещё до войны 1914 года), но вскоре уехал в город Борисоглебск и устроился там на работу. Известно, что ещё до начала Первой Мировой войны, они вдвоём со своим другом, на их общий капитал, открыли в городе Борисоглебске небольшое производство по изготовлению детских игрушек. Дело оказалось прибыльным, и дедушка на паях с этим другом купили в городе кирпичный двухэтажный дом для организации в нём производства игрушек и других товаров, а также заодно и магазина. Однако всему этому помешала Первая Мировая война, затем революция и последующие за ней события, которые привели к полной национализации всех частных про-

изводств. Вполне возможно, что в архивах города Борисоглебска тех лет имеются документы, подтверждающие покупки названными друзьями этого дома...

Город Борисоглебск был основан в 1646 году (а по другим источникам – в 1698 году). Первоначальное его название было Павловск (Новопавловск). Такое название просуществовало до 1704 года. В 1706 г. город вошёл в состав Азовской губернии, в 1719 г. был переведен в Тамбовскую провинцию, потом, с 1732 г., уже принадлежал Воронежской губернии. После образования в 1779 г. Тамбовского наместничества, его снова перевели под владение этого образования. В настоящее время Борисоглебск относится к Воронежской области.

В конце 1918 или самом начале 1919 г., вероятно, последнее, поскольку служба в Красной Армии у него отмечена в 1917-1919 гг., Василий Васильевич возвратился во Львово и решил прочно обосноваться в деревне. (Судя по последующим событиям, дедушка служил в Красной Армии до какого-то месяца 1918 г., а не до 1919 г., как это было впоследствии записано в его уголовном деле в ноябре 1932 г.) К этому времени ему шёл уже тридцать четвёртый год. Можно даже полагать, почему он решил основаться в деревне. После Революции 1917 г. землю на семью стали давать на едука, а не на человека мужского пола. Поэтому даже семьи, в которых было много женщин, становились «владель-

цами» сравнительно большого земельного надела. А в семье Василия Ивановича Чекалина, оставшейся после отделения от неё семьи старшего сына, Михаила, было двое мужчин, хозяин двора с женой Дарьей и с сыном Василием, да ещё три его незамужних дочери, Василиса, Мария и Федосья. Так что надел они получили на шесть человек, а не на двоих, как было бы раньше. Если исходить из примерной в тех краях площади надела, 1,2 десятины, то получалось на шестерых порядка 8 гектаров (в 1-й десятине 1,09 га).

Отсутствие в деревне в течение десяти лет, а с учётом службы в той и другой армиях – и больше, заметно изменило дедушку. По деревенским понятиям человеком он стал городским, с опытом работы, отличной от деревенской. Сам он деревенскую работу знал хорошо, до службы в армии работал на земле. Одет он был в пальто, на голове шляпа, что придавало ему вид господина или барина, не забытых с недавних ещё царских времен. Некоторая политическая грамотность в сочетании с его общей грамотностью, квалификацией и прочим, что было приобретено им в городе, относили его к разряду уважаемых людей, как, впрочем, и вообще всю фамилию Чекалиных из уважаемого рода или подворья Ларькиных. По возрасту настала пора ему жениться. В его положении выбор невесты был не трудным. Жених видный, в костюме, пальто и шляпе, чуть ли не городской, да ещё и из подворья Ларькиных. Был, значит в этом роду когда-то Илларион, Ларион, словом, Ларька. Может быть, что это праде-

душка дедушки Васи, семья которого была проиграна в карты и прибыла во Львово из Архангельской губернии. От него и пошло это подворье. Вероятно, так оно и было. Прибыли во Львово примерно в конце первой половины XIX в. новые люди. Их всех и называли по имени старшего из них, а он и был – Ларька. Значит все из этого дома – Ларькины: Ванька Ларькин, Васька Ларькин, Мишка Ларькин, Василиса Ларькина, Маруська с Федосьей Ларькины, хотя все они – Чекалины. В связи с этим, можно предположить, что деда дедушки Васи звали Иван Илларионович. Это можно установить теперь только по архивным документам (метрическим записям в книгах церкви Владимирской иконы Божией Матери, что в селе Грязнуше, Ревизским сказкам, Переписным книгам и пр.).

Однако обычным, установленным путем сватовство не пошло. Сватались не родители, а сам дедушка, вдвоём со своим дружкой, вероятно, тем, с кем на паях он собирался заняться бизнесом...

Село Петровское, что совсем недалеко от села Львово, через речку Бурначка, делилось на две части: Барские Петровские и Вольные Петровские. (В предыдущих главах «Чекалин Василий Иванович» и «Баранов Иван Николаевич» я сравнительно подробно рассказал о населённых пунктах Петровское и Львово.) Так вот, в Барских Петровских на хорошем счету было подворье Агафошкиных (как произносила моя бабушка Вера – АгаХвошкиных), пошедших, вероят-

но, от Агафона. В одной из семей этого подворья, Барановых, было две дочери. Старшая, Вера, моя будущая бабушка (ваша прабабушка), и младшая, Евдокия. Вот за одну из них и посватался Василий Васильевич Чекалин.

На вопрос, кого выбирать, дедушка сказал:

– Кто из них первая выйдет из дома, ту и будем сватать.

На наше с вами счастье и вышла из дома в стареньком домашнем рабочем платье, с ведром в руке, по хозяйству что-то делала, моя бабушка и ваша прабабушка.

В одно из воскресений рождественского поста, в конце 1918 г., в церкви Серафима Саровского, которая находилась в сельце Львово, дедушка подошёл к бабушке и говорит:

– Вера, в следующее воскресенье ждите сватов. Сватать тебя придём. А жених буду я.

Сватов у Барановых ждали-пождали в обещанное воскресенье, а они и не пришли.

Опять же в церкви, уже в следующее воскресенье, бабушка подошла к дедушке и говорит ему:

– Что же ты, жених, позоришь-то нас?

А дедушка извинился, сказал:

– Скота много тогда забили, надо было мясо продавать, отец и не отпустил. В следующее ждите. Обязательно будем.

На сговор собрались многочисленные Барановы, были все бабушкины братья: Степан (26 лет), Осип (24 года), Прокофий (18 лет). Все они, вероятно, были ещё холостыми, но точно на этот вопрос, думается, уже и не ответить. Могу ска-

зять точно только в отношении старшего из них, Степана, поскольку знаю, что он женился в 1922-23 году на дочери (Марише) дедушкиного брата Михаила от первой его жены. Да и у Осипа сыновья, Василий и Валентин, были моложе моего отца, который родился в 1922 году. Тогда уж и Прокофий, 18-ти лет, поперёд своих старших братьев вряд ли был женат. Сговор проходил у Барановых, значит тут же где-то бегал и ещё один бабушкин брат, семилетний Иван (Ванька ещё, понятно, а не Иван), самый младший из детей Барановых, а также и 13-ти летняя сестра бабушки Евдокия.

Дедушка пришёл со своим другом и с сестрой Марией Васильевной, говорушкой и шутницей. Она там, на этом сговоре, и устроила шутки-прибаутки, так разговорилась, что вся бабушкина родня, а особенно её братья, в один голос стали отказывать. Или, говорят, ступайте подобру-поздорову (вспомнилась прошлая неявка на сватовство), или меняйте сходатаю (сваху). Нам, мол, такая не нужна. На что дедушка сказал:

– Не нужна – и не будет. Вам с ней не жить. А жить я собираюсь с вашей сестрой. За этим и пришли.

Этот ответ Барановым понравился. На том всё и порешили.

Когда был сговор, не знаю, а вот о венчании можно и предположить. Венчание в православной церкви не проводится в дни многодневных постов, в дни однодневных постов (среда и пятница), а также в дни перед однодневными постами, то

есть во вторник и четверг. Нельзя венчаться в субботу, во время Святков от Рождества до дня, предшествующего Крещенскому Сочельнику.

Венчались бабушка и дедушка в январе 1919 г. Как известно, Декретом от 26 января 1918 г. наше государство перешло на новый стиль календарных дат: установили, что после 31 января следующий день полагать 14 февраля. Православная русская церковь на новый стиль не переходила. Это случилось однажды, осенью 1923 г., при Патриархе Тихоне, когда переход на новый стиль состоялся, но продолжался всего 24 дня, а потом снова был возврат к старому стилю. Если же посмотреть на календарь 1919 г. (нового стиля, действовавшего в гражданском обиходе), то можно увидеть, что 7 января 1919 г. (25 декабря 1918 г. по старому стилю) приходится на вторник. Дальше идут Святки, которые заканчиваются Крещенским Сочельником 18 января (суббота), а предшествующий Сочельнику день, 17 января (пятница), в который уже можно было совершать венчание (на святочной неделе пятница и среда не являются постными днями). Следующие дни, когда возможно было венчание, это понедельник 20 января и затем – воскресенье 26 января. Я больше склоняюсь на воскресенье 26 января. Если ориентироваться на то, что первая их дочка родилась 14 октября, то возможно венчание и 17 числа. Здесь поправить меня может только запись в церковной книге приписной церкви Серафима Саровского Чудотворца сельца Львово. Но, возможно также,

что их венчание проходило не в приписной церкви во Львово, а в главной, в Грязушах, Владимирской Иконы Божией Матери. Тогда и метрические книги надо смотреть за начало 1919 г. именно этой церкви.

С этого времени и началась у бабушка другая жизнь, в другой семье.

Срочно жениться было и обязательным. Не только по природе, для продолжения рода, хотя это тоже главное, но и потому, что в хозяйстве его отца, Василия Ивановича, требовались дополнительные рабочие руки. Хозяйство было большое, крепкое. Земли у них в то время было 11 гектаров, в том числе, наделной – 7 гектаров (а не 8, как я посчитал выше), купленной и в аренде – по 2 гектара. Из живности было 4 лошади, 5 коров, 30 овец, 5 свиней. Управиться с таким хозяйством было сложно. Например, до Революции 1917 г. у них в семье работали два батрака. И предосудительного здесь ничего не было. Тем более, что с женитьбой Василия и земельный надел прибавлялся на одного пока человека.

К моменту замужества бабушке было уже несколько за двадцать два года. По тому времени это считалось много. Как тогда говорили, «засиделась в девках». Как и её мать, Евфимия Андреевна, примерно в таком же возрасте была сосватана.

В 1919 г., 14 октября, на Покров, родилась у них дочь, Антонина, затем, 17 марта 1922 г. – Иван, в 1925 г. – сын Михаил (даты рождения не знаю, вероятно, что близко ко

дню Архангела Михаила, который отмечается 21 ноября по новому стилю), и через два года, 29 октября 1927 г., ещё одна дочь, Серафима.

Время тогда было для всех трудное. Все переменялось. Гражданская война. «Разруха в головах», как говорил профессор Преображенский из «Собачьего сердца» М.Булгакова. Коллективизация. Раскулачивание. Продолжение коллективизации и того же раскулачивания. Продразверстки за переданную крестьянам безвозмездно землю (в размере 70% до марта 1921 г. от полученной сельскохозяйственной продукции, а потом, с марта 1921 г., – продналог в 30%). Потом – налоги на всё, что есть в хозяйстве, и на то, чего нет. Словом, кто был никем, тот им и остался. Таким же крепостным, как и до 1861 г., если не хуже.

Для своего дома по хозяйству Василий Васильевич умел делать всё, и даже немного больше. Мог сшить упряжь, сделать телегу, сани, выполнить по дому плотницкие и столярные работы, шил тулупы, шубы, шапки, рукавицы, брюки, рубашки, тачал сапоги, валял валенки, лечил скотину от разных болезней, принимал новорожденных телят, ягнят, поросят. Не говоря уж обо всём остальном, что требовалось получить с огорода и всё это сохранить. К нему, как к ветеринару, часто обращались и жители деревни. А научился он всему этому от своего отца Василия Ивановича, который тоже всё это умел делать, надо полагать, научившись от своего отца Ивана и от деда Лариона (?). Но чему-то он, дедушка Вася,

также научился, кроме того, и в годы городской жизни.

В 1928 г. дедушка с семьей переехал из сельца Львово в деревню Красный Куст и обустроил хозяйство на новом месте (вместе с ними переехали и его отец, Василий Иванович, и незамужняя сестра, Василиса Васильевна, Васёна – так её все в семье называли).

Перед самым переездом семья Чекалиных имела 12 гектаров наделной земли (к тем первоначальным 7 гектарам прибавились ещё и гектары на четверых детей Василия и Веры), да ещё 3 гектара было в аренде. Было 3 лошади, 3 коровы, 20 овец и 2 свиньи. Работал у них ещё молодой парень, в дедушкином уголовном деле 1932 года он записан как батрак, но это не совсем так. Этот парень был их дальний родственник, которого они поселили у себя, поскольку он остался сиротой. Вот он и помогал по хозяйству, как член семьи, а не батрачил. Но ведь тогда как, если этот парень не сын или брат, то, конечно – батрак. Если уж арестовали, то и навешать надо было побольше, в том числе и брата Михаила, бандита-антоновца, чего и в помине не было (об этом будет рассказ в следующей главе).

Переезд на новое место был связан, скорее всего, с тем, что в это время ещё продолжалась новая экономическая политика (НЭП), объявленная в марте 1921 года на очередном съезде ВКП(б). Это было некоторое отступление от социалистического хозяйствования, возвращение к капитализму. Крестьянам разрешалось после сдачи государству проднало-

га (30% от общего объёма выращенной продукции) излишки продавать на рынке. Это относилось ко всякой сельскохозяйственной продукции, а также к различным изделиям для быта.

В.И. Ленин очень горевал, что пришлось отступить от коммунизма и возвратиться к капитализму. Но вслух он всему народу и в печати говорил, что НЭП вводится надолго и всерьёз. А своему другу и соратнику Льву Троцкому писал в письме, что хорошо бы этот НЭП поскорее отменить, что лет через семь и случилось. Как в песне про остров Невезения – «Им бы понедельник взять и отменить...».

Переход на капиталистическое хозяйствование предусматривал и возможность использования наёмного труда. Государство хоть и противилось такому положению, но поделать ничего не могло, без этого никак бы не получались основные положения НЭП. Такое хозяйствование обещало для тружеников вполне сносную жизнь. Семья Василия Ивановича занималась торговлей мясом. Для выращивания скота нужна была не только земля для посевов и посадок, но пастбища и сенокосы. А в окрестности села Львово уже не хватало земли и других угодий, очень населённые были эти земли. Поэтому и переехали Чекалины в более просторные по населённости места, в уже практически заселившийся Красный Куст.

Я проанализировал моих земляков, по всем домам Красного Куста. По тем, кого хорошо помню, и о ком рассказы-

вали родители. В Красном Кусте первоначально собрались довольно крепкие крестьянские хозяйства, цель переезда которых на новое место была одинаковая, обеспечить себя хорошей работой и впоследствии – достатком. Например, Сурковы, Мамонтовы, Незнановы, Шемонаевы, Кожевниковы, Колмаковы, Поляковы, Елисеевы, Авиловы, Молостовы, Костромины, Панюшкины и другие.

Но эта политика, начавшись в 1921 г., благополучно, с помощью того же государства, как и мечтал Ленин, постепенно завершилась к концу 1928 г. А Чекалины как раз уже переехали, построили дом. В 1929 г. началось раскулачивание, стали отбирать нажитое добро, приобретённую сельскохозяйственную технику. Стали называть кулаками и тех, кто использовал в хозяйстве наёмный труд, хотя это и не запрещалось основными положениями НЭП. Но кому было до этого дело? Чекалины на новом месте ещё не обжились, так что здесь в разряд кулаков они не попали, не были раскулачены. А во Львово, если бы они остались там жить, этого было бы не избежать, и с меньшим достатком в тех местах раскулачивались.

Впоследствии, в 1930 г., вступили, конечно, в колхоз, который тогда назывался «Красный Куст», по названию деревни, и всей семьей, кто мог в то время, ходили на работу за трудоднями. В колхозе дедушка работал кладовщиком и одновременно кассиром.

То смутное, тяжёлое время, с неоправданным и поощря-

емым государством кровопролитием, описал А.И.Солженицын. В одной из своих книг он привел статью из газеты «Русское слово». Я здесь её тоже воспроизведу.

Тамбовские мужики села Покровского составили протокол.

«30-го января, мы, общество, преследовали двух хищников, наших граждан Никиту Александровича Булкина и Адриана Александровича Кудинова. По соглашению нашего общества, они были преследованы и в тот же момент убиты».

(Кто знает, может быть, Кудинов и родственником нашим был, моя мама, Зинаида Сергеевна-то, тоже из Тамбовской области, в девичестве была Кудиновой. Правда, фамилия эта не такая уж и редкая.)

Этим же «обществом» было выработано уложение о наказаниях за преступления (очень похоже, что списано с таких же «законов» Средневековья).

«Если кто кого ударит, то потерпевший должен ударить обидчика десять раз.

Если кто кого ударит с поражением или со сломом кости, то лишит жизни.

Если кто совершит кражу, или кто примет краденое, то

лишить жизни.

Если кто совершит поджог и будет обнаружен, то лишит того жизни».

По тому же положению и действовали. Поймали вскоре двух воров с поличным. Немедленно устроили суд и приговорили их к смерти. Одного из них убили безменом по голове, вилами пропорол ему бок и уже мёртвого, раздев догола, выбросили на дорогу. Потом примерно та же участь постигла и второго вора».

Не лучше творили и сами власти. Десятками убивали в деревнях, тысячами – в городах, миллионами – в стране. Безвинных людей, «врагов народа». Вообще в то время, ещё при Ленине, а потом в течение тридцати лет при Сталине «врагами народа» были все поголовно. Не оставалось уже того народа, ради которого уничтожали врагов, сажали по тюрьмам. Говорю это так потому, что любого гражданина нашей свободной и демократической страны, как именовали её действующие правители, могли арестовать просто так, осудить неизвестно за что, по мыслимым и немыслимым обвинениям, даже несуразным и странным обвинениям (можно считать литературу на этот счёт, я бы так назвал – страшную литературу), убить в тюрьме только за то, что человек осуждён, и не только осуждён, а просто находится под следствием. И так могло быть с каждым из десятков миллионов граждан, кроме одного человека, действительного врага народа,

Сталина Иосифа Виссарионовича, по фамилии Джугашвили, по прозвищу Коба, в прошлом бывшего боевика большевиков, вора и бандита. Впрочем, таким он и остался в памяти тех, кто потерял в то время своих близких. Ни один успех в экономике страны, ни успехи индустриализации, ни победу в Великой Отечественной войне и успехов в другом нельзя поставить в оправданную заслугу правителю, убившему хотя бы одного человека. Пусть он и правитель, но провозглашённое равенство всех перед законом и определяет его как преступника. Сталин убил миллионы человек, разрушил сотни тысяч семей, заполнил детские дома детьми «врагов народа». Да, лично сам он не убивал, будучи на вершине власти. Но он своей властью заставлял делать это других, кого потом тоже расстреливали, сменяли одних убийц на других: можно проследить, например, историю смены одних из самых важных наркомов: например, Ягода, Ежов, Берия, Семичастный, Шелепин. Правда, Семичастного и Шелепина не расстреляли, как их предшественников, а просто мирно заменяли, последнего – на Андропова. Сталин лично подписывал расстрельные приказы, ввёл в стране тотальную систему доносительства и клеветы. Сейчас можно услышать, что при нём было хорошо. Вот тот, кто это говорит, первым и напишет при нём, новом, донос на своего соседа, сослуживца, своего друга, да и сам потом скоро и окажется жертвой такой же подобной клеветы. Потому что при нём все были «враги», а значит потенциально и тот, кто радуется о годах повальных

репрессий. (Очень полно, на мой взгляд, описан Сталин Волкогоновым в книге «Триумф и трагедия». И ещё одна книга о том кровавом времени: С.П.Мельгунов. «Красный террор в России 1918-1923».)

Я приведу один пример из книги «Наша Великая Родина», выпущенную в 1949 г. Государственным издательством политической литературы, которую, несомненно, редактировал Сталин:

«Вот пожелтевший от времени документ, который воскрешает исторические события тех дней.

Протокол № 2 общего собрания крестьян товарищества по общественной обработке земли «Труд крестьянина» от 31 января 1930 года:

«Слушали: Коллективизация и ликвидация кулачества как класса.

Постановили: Заслушав доклад о ликвидации кулачества как класса на селе, мы, члены Тоза (товарищества по общественной обработке земли) «Труд крестьянина», учитывая, что кулак является классовым врагом основной массы на селе и тормозит мероприятия партии и советской власти в отношении переустройства сельского хозяйства, постановили – имущество кулаков как движимое, так и недвижимое немедленно изъять и передать в распоряжение Тоза, а самих кулаков просить райадмотдел (милиция) выслать из пределов данной местности».

Как в те времена уничтожили хлебороба, так до сих пор ничего в сельском хозяйстве восстановиться и не может. Сотни тысяч крестьянских семей были высланы практически на их погибель и на погибель сельского хозяйства. Всё делалось росчерком пера. И расправлялись с крестьянством, не задумываясь о последствиях. Можно почитать телеграмму В.И.Ленина коммунистам Пермской губернии в августе 1918 г., когда в тех местах прошли крестьянские восстания. Текст этой телеграммы будет помещён мной далее, в главе 6 («Чекалин Михаил Васильевич»).

Советская притча-быль: «Репка»

Посадил дед репку. А потом посадил бабку, а внучку отправили в детский дом, потому что родители её давно уже отправлены были на десять лет без права переписки. А потом и деда самого посадили за срыв репоставок. Урожай-то не с кем собирать было. Да и срок добавили за тайное вредительство. Потому что репка выросла большая-пребольшая, а внутри – гнилая.

А вот и подтверждение этой притче.

Приказ объединённого государственного политического управления № 44/21 от 02 февраля 1930 года
В целях организованного проведения ликвидации кулаче-

ства как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулака мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь в районах коллективизации:

1. Немедленная ликвидация кулачества

2. Массовое выселение наиболее богатых кулаков

3. Определить места для выселения кулаков и их семейств:

Из Северо-Кавказского края – 23000 – на Урал
– 5000 – в Казахстан

Из УССР – 50000 – в Северный край

Из ЦЧО – 20000 – в Северный край

Из НВК – 18000 – в Сибирь

Из СВК – 14000 – в Сибирь

Из БССР – 12000 – в Сибирь

4. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков и их семейств – во всей её совокупности: для концентрации материалов по операции и для организации постоянной связи с центром и периферией – распоряжение ПП организовать оперативные «Тройки».

5. Приведение в исполнение приговора о высылке производится через местный административный орган.

6. На место высылки осуждённые направляются под контролем.

Орфография текста приказа мной сохранена (С.Ч.).

Это продолжение ликвидации социальных групп по известной классификации Н.Бухарина (вскоре и самого ликвидированного по воле Сталина), приведённой им в книге «Экономика переходного периода», написанной и изданной в комакадемии. (Ленин даже поздравил эту комакадемию за «выдающийся труд» её сотрудника.) Вот эта классификация лиц, подлежащих ликвидации:

1. Паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуи-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры;

2. Вербовавшаяся из тех же слоёв непроизводительная административная аристократия (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и проч.);

3. Буржуазные предприниматели-организаторы и директора (организаторы трестов и синдикатов, «деляги» промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и проч.);

4. Квалифицированная бюрократия штатская, военная и духовная;

5. Техническая интеллигенция и интеллигенция вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своём большинстве и т.д.);

6. *Офицерство;*

7. *Крупное зажиточное крестьянство;*

8. *Средняя, а отчасти и мелкая городская буржуазия;*

9. *Духовенство, даже неквалифицированное».*

Ну, прямо всех ликвидировал тов. Бухарин, даже и самого себя, а если поразмыслить, то наверняка и самого Ленина.

Это расправа, приказ ОГПУ №44/21, приведённый мной выше, с так называемыми «кулаками». А вот известная расправа в Украине в 1932-33 гг. («Голодомор») с крестьянами, которые не захотели вступать в колхоз. Солдаты отбирали у крестьян всё продовольствие, окружали населённые пункты и не давали из них никому уходить. От голода вымирали целыми сёлами и деревнями. Некоторые говорят, что Сталин об этом не знал. Он-то как раз и знал, он-то и посоветовал так именно делать, как это посоветовал бы ему его друг и учитель Ленин. (Известно, что подобный «Голодомор» был устроен Сталиным в Украине и после войны, несмотря на то, что накормить было чем, даже предполагалось, что украинцев он хотел просто всех выселить, как выселили в своё время татар, ингушей и чеченцев. Но очень уж большое число народа пришлось бы где-то разместить, в чём-то перевезти, поэтому планы-то и сорвались.) Но такое творилось не только в Украине. Подобные действия были организованы и в Средней Азии, в частности – в Узбекистане. Отец, Иван Васильевич, говорил, что всё село Сергиевка, что недалеко

от Полетаево (а это уже непосредственно в наших краях), в 1933 г. вымерло полностью.

Авиаконструктор А.З.Рубинчик приводит ответ Сталина на сообщение о «Голодоморе»:

«Секретарь ЦК КПУ (Центрального Комитета Коммунистической партии Украины) Терехов обратился к Сталину с просьбой о помощи (во время «Голодомора» – С.Ч.). Сталин не дослушал, оборвал и с насмешкой сказал: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор. Но, оказывается, вы и хороший сказочник. Сочинили сказку о голоде, думали нас запугать – не выйдет! Не лучше ли вам оставить посты секретаря ЦК КПУ и Харьковского обкома и пойти в детские писатели? Будете сказки писать, а дураки их будут читать».

Да и без политических репрессий. В 1918 г. налетел грипп на все страны, на Россию, конечно, тоже. Грипп этот, как известно, назывался «испанкой». В Сызрани в эту эпидемию, в её начале, заболело больше десяти тысяч человек. Вот как там устроили карантин. Здесь я привожу цитату из газеты «Московский комсомолец» за 31 марта 2006 г.

Из донесения начальника уездной ЧК

15 сентября в деревне Калиновке отряд под командованием тов. Косолапова окружил дом крестьянина Пряжина,

который подозревался в том, что с женой и тремя взрослыми сыновьями нарочно ходили по улице, будучи в болезненном состоянии, и распространяли «испанку» на всех жителей, стремясь тем самым подорвать в Калиновке рабоче-крестьянскую власть... Арест семьи Пряжина из-за опасения заразиться был затруднителен, поэтому дом расстреляли из винтовок и сожгли со всеми бывшими там людьми...

Извините за такое очередное пространное отступление в рассказе о дедушке.

В 1932 г. на дедушку (и ещё двух колхозников: полевода Молостова Андрея Кузьмича, завхоза Колмакова Григория Андреевича) поступил донос по одному из пунктов известной статьи 58 Уголовного Кодекса. Всех осудили «тройкой» на пять лет. Насколько мне известно, меньше пяти лет сроков-то тогда по этой статье и не было.

Тётя Сима, Серафима Васильевна, помнит, как уводили её отца, тогда ей было пять лет. Эта картинка через окошко у неё, как она говорила, до сих пор перед глазами.

Здесь необходимо немного рассказать о 1931-33 гг. В 1932-33 гг. в нашей стране умерло от голода и его последствий от 3 до 5 миллионов человек. Причиной этому стал неурожай 1931 г., после которого зимой из-за бескормицы пришлось забить почти весь скот и тягловую силу. На корм пошли соломенные крыши с домов и хозяйственных построек. Но это не помогло. Коров и лошадей, чтобы они не лежи-

лись на пол, потому что самостоятельно встать уже не могли, подвязывали на ремнях и верёвках к связям построек, в которых они находились. Пало более четверти или трети тягловой силы. К посевной советская деревня подошла с подорванным животноводством и голодным населением. Поэтому сорвалась и посевная: засеяно было немногим более половины посевных площадей. И выращенный с таким трудом урожай собрать не смогли: половина зерна осталась необранной. Из-за жестокого голода случались хищения зерна, поэтому и появилось известное Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности, по которому предусматривались наказания в виде расстрела и лишения свободы на срок, не менее 10 лет, прозванное в народе «законом о пяти колосках». За невыполнение плана хлебозаготовок у крестьян конфисковали всё продовольствие, что привело к усилению голода. Вымирали целыми деревнями и селениями. Часто отмечались случаи людоедства и трупоедства. Деревенский народ стал разбегаться по городам, но на дорогах выставляли кордоны ОГПУ, которые силой возвращали беглецов назад, на верную смерть. Иностранные государства предлагали гуманитарную помощь, но советское правительство отказалось. И это при том, что только в резервном фонде тогда хранилось около 2 миллионов тонн зерна, из которого голодающим не было дано ни грамма. Кроме того, в 1932 и 1933 гг. СССР продал в Западную Европу соответственно 18 и 10 миллио-

нов тонн зерна. А выходили из этого устроенного правительством кризиса долго: только к 50-м годам удалось восстановить поголовье скота до уровня 1931 г. Понятно, что потеря тут добавила и война.

Ещё можно напомнить про голод в начале 20-х годов, как говорили в нашей печати – в Поволжье. А на самом деле – повсеместно, практически голодало 37 губерний в Украине, Кубани, Ставрополье, Крыму, Приуралье и Поволжье. Иностранные государства создали комитет по помощи голодающим (известна очень большая работа в этом направлении полярного исследователя Фритьофа Нансена). В России была организована кровавая компания по изъятию церковных ценностей для закупки, якобы, продовольствия голодающим. Церковь предлагала войти в комиссию по надзору за движением ценностей, но ей было отказано. В результате, в ходе проведения этой реквизиции, было убито порядка 30 тысяч священников и монахов, невзирая на их пол. А собранные ценности никак не помогли голодающим, поскольку львиная их доля ушла на поддержку революций и коммунистических режимов Турции, Кореи, Прибалтийских республик, Коминтерна и др., да и ещё на содержание собственных «совслужащих», своей «номенклатуры». Несмотря на голод, Советская Россия осуществляла и продажу за рубеж зерна. Когда об этом узнал комитет по помощи голодающим, он сразу перестал оказывать России любую помощь.

Далее приводится обращение к народу Патриарха Тихона

в связи с изъятием церковных ценностей, за которое, вообще говоря, его и убили впоследствии. Это обращение имеется в Интернете, но считаю необходимым поместить его и здесь.

БОЖИЕЮ МИЛОСТЬЮ, СМИРЕННЫЙ ТИХОН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ, ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

БЛАГОДАТЬ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА ДА БУДЕТ С ВАМИ.

Среди тяжких испытаний и бедствий, обрушив[иш]хся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасающем бедствии, Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских церквей (Православным патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йор[к]скому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их вымирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначенных на оказание помощи голодающим. Но подобная

Церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные церковью денежные суммы потребованы к сдаче (и сданы) Правительственному К[омите]ту. Однако в декабре Правительство предложило нам делать, при посредстве органов церковного управления (Св[ященно]го Синода, Высш[его] Церк[овного] Совета, Епархиального Совета, благочинного и церк[овно-]приходского совета), сборы деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим.

Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающим драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, — о чем и оповестили православное население 6/19 февраля с/г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах, по отношению к духовным руководителям Церкви, 13/26 февраля В.Ц.И.К., для оказания помощи Голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и проч. богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли вы-

яснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад наших.

Мы допустили, ввиду чрезвычайной тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, неосвященных и неимеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таким жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею, как святотатство, мирянин отлучением от Ней, священослужитель извержением из сана (апост[ольское] правило 73, Двукрат[ный] Вселенск[ий] Собор[,] прав[ило] 10).

Дано в Москве 15 февраля 1922 года.

**СМИРЕННЫЙ ТИХОН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И
ВСЕЯ РОССИИ.**

Это время голодовки очень правдиво изображено в рассказах Михаила Шолохова. Читать просто невозможно и больно.

И вот в это похожее время, но уже спустя десять с небольшим лет после 1920-х годов, осталась бабушка одна, сама

седьма: четверо детей от пяти до четырнадцати, свёкор девяноста лет, да сестра мужа, Василиса (Васёна), незамужняя, шестидесяти лет.

Я запросил в ФСБ уголовное дело, заведённое в то время на дедушку Василия. Дело прислали из Тамбова в Москву, и, чтобы с ним ознакомиться, мне пришлось доказывать своё родство с дедушкой.

Конечно, в нашей семье пытались предположить, кто написал донос или доносы. Называли Зайцева Сергея и Незнамова Александра Степановича. Дедушка уже после возвращения из тюрьмы сказал дома, чтобы зла на доносчиков не держали (он-то, понятно, знал тех, кто написал эти доносы). Мне тоже хотелось узнать о доносчиках из этой старой папки того времени, 1932 г. Но это оказалось невозможным, потому что доносы и свидетельские показания находились в деле опечатанными (все эти записки были сшиты между двумя картонками). При получении для ознакомления дела в так называемой «библиотеке ФСБ», которая находится в Центре Москвы, мне прямо сказали: то, что находится между этими картонками, не должно меня интересовать. Что и последовало, с большим сожалением, с моей стороны. А всё остальное, интересующее меня, я попросил скопировать. Дальше я просто для примера привожу только одну из страниц уголовного дела, расшифрованную мной страницу протокола допроса дедушки. Я не стал исправлять орфографические и другие ошибки в этом протоколе. Само уголовное дело, его страни-

цы, содержит, в основном, записи в стандартных документах. Полностью рукописным является только протокол допроса.

Надо отдать должное организации работ ФСБ по моему запросу о Чекалине Василии Васильевиче, Чекалине Михаиле Васильевиче (брате дедушки Васи) и Баранове Иване Ивановиче (бабушкином брате; дальше о двух последних будет идти речь в отдельных главах). Всё было исполнено в очень короткий срок с уведомлением меня о ходе рассмотрения моего заявления. Письма были получены и из московского ФСБ, и из Тамбова с ответами на мои вопросы не только в отношении дедушки, но и в отношении других родственников. Хотя в отношении других родственников в архивах сведений практически не оказалось. Как, впрочем, и о Чекалине М.В., Выгловском В.П. и Баранове И.И.

Показания по существу дела

Виновным я себя в предъявленном обвинении не признаю по делу поясню, овес в количестве 16 га оставался неубранным до глубокой осени и попал под дожди виду того, что имелось недостаток рабочей и тягловой силы, кроме этого овес еще накорню погиб от градобития на 80% его урожайности, чечевика донастоящего времени действительно не молочена, потому, что она была обследована агрономом и признана скосит на сено потому, что у ней зерна очень мало. Полевод Молостов мне говорил что на нее составлен акт виду ее гибели. Подсолнух посеянный на силос в количестве

2х га действительно погиб от дождей причина его уборки опять же зависимо от недостатка рабочей силы. В отношении проданного сена Коньбазе Союзмуке и Крупе (Союзкрупы – С.Ч.) я ничего не могу сказать по тому, что продажей ведал сам председатель Мамонтов. Полученное за сено мне как кассиру не сдвал, а по этому и не могу сказать сколько им продано сена и сколько получено денег и куда определены эти деньги не знаю. Чем получили Союзмука и Союзкрупы за сено мне неизвестно, хлеб привозить в колхоз не привозили за исключением сечки сколько ей привезено я тоже незнаю. В отношении наёмки рабочей силы на уборочную компанию хлебов, у нас было совещание всего правления, на этом совещании был разрешен вопрос в частности по инициативе полевода Молостова оплачивать рабочих хлебом, после чего нами за работу отпущено Калиновским единоличникам 54 пуда я лично им отпускал из кладовой 22 пуда 20 ф(унтов) а остальное где они получали мне не известно, так же я из кладовой отпустил хлеб киргизам работающих у нас. Посколько я им отпускал не запомню приблизительно пудов 20ть, гр-ну Миронову я хлеб не отпускал и не могу сказать, что он у нас получал или нет. Наёмка рабочей силы происходила лишь только потому, что мы своими силами не могли убрать имеющий у нас посев.

В отношении обнаружения у меня в кладовой лишнего хлеба я могу сказать следующее потому, что хлеб с токов мной принимался безвесу мерили рож ящечками. Я досего момента

*не мог знать сколько уменя его лишнего, в отношении про-
са уменя в кладовой должно быть 40 центнеров лишнего по
тому, что ее председатель правления невелел приходовать,
я не однократно заявлял председателю но он говорил что
это дело не твоё. После этого я заявил члену (неразборчи-
во – С.Ч.) РКП и заведующему х-вом, но они почему то не
обратили внимания. Эта проса ко мне в амбар не поступа-
ла плодь до перработки ее на пшено и пшеном я ее принял.
Какая цель была председателя и членов правления в отно-
шении уккрытия этого проса я немогу сказать. В отноше-
нии выполнения плана хлебозаготовок унас не однократно
было совещание, и на каждом совещании приходили к тому,
что план выполнять нужно и отказовотся мы отвыполне-
ния не отказовались, причина затяжки выполнения полу-
чилось по тому, что недостаток транспорта и тягловой
силы по тому, что последняя была большинством занята
на возке сах. свёклы. Больше по делу показать ничего не мо-
гу.*

*Протокол мне прочитан. С моих слов записано верно
Чекалин Василий Васильевич*

Я постарался полностью сохранить орфографию этого до-
кумента. Не для того, конечно, чтобы показать какой я гра-
мотный – для того только, что вот такие «грамотеи» и вер-
шили судьбами людей. Следователь-то тут и не виноват, точ-
но такие же «грамотеи» были и в руководстве страны.

Бабушка ездила в Токарёвку, в отдел милиции, где содержался дедушка во время следствия, отвозила ему передачу, да и беседовала со следователем Кашириным, который вёл дедушкино дело. (Этот отдел милиции тогда находился на Советской улице, рядом с современным отделом полиции, который находится в доме 55; здание было специально для милиции построено в 1975 году.) Помню только, из рассказов бабушки, что следователь ей понравился. Надеялись даже, что всё обойдётся. Но не обошлось. После окончания следствия всё это дело (вместе с дедушкой) переслали в Борисоглебский дом предварительного заключения (т.н. «дом-зак»).

Но в то время судов, как таковых, не было. Всех троих, «тройкой», в марте 1933 года осудили на пять лет по статьям 58, п. 10 и 162 (д) УК РСФСР в редакции 1926 г.

Немного расскажу о «тройках». Тройки ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД существовали в течение двух десятилетий. Их можно было назвать особыми разнообразными органами, которые имели задачи решения каких-то назревших проблем, с различными территориальными и родовыми подсудностями. Тройки не обязательно были только судебными органами, хотя, конечно, судить и выносить приговоры они имели право, но некоторые тройки выполняли также руководящие и следственные функции в своей сфере ответственности. Количество членов, ставшее названием такого органа, определено, очевидно, традиционным принципом коллегии-

ального руководства, предусматривающим наличие не менее трех членов совета с целью исключить тупиковую ситуацию конфликта двух неуступчивых спорщиков.

Всего в первые два послереволюционных десятилетия в истории нашей страны обнаружилось 12 типов троек, время от времени сменявшие друг друга, а иногда и действовавшие параллельно; часто разные виды троек решали одни и те же задачи.

Статья 58 вся относилась к контрреволюционным преступлениям, которые характеризовались в том УК следующим:

Контрреволюционным признаётся всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР, союзных и автономных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР. [6 июня 1927 года (СУ № 49, ст. 330)].

Приведу содержание данных статей УК РСФСР 1926 г., на основании которых были осуждены указанные колхозники.

Ст. 58, п. 10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст.58, п. 2 – 58, п. 9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой – меры социальной защиты, указанные в ст.58, п. 2 настоящего Кодекса.

Ст. 162: Тайное похищение чужого имущества (кража) влечёт за собой:

д) совершённое из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путём применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ, при особо крупных размерах похищенного, – лишение свободы на срок до пяти лет.

В материалах дедушкиного уголовного дела я не нашёл

обвинений по статье 58.10, да и по статье 162 тоже ничего не нашлось (если это интересно, то материалы дела можно посмотреть, они имеются в нашем домашнем архиве).

На 17 листе копии уголовного дела имеется Заключение в отношении Чекалина Василия Васильевича (архивный № 7105, сейчас – Р-12790), согласно которому он реабилитирован. Произошло это 2 февраля 1990 г. На 18 листе приводится письмо Председателю сельского Совета народных депутатов по месту бывшего жительства дедушки с сообщением о реабилитации.

Конечно, никто никого из родственников не искал для вручения извещения. Сын дедушки, Михаил, погиб ещё во время войны, в 1943 г., где-то под Ульяновском, а его-то как раз и решили разыскивать, как самого младшего из детей мужского пола. Найти второго сына, Ивана, труда не представляло, для этого достаточно было обратиться к оставшимся в 1990 году жителям деревни Красный Куст, и даже в село Львово, где он родился. Сложнее с дочерью, Серафимой Васильевной, ставшей после замужества Незнановой. Но и это можно было сделать, поскольку Незнановы – жители деревни Красный Куст, да они и проживали ещё в это время в этой деревне. Даже спросив Чекалиных – можно было легко выйти на Незнановых. Может быть, случилось это из-за того, что дедушка забыл сказать на следствии, что у него есть и ещё сын Иван. Может быть. Но я сомневаюсь, что и в этом случае стали бы искать какого-то Ивана. Да и для чего?

Да и год-то, вспомним какой, 1990-й, своих государственных проблем целая куча, а тут какие-то реабилитированные, абсолютное большинство из которых уже умерли. В августе следующего года был известный путч, ГКЧП. Конечно, не до ушедших, напрасно пострадавших.

Но одно дело – закон, а другое дело – бытие, которое определяет сознание. Правда, из этого не понятно, что что определяет. То ли бытие сознание, то ли наоборот. Читается как фраза из «Приключений Буратино»: «А роза упала на лапу Азора». Так вот, что что определяло в 1990 г., когда реабилитировали дедушку, и в последующие годы, мы себе представляем. Не до них, давно умерших. Тут тебе и разгар «перестройки», начавшейся в 1985 году, и ГКЧП 1991 года, и свержение с трона Всесильной КПСС, и распад СССР, и приватизация, и прочее другое, что определялось сознанием или наоборот, чем определялось сознание. Шагай галсами, как во фразе про розу и Азора. Но были в стране нашей времена, когда Закон неукоснительно соблюдался. Массовым тиражом. Когда за карман зерна для голодных детей давали по пять-семь лет. А вернёшься, если останешься жив. Это сейчас за украденные миллионы и миллиарды рублей и народного добра, отнюдь не для голодных детей, а именно у них, голодных, немножко пожурят на суде, с извинениями, что очень уж сильно пожурили. Раньше за украденные копейки сидели миллионы, а теперь – за украденные миллионы заводят копеечные дела. Потому что «бытие определяет созна-

ние» читается туда и сюда. Каждый в свою сторону и читает.

Назначенный срок дедушка отбывал где-то на Дальнем Востоке, на строительстве железной дороги. Делали вручную насыпи, выемки, прорубали тоннели в горах. Был холод и голод, непосильный труд от тёмной утренней зари до тёмной вечерней зари. Когда строили тоннели, то часто на ночь не уводили в зону, а оставляли тут же, в тоннеле, независимо от погоды. На утро оставшиеся в живых продолжали прорубать тоннель, а мёртвых закапывали неподалёку. Однажды дедушка настолько обессилел, что не мог идти с места работы в зону. По дороге он упал. К нему подошли два конвоира. Один из них нацелил винтовку на дедушку и говорит:

– Пристрелить надо, а то убежит.

А второй ему:

– Да что его пристреливать. Он уже готов, смотри, и так не жилец. Патрон-то на него расходовать. Пошли.

Но дедушка оказался жилец. Отлежался, ночью пришёл в лагерь. Потом его, можно сказать, спасли. Пристроили к лошадям. Обращаться с лошадьми дедушка умел, в своём хозяйстве раньше лошади были, да и в колхозе, на земле, как же было без лошадей. Животных этих кормили в человеческом тюремном лагере хорошо, иначе они такой тяжелой работы не выдержат. Людей не кормили, а недостаток в них время от времени пополнялся новыми «врагами народа». С лошадьми в смысле пополнения было сложнее. Вот дедушке и удавалось подкармливаться кормом для лошадей – овсом.

Это, вероятно, было строительство «Байкало-Амурской магистрали», которую начали строить ещё до 30-х годов. Все работы осуществляли заключённые БАМлага. Начальником общего строительства был турецкий еврей Нафталий Аронович Френкель, которого называли в то время автором лагерей для заключённых. Скорее всего, что не совсем он был автором таких объектов, и до него были лагеря, но вот в установившемся тогда режиме содержания заключённых – его несомненная заслуга. Даже сам вождь товарищ Сталин удостоил Френкеля в 1929 году беседы с собой в течение трёх часов. Поскольку стенограмма этой беседы не велась, то истории остаётся только фантазировать о содержании этой беседы. Однако полагают, что беседа их была о строительстве социализма через труд заключённых. После этой беседы и стала внедряться в лагерях система зачётов и досрочного освобождения за хорошую работу. Эта система широко апробирована на строительстве Беломорканала, где должность «начальника работ» получил именно Френкель, он же впоследствии был награждён за это строительство орденом Ленина. Уже после этого его перебросили в БАМлаг на строительство вторых путей Сибирской магистрали. В звании генерал-лейтенанта Френкель был заместителем Кагановича по железнодорожному строительству. Умер в Москве в 50-х годах в покое и почёте. (Эти сведения я привёл из книги А.И.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».)

В системе Бамлаг в 1934 году находилось 100000 заклю-

чённых, в 1936 году их стало уже 200000. В архивах НКВД сохранились сведения о числе умерших в Бамлаге в годы, когда дедушка там находился: 1933 – около 5000 чел.; 1934 – около 6000 чел.; за 1935 г. – почти 7000 чел.; затем, в 1936 и 1937 гг. число умерших сократилось примерно вдвое (соответственно 3400 и 2300 чел.), но в следующем, 1938 году резко возросло и достигло 16500 чел.

Возвратился дедушка в конце 1937 г. С тех пор и до конца жизни – с больным сердцем. Не дождалась его сестра Василиса (умерла в 1935 году) и отец, Василий Иванович (умер в 1936 году), похоронены оба на Полетаевском кладбище.

Искупивший «вину» дедушка работал в колхозе. Работал и во время войны, и в послевоенное время. Исправно платил налоги, и так же, как и прежде, был в деревне на хорошем счету. Но в долгожители не попал – часто болело сердце. Я помню постоянный запах в доме корвалола, что стоял в маленьком пузырьёчке в стенном шкафчике, всторенном в русскую печку. Один такой пузырьёчек, пустой, я как-то надел на палец и не мог снять. В слезах – к бабушке, конечно, (к кому же ещё?), а она меня к дедушке переадресовала, потому что уже никакое мыло не помогло, палец распух в пузырьёчке. Дедушка, под мои слезы и мой страх, стекло всё-таки, аккуратно молотком в несколько приёмов разбил пальцеву тюрьму и сказал:

– Говорил же я тебе, нельзя этого делать. Вот теперь и будешь знать.

Говорил, это точно помню. Но очень хочется, потому что нельзя.

(Кстати, этот молоток сейчас у нас, на даче.)

Как о нём, о дедушке, и было записано раньше – «занимался торговлей мясом» – так и продолжалось всю его оставшуюся жизнь. Не мог он жить без базаров. Я повторяюсь, что это и необходимо ещё было для нашей семьи, заработать деньги, которые больше нигде было заработать. Ведь в то время на один трудодень выплачивали от двадцати восьми до пятидесяти копеек (это я говорю о дореформенном, 1961 г., времени). Положим, отработал ты триста трудодней (к слову сказать – это чрезвычайно много). Вот и получишь свои восемьдесят пять, а то и все сто пятьдесят дореформенных рублей. По тогдашним ценам – это соответствовало трём-шести взрослым гусям. С расчётом, вероятно, на то, что от гусей гусенятки пойдут, расплодятся неимоверно, и станешь богатеньким Буратино.

Я приведу информацию из писем академику А.М.Самсонову о колхозной жизни (Самсонов писал книгу «Знать и помнить» о Второй мировой войне и вообще о жизни в нашей стране; эта книга практически полностью написана на основе читательских писем к нему после его выступления в печати). Учитель С.С.Вдовенко пишет:

«Когда начинаешь говорить об этом (о репрессиях – С.С.), обычно отвечают: «Ну, знаете, у Сталина были

и очень большие заслуги!» Можно подумать, что заслуги освобождают от ответственности за любые преступления. Но вот в чём главный мой вопрос: какие такие заслуги? Сталин осуществил коллективизацию сельского хозяйства. Что же эта коллективизация дала крестьянам? Такую оплату их труда, какую мы не сыщем в мировой истории. Эта оплата опускалась до 200 граммов ржи на трудодень, а налог с личного хозяйства (25-30 соток огорода, корова, поросёнок) в несколько раз превышал то, что колхозник мог заработать в колхозе. Сталин заложил такие основы колхозного строя, что колхозы даже сейчас, при технической оснащённости, не могут обеспечить страну необходимым количеством продовольствия».

И далее – дополнение к этому пенсионера В.Г.Кантемирова:

«В 30-х годах в нашей стране было кооперировано крестьянство. Была ли в этом необходимость? Можно было бы просто лишить кулачество наёмной рабочей силы – и пусть люди занимаются своим трудом, приносят пользу себе и государству... За эту землю они сражались на фронтах гражданской войны. Но земля стала фактически государственной собственностью, а крестьянин – сельскохозяйственным рабочим, который за работу на этой земле получал мизерную плату, и только в конце года. При нали-

чи земли не более 0.25 га он платил в год государству 49 кг мяса, 100 л молока, 200 штук яиц, какое-то количество шерсти и шкур домашних животных. Кроме того, колхозник платил налог за каждое дерево (если имел сад), за лозу винограда. Крестьяне уничтожали сады, виноградники. Колхозник в течение года должен был выработать минимум трудодней (примерно 120), а ведь не каждая работа в колхозе определялась в 1 трудодень: были работы, которые оценивались в десятых и сотых долях трудодня. Если колхозник в течение года не выработал положенное количество трудодней, он, согласно Указу от 21.02.1948 г. высылался на лесоразработки на Крайний Север сроком на 7 лет, с правом возвращения только в том случае, если он там хорошо работал. Колхозник не имел права выйти из колхоза и перейти на работу на другое производство без разрешения правления колхоза и сельсовета».

И ещё одна информация о жизни в колхозе в советское сталинское время уже после войны. Вот что написано у Бориса Можаяева в рассказе «Приятели» (передается из общей беседы трёх друзей рассказ одного из них):

«... У нас ведь как было с трудоднями? Установили минимум в сто тридцать пять трудодней. Ты его отработал – и делай что хочешь. Можно, к примеру, на лесозаготовки идти или кирпич бить в Тиханово. Но если у тебя минимума нет,

ты вроде бы в зависимости; во-первых, никуда на заработок не пустят; во-вторых, могут обложить двойным налогом в размере одной тысячи семьсот рублей, как единоличника. Раньше брали налог с коровы, с овцы, даже с козы шерсть брали. Чего посеял, с каждой сотки – опять налог. А если минимума нет – всё в двойном размере».

Вероятно, «миним» (минимум) трудодней устанавливался государством время от времени различным либо самим колхозом, ориентируясь на свои возможности.

Дальше я приведу расширенную информацию о том же, которую я взял из Интернета. Автор её пожелал, почему-то, остаться анонимным.

«Вскоре после XIX съезда состоялся пленум обновленного ЦК КПСС, на котором Сталин выступил с резкой критикой своих давних соратников Молотова и Микояна. Причем о последнем высказался следующим образом: «Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? Мужик – наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна».

Тяжелее всего было положение собственно жителей де-

ревни: на них буквально давили два налога, установленные еще в 1930-е гг., – денежный и натуральный. Денежный налог выплачивался по прогрессивным ставкам, которые регулярно пересматривались: если в 1940 г. колхозники и единоличники выплатили государству 2,4 млрд руб. сельскохозяйственного налога, то в 1952 г. – уже 8,7 млрд. Если в 1940 г. средняя сумма налога со двора составляла 112 руб., то спустя десять лет – уже 431, в 1951 г. – 471, в 1952 г. – 528 руб.

Натуральный налог представлял собой обязательные поставки мяса, шерсти, молока, яиц, картофеля и пр. – фактически это был оброк. Причем не имело значения, есть ли в хозяйстве живность вообще. В результате «бескоронные» колхозники вынуждены были приобретать мясо на рынке у таких же колхозников по рыночной цене, а затем сдавать его государству бесплатно, в счет налога. Ко всему годовые нормы сдачи мяса после войны только повышались, и если в 1940 г. они составляли 32-45 кг, то в начале 1950-х гг. – 40-60 кг.

Налогам облагалось буквально все, даже растущие на приусадебной территории плодовые деревья (поштучно). Чтобы уплатить их, колхозникам приходилось продавать на рынке почти все произведенное в своем хозяйстве. При этом торговать на городских и сельских базарах, железнодорожных станциях они имели право только при наличии

справки о том, что их колхоз полностью выполнил свои обязательства перед государством, а сами они рассчитались по госпоставкам.

За трудодни в большинстве хозяйств сельский труженик не получал почти ничего, кроме отметки в журнале. в 1950-1955 гг. по стране на один трудодень средняя выдача составляла 1,4-1,8 кг зерна, 0,2-0,4 кг картофеля, 1,44-1,88 руб. денег. При этом в 30 % колхозов денежные выплаты не превышали 40 коп., в Курской области колхозники получали за трудодень 4 коп., в Калужской и Тульской – 1 коп. Около четверти всех колхозов страны вообще не выдавали денег на трудодни, ограничиваясь небогатой «натурой» (в Нечерноземье доля таких колхозов составляла почти 40%). Выплаты остальных колхозов составляли лишь пятую часть денежных доходов их работников. Весьма показательна структура денежных доходов колхозников в 1953 г.: доля поступлений от колхоза за трудодни составила 13,3 %. От личного подсобного хозяйства – 41,2%, из прочих источников – 45,5%.

Не менее красноречивы и такие данные. В 1952 г. для того чтобы купить килограмм масла, колхозник должен был отработать 60 трудодней, а чтобы приобрести весьма скромный костюм, нужен был весь его годовой заработок.

Кроме этого, крестьяне, как и рабочие предприятий, впрочем, как и все трудящиеся страны, обязаны были по-

стоянно платить определённую сумму за облигации Государственного займа. Оплату этих облигаций постоянно откладывали, до того момента, когда они вообще практически обесценились. (Например, облигации 30-х – 40-х годов погашались только в середине 60-х, уже после хрущёвской реформы денег 1961 года в отношении 1:10). Я хорошо помню у нас дома эту кипу пустых по цене копеечных облигаций вместе с облигациями умершей в 1962 году бабушки Маши, которые взяла мама из её сундука в опустевшем доме. Словом, крестьяне с момента Великой Октябрьской революции, с октября (ноября) 1917 года, находились в крепостной зависимости от их собственника – государства, как до и после 1861 года, когда было отменено крепостное право...

Тётя Сима рассказывала (привожу цитату из её письма):

«Мне кажется, что папаня любил меня больше всех из детей. Может быть, потому, что я меньшая была из них. Брал на базар только меня. Просил посчитать цену за проданное мясо. Например, килограмм мяса стоит 14 рублей, а весы показали 1 кг 700 граммов. Сколько нужно с покупателя получить денег? Я никак не могла в уме сосчитать. Папаня учил, как это сделать, а в конце торговли хвалил всегда, хотя было не за что. Ездили мы с ним как-то в Токарёвку поросят продавать. Они в кошёлке находились. Сначала спокойно себя вели, а при подъезде к базару разбушевались. Мне пришлось просто висеть над кошёлкой, над их визгом.

Когда мы въезжали в ворота базара, нас окружили, спрашивают, почём поросята. А папаня говорит, что не продаются. Это он цену набивал. Я думала, а зачем мы тогда ехали-то? Что же, теперь, домой назад с этим визгом? Потом, когда поросят продали, папаня попросил меня остаться покараулить, а сам ушёл. Приходит и приносит мне косынку шёлковую, цветастую. Вот где мне радость-то была!»

И ещё из рассказа тёти Симы, который прислал из Кишинёва её сын, Володя. Было это летом 1942 года. Мужчин из деревни почти всех мобилизовали на войну, так что все работы в колхозе свалились на женские и детские руки. Тёте Симе в это время не исполнилось и пятнадцати лет. Дали ей наряд на волах привезти из Полетаево (тогда это был районный центр) мешки с мукой. И сказали, что волов на обратном пути надо попоить в пруду. Муку погрузили, дошли волы до деревни Красный Куст перешли через Авилову плотину, и тётя Сима направила их к воде, попить, как ей и сказали. Волы вошли в воду вместе с поклажей, попили, а назад выходить не захотели, жарко, устали, а тут – благодать. Только через какое-то время уже с помощью взрослых вывели волов из воды...

Продажей мяса дедушка занимался не только на базаре, но и дома. Чаще всего товаром были баранина и гуси. Зимой тушки гусей висели рядком в сенях на связи. Товарный вид им дедушка придавать умел, хотя и сами по себе птицы бы-

ли откормленными. Дедушка укладывал им крылышки, их длинные шеи отправлял внутрь через разрез. Внешняя часть чуть-чуть опаливалась над огнём и становилась немного темноватой. И в конце подготовки тушка покрывалась тонким слоем их же, гусяного, жира. Помню дореформенную 1961 г. цену гуся – двадцать пять рублей.

А кроме мясного дедушка продавал и свои изделия, шил тулупы (с огромными воротниками), овчинные шапки, рукавицы (как их называли – голицы). Про валенки не знаю, продавал или нет, но для всей нашей семьи сам и валял. Отец в этом помогал ему. А вот цену за сшитый тулуп я знаю точно. На моей памяти сговаривались об этом покупатель (кто-то из районного начальства) и дедушка: двести рублей. Я присутствовал и при передаче тулупа и расчётом с дедушкой. Ему за этот тулуп вручили две (больших таких) сотенных бумажки, с изображением Ленина.

Все записи и расчёты по хозяйству он делал в специальной тетради, амбарной книге сероватого цвета. Она была ещё и разлинована на графы, но не дедушкой, а типографским способом. Записывал он всегда карандашом. Их у него было два. Один простой, второй, как мы называли, – химический. Если таким карандашом писать по влажной бумаге, то запись получается чернильной, которая держится прочнее. Этим карандашом дедушка подписывал адреса на почтовых конвертах. Стружку от грифеля такого карандаша, растворённую в воде, использовали как чернила (фиолетового цве-

та). Да у нас других чернил и не было. Тогда мы, школьники, в наших местах Тамбовской области, пользовались только перьевыми ручками, до самого конца школы.

Соответственно и чернилами фиолетовыми из химических карандашей. Чаще всего...

Выше я писал, дедушка говорил, что не надо держать зла на тех, кто его и других с ним оклеветал. Так, наша семья догадывалась, что в этом был замешан брат Филиппа Степановича Незнанова Александр Степанович. Судя по его характеру и поведению – он мог это сделать. Дедушка зла не держал, и пример этому скоро и наступил. Александр Степанович работал в какой-то государственной организации при Полетаевском райкоме партии. Не знаю в каком году, зимой, в сильную пургу и мороз он пьяный возвращался домой из Полетаево. Пока лошадь плелась по сугробам в деревню, Александр Степанович так сильно промёрз, что сам не мог слезть с саней и пройти пешком, чтобы согреться, тем более, что и был пьян до беспамятства. Лошадь пришла в деревню и остановилась у первого её дома, как раз нашего. В доме это почувствовали, дедушка вышел к крыльцу и увидел эту неприятность.

Александра Степановича внесли в дом, стали отогревать, как и положено замёрзшего и обмороженного, к утру отвезли в больницу, в Полетаево. Было очень сильное воспаление лёгких, так на всю оставшуюся жизнь и остался он хрипым в разговоре. Кроме того, у него отморозились на обеих руках

пальцы, кроме больших. Отмороженные пришлось ампутировать.

Умер дедушка 1 декабря 1958 г. Его в конце ноября положили в больницу с приступом сердца, а через несколько дней он умер. Бабушка перед этим в субботу или воскресенье (примерно буквально за день до его смерти) ходила к нему в больницу. Я тогда учился в четвёртом классе, в нашей деревенской начальной школе. У нас шли уроки. Подошла ко мне наша учительница, Клавдия Семёновна, говорит:

– Серёжа, дедушка твой умер. Иди домой.

А дома все в таком не виданном мною раньше состоянии, растерянные. Бабушка плачет, отец со слезами на глазах, собирается ехать за дедушкой в больницу, лошадь с санями уже у дома. Когда к вечеру привезли дедушку, был готов и гроб, который сделал, как мне помнится, сват, Филипп Степанович Незнанов. На другой день отец сам сделал крест из бревнышка, с двумя плоскими перекладинками, прямой верхней и косой нижней.

Дедушка в гробу в избе, на обеденном столе. В головах, ногах и по бокам гроба прикреплены свечки. Свечка горит и в его сложенных руках. Вместе со свечкой в руках и маленькая картонная иконка. Монашка из деревни Масловка читает Псалтырь и соответствующие этому делу молитвы.

«– Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей, ибо в смерти нет памятования о Тебе: во

гробе кто будет славить Тебя?»

Книжка у монашки толстая, потрёпанная, страницы от времени и пользования тёмные, закапанные воском свечей. В избе много наших деревенских – пришли проститься с дедушкой.

«– Со святыми упокой, Господи, душу раба Твоего, Василия, в месте светле, месте злачне, месте покойне, идеже несть ни болезней, ни въздыхания, ни печали, но жизнь бесконечная, и сотвори ему вечную память».

– Ве-е-чная па-а-а-мять, – поют прощающиеся.

В день похорон, по-моему, 3 декабря, перед праздником Введения во Храм Пресвятой Богородицы, была сильная пурга, было очень холодно. Да и снега к этому времени уже выпало довольно много. У дома вырос большой сугроб. Простились мы с дедушкой все дома, а хоронить его поехали только отец и бабушка, да ещё мужики, которые копали могилу и потом засыпали землей вперемешку со снегом. Всем, кто был в это время у нас дома, прощался с дедушкой, выдали так называемые «обмаховальники», беленькие, довольно простенькие платочки. Но это только женщинам. Когда поехали хоронить дедушку, то навстречу им попались сани, в которых ехала домой наша деревенская Панюшкина Ариша, соседка моей бабушки Маши. Положено было и в таком

случае «одарить» встречную платочком. Но бабушка, естественно, забыла с собой взять эту вещь. Так Ариша там же, в поле, раскричалась, обиделась. Бабушка уже после ходила к ней домой, передала ей с извинениями этот злополучный платок.

Пусто стало в доме без дедушки. В первое время – особенно. Бабушка плакала в голос. Не в доме, а когда во двор пойдёт. Но и из дома слышны её причитания, как в сказке об Алёнушке и братце её Иванушке. Многие заботы, о которых не знали, вернее, знали, но они были на плечах дедушки, теперь перешли на плечи других. Хозяйством домашним теперь стал заведовать отец, на правах следующего главы семьи.

Отцу теперь и место полагалось почётное, под иконами, в «красном углу», где раньше сидел дедушка. Но от того, что я место это любил, всегда в этот угол садился уроки делать, читать, и сон мне приснился. Вижу дедушку, подошёл ко мне, руку положил на голову, как он часто делал, и говорит:

– Ты, Серёжа, теперь на моё место садись.

Я потом возьми, да и расскажи этот сон. Все и решили, что мне на его место и надо садиться. Так что отобрал я «красный угол» у отца. Хоть бы в голову пришло, сон этот не рассказывать. Маловат был для этого, да ещё эгоизм детский: мои игрушки!

Затерялась там, в Полетаево, могила дедушки, да и его отца, Василия Ивановича, сестры Василисы (Васёны), умер-

шей в 1935 году. Трое их, в тех краях, из родни нашей по линии Чекалиных: Василий Иванович, Василиса Васильевна, Василий Васильевич. Да ещё один по другой линии, Выгловских-Кудиновых, мамин маленький братик Женя, который умер в 1940 году.

Когда мы учились в школе, в Полетаево, дом хозяев, у которых мы были с братом на постое, находился как раз напротив кладбища и примерно напротив того места, где был похоронен дедушка. Первое время крест стоял на месте, потом уж и не помню. Но уже после нашего переезда в 1965 г. в Московскую область я, будучи студентом, в 1970 г., ездил в гости к Незнановым, на свою родину, к свекрови и свёкру Серафимы Васильевны. А сын их, Саша, с которым мы однажды на льдине под нашим домом неудачно прокатились во время половодья, тоже приехал, так мы с ним договорились. В это время и Серафима Васильевна приехала в гости с двоюродными моими братьями, Юрой и Володей (жили они тогда уже в Самарканде). Вот мы с тётёй Симой и ходили на могилу к дедушке. На её месте к тому времени ещё оставался маленький зелёный холмик. Эта ли могила, не эта, уже и разобраться трудно было, но в траве я увидел верхнюю часть креста, который сделал отец, почти совсем сгнившую, но узнаваемую. Тогда это даже странным показалось, что так сохранился крест. Да и понятно, пусть и нет дров, но с кладбища на это дело деревянных крестов в те времена не брали.

На этом месте, где лежали остатки креста, мы дедушке и

поклонились. В последний раз.

Но не в последний раз получилось у меня. В июне 1991 г. поехали мы с Незнановым Сашей в Полетаево, на 25-летний юбилей окончания школы. Приехали сначала, конечно, в Красный Куст, где в доме их жила мать Саши, тётя Маруся (Мария Николаевна, в девичестве – Мамонтова), вместе с тётей Клавой, Клавдией Ефимовной Мамонтовой. Той тётей Клавой, что в детстве была приёмным ребёнком в семье дедушкиного брата Михаила (я дальше об этом напишу). Тогда мы вместе с Сашей зашли на кладбище, где похоронены его отец, Филипп Степанович, и сестра, Галя. Попытался и я отыскать хотя бы место, где похоронен дедушка, но всё было уже заселено другими могилами. Походил только по памяти, где-то рядом, я думаю, с дедушкиной могилой, не зарекаясь, что в последний раз.

Глава 6. Чекалин Михаил Васильевич

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!

Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Сергей Есенин. «Пугачёв».

В нашей родне таких полных тёзок, Чекалиных Михаилов Васильевичей, два. Один – это брат моего дедушки Василия, 1982 года рождения, второй – его сын, 1925 года рождения, мой дядя. В этой главе речь пойдёт о брате дедушки Васи. Есть и не полный тёзка, Михаил Васильевич (Выгловский), дядя Зинаиды Сергеевны (см. главу 3 – «Выгловский Василий Петрович»).

Женившись, Михаил Васильевич, дедушкин брат, выделился из их большой семьи в отдельную и поселился в своём новом построенном доме в селе Остроухово, что находится примерно на юг от Львово. В прежней семье Василия Ивановича остались младший сын Василий и три дочери, Василиса, Мария и Федосья. Первая жена Чекалина Михаила Васильевича умерла, осталась дочь, которую звали Мариша (если по метрикам или паспорту – Марина). Вторая жена Михаила Васильевича тоже оказалась Маришей. Она была родной тёткой Мамонтовой Клавдии Ефимовны, которая жила в Красном Кусте у брата Незнанова Филиппа Степановича, Александра Степановича. А здесь немного подробнее расскажу о

событиях в этой семье.

В полтора года Клавдия осталась сиротой, её содержала и воспитывала эта тётя Мариша. Когда Михаил и Мариша поженились, то и взяли Клавдию в свою семью на обеспечение и воспитание. От второй жены родились дочери Александра и Мария (как их потом называли у нас в семье: Шура и Маруся Остроуховские, по месту их жительства, в Остроухово, которое находилось недалеко от места жительства родственников, о которых идёт здесь речь, на юг примерно в 7-8 километрах от Львово). После рождения Шуры и Маруси и гибели летом 1921 года её мужа, Михаила, мачеха стала плохо относиться к своей тёзке-падчерице Марише. Тут уж за дело взялись бабушка с бабушкой (Чекалины). Они и посватали Маришу за бабушкиного брата Степана Ивановича. Я в Москве встречался с их дочерью, Анной Степановной. С бабушкой Верой, когда она была у нас в Москве, кажется, что в 1979 г., осенью, мы ездили к ней в гости, в Коломенское. Тогда мы с Мариной и детьми жили на первом этаже во дворе дома № 76 по улице Пятницкая, во дворе Филиала Малого театра, что на улице Ордынка. С Анной Степановной, а также и с бабушкиной сестрой Евдокией Ивановной, которая жила в то время в Нагатино, общалась в своё время и тётя Тоня (Антонина Васильевна).

Летом же 1921 года Василий Иванович, распорядился отправить дочерей Марию и Федосью в семью Михаила, расстрелянного большевиками, с целью помощи в жизни и ра-

боте на выделенных положенных им десятинах (как раньше называлось – наделе). При нём осталась семья младшего сына Василия (тогда в этой семье было только три человека – Василий, Вера и их дочь Антонина полутора лет) и дочь Василиса.

Вот эти все описания, которые здесь приведены, вряд ли имеют значение для Михаила Васильевича, чьим именем названа эта глава. Конечно, какие-то параллели провести можно, но очень уж они не параллельные.

По дедушкиной родне все старожилы, но вот Михаил Васильевич дожил только до сорока лет, даже и не сорока, а немного меньше того. А в основном эта глава будет касаться нашей государственной истории, событий, которые проходили в период 1918-1921 гг. в местах, где жили наши родственники.

Когда мне удалось почитать уголовное дело, заведённое в 1932 г. на моего дедушку, Василия Васильевича Чекалина, я обратил внимание на то, что дедушка назвал своего брата Михаила «шпионом банды Антонова», и ещё, что он был «выслан» во время ликвидации банды Антонова. Мои розыски (запросы в архивные отделы) в подтверждение этих слов ничего не дали. Не было такого шпиона, человека с таким именем, да и семью с такой фамилией, не высылали, она и после этих событий проживала в той же деревне Остроухово. Может быть, и были, и наверняка были. Как же без этого в таких мощных военных действиях? Но не из нашего

рода. Михаил Васильевич был убит карательными большевистскими войсками как заложник летом 1921 г. Просто потом, спустя некоторое время, надо было как-то юридически оправдать перед общественностью, не перед своим народом (перед своим народом наши правители никогда не оправдывались и не извинялись, какие бы события ни происходили; большевистская и советская власть всегда была безоговорочно права), а перед мировой общественностью, преступления против тамбовских крестьян во время их восстания. А так, всех заложников, которых расстреляли, объявили позже «антоновскими шпионами и пособниками» – и никаких оправданий не нужно. Причём, как говорили родственники расстрелянных, называть их шпионами и бандитами просто приказали. Мог бы и свой народ возникнуть, родственники, например, потребовать реабилитации. Но это только теоретически, а практически, после всех событий, на такое вряд ли кто мог решиться, ведь это грозило репрессиями, возможно, что и расстрелом. Мой отец говорил, что им, в их в семье и родне, сказали: надо говорить про то, что Михаил был пособником банды Антонова, шпионом. Так и говорили, да, кажется, потом и думали в последующих поколениях. Так дедушка Вася (даже из первого поколения) сказал и на допросе в 1932 году (ему-то куда было деваться?). Но напрасно.

Теперь о моих розысках. Вряд ли сохранились какие-нибудь документы о количестве убитых заложников, тем более – их фамилий. Позже маршал М.Н.Тухачевский в своём до-

кладе об успехах подавления мятежа скажет, что *по неполным сведениям* число убитых заложников составило 254 человека. Скорее всего, это не так, поскольку в каком-то из документов, кажется, что в докладе В.А.Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) от 20 июля 1921 г., называется цифра порядка 3500 заложников-одиночек. Были ещё и не одиночки, а семьи-заложники, число которых в этом докладе указывается более 900. Ведь на территории Тамбовской губернии, в 1920-21 гг., во время расцвета, так называемой, «антоновщины» создали двенадцать концентрационных лагерей. Два из них находились непосредственно в Тамбове, а другие – рассеянно по всей губернии. Так что, дорогой Михаил Николаевич, 254 убитых заложника, которых Вы назвали – весьма и весьма неполные сведения. Солгали Вы, Михаил Николаевич, не сморгнувши.

То, что Тухачевский солгал – это обычное дело для того большевистского времени, времени «красного террора» (да и последующего, «классового террора» – тоже). Называется и публикуется в официальных изданиях некоторое число расстрелянных за контрреволюционную деятельность, а на самом деле это число в десятки раз больше.

О Тамбовском восстании имеется много публикаций и исследований. Из всех, что мне удалось найти, наиболее полным исследованием, на мой взгляд, является труд Владимира Васильевича Самошкина «Хроника Антоновского восстания». Материал из этой книги часто цитируется и другими

писателями и исследователями. Кроме этого, большой интерес представляет собой и книга Бориса Владимировича Сеникова «Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1923-1933 гг.», выпущенная в Москве в издательстве «Посев» в 2004 году. И ещё одна, я её пока не читал, но, думаю, судя по тому, кто её написал (можно убедиться в этом, посмотрев произведения Николая Тюринна на серверах ПРОЗА.РУ и СТИХИ.РУ), что и она будет весьма интересной и исторически правдивой: это недавно (в начале 2020 года) выпущенная в свет книга Н.Тюринна «Антонов. Последний пожар». И ещё одна весьма полезная информация: статья в «Вестнике архивиста» № 3 за 2019 год, О.В.Безая и В.Б.Безгина «Социальный облик и участь крестьянских повстанцев 1920-1921 гг.», написанная по материалам фондов Государственного архива Тамбовской области...

Теперь – о событиях. 20 февраля 1920 г. президиум Борисоглебского уездного исполкома направил во ВЦИК и в ЦК РКП(б) доклад о безобразиях в деятельности продотряда под руководством Якова Марголина, который, продотряд, занимался вопросами подразвёрстки. В этом докладе указывалось, что Марголин прибегает «к бесчеловечным репрессиям, напоминающим времена средневековья». Сами, в Борисоглебске и Тамбове, не смогли с ним справиться, поскольку Якова Марголина и его действия поддерживал сам тамбовский губпродкомиссар Яков Гольдин, которого, в свою очередь, тоже поддерживал председатель Тамбовского губис-

полкома, известный в истории нашего государства большевистский деятель, Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. После этого Марголина арестовали, но довольно скоро отпустили, благодаря тем же тамбовским продкомиссару и председателю губисполкома. За арестованного Марголина заступался перед самим Лениным и наш знаменитый писатель Максим Горький, откровенно, как говорят, ненавидевший крестьян. Впрочем, как и сам Ленин. В первой нашей Конституции 1918 года, подготовленной не без участия Ленина, было узаконено, что один голос рабочего приравнивается к пяти крестьянским голосам. Что же там говорить о другом?

А вот почему и пролетарский писатель М.Горький откровенно ненавидел крестьян. Это явно следует из его очерка «В.И.Ленин»:

«Мне отвратительно памятен такой факт: в 1919 году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился, и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков, Это было сделано не по силе нужды, – уборные дворца оставались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было

выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это тёмное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное».

Конечно, «не судите, да не судимы будете». Но этот осуждающий крестьян пролетарский писатель сам имел весьма отвратительную подлую душонку, которая явно выпучилась после группового посещения видными деятелями политики, искусства и культуры строительства заключенными канала имени Москвы (сначала – имени Сталина). Как он хлопал в ладоши: «Ах, как это хорошо! Такое перевоспитание!»

Максим Горький рассказывал на слете, что с 1928 года наблюдает, как ОГПУ «перевоспитывает людей». Писатель нахваливал ОГПУ за это «великое дело», а каналоармейцев – за то, что «дали стране Беломорско-Балтийский канал». А вот и его «хвалебный гимн» этому строительству, на котором погибло 22000 человек:

«Перевоспитав себя в труде, вы дали стране отличных, квалифицированных работников, которые будут заняты на других стройках. Я чувствую себя счастливым человеком, что дожился до такого момента, когда могу говорить о таких вещах и чувствовать, что это правда... Я поздравляю работников ОГПУ с их удивительной работой, я поздравляю нашу мудрую партию и ее руководителя – желез-

ного человека товарища Сталина».

А как ещё раньше этот пролетарский писатель оправдывал «красный террор» в своей статье «О русском крестьянстве»:

«Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа».

Вот так, сами, мол, и виноваты в этих кровопролитиях.

При всей ненависти у Ленина к крестьянам весьма интересна широко известная и рекламируемая в советское время картина русского и советского художника В.А.Серова (другой Серов, не Валентин, который написал «Девочку с персиками») «Ходоки у Ленина», написанная в начале 50-х годов. Это понятно, поскольку, как определял такое в своё время писатель Владимир Войнович – «монументальная пропаганда». Здесь не монумент, а картина, поэтому можно сказать – «монументальное художество». Своё «монументальное художество» Серов продолжил и в последующее время: он написал большое полотно «Сталин на II съезде РСДРП». На нём изображены Сталин (рядом с Лениным), Дзержинский и Свердлов. Всё бы ничего, но Сталин-то не был на этом съезде. После смерти Сталина Серова попросили поправить эту историческую «правду», про которую сам Сталин скромно смолчал.

Я уж, заодно, добавлю ещё о том же «монументальном» искусстве. Художника И.И.Бродского попросили написать картину о расстреле 26 бакинских комиссаров. Что он и сделал. Но сделал это он только по просьбе властей, а на самом деле эти комиссары не были расстреляны, им всем срубил головы палач-турок. Но для пропаганды это было чем-то несерьёзным, поэтому для «монументального художества» более подходил расстрел, хотя бы это и не историческая правда. Ложь во спасение...

В своём дневнике, рассказывая о массовых расстрелах казачков в 1917-1919 гг., учительница станицы Михайловская Ситникова Мария Ивановна, записала:

«Кстати, Яков Григорьевич Голдин со своим помощником Яковом Иделевичем Марголиным так натренировались в Хопёрском округе, что в следующем, 1920 году, в той же связке, но уже на губернском уровне, довели Тамбовских крестьян до восстания. А вот резал восставших крестьян Тамбовщины товарищ Герман, ставший к тому времени председателем губчека и сменившим фамилию на Антонова».

Здесь имеется в виду – Антонов-Овсеенко.

Но и этого Антонова-Овсеенко настигла справедливая кара. 10 февраля 1938 года он был, несмотря на его большевистские заслуги, расстрелян. Расстрелян за другие какие-то контрреволюционные «заслуги». Но это были уже извест-

ные «изгибы» истории нашего государства, уже времён Сталинского руководства, которые много невообразимо плохо сделали для нашей страны и народа...

Может быть, зря возводили напраслину на этого названного выше боевого продотрядчика? Судите сами. Продотряд Марголина забирал весь хлеб, ничего не оставляя хозяйству. Про его «фуражировку» писали, что не оставляли «ни овцы, ни курицы». Если нечего было забирать, то начиналась поголовная порка крестьян, «по всем правилам искусства Николая Кровавого» (так было написано в докладе). В качестве устрашений применялась имитация расстрела (стрельба поверх головы), подпаливание бороды, во время мороза в валенки крестьянам наливалась вода, и владелец их выстаивал на морозе. Нагишом в мороз закрывали в холодном сарае, а то и подвешивали за ноги и опускали головой в колодезь. Вот подлинные слова Якова Марголина, вошедшие в историю продрозвёрстки на Тамбовщине:

«Я вам, мерзавцы, принёс смерть. Смотрите, у каждого из моих продармейцев сто двадцать свинцовых смертей для вас, негодяев!»

В своём рассказе «Эго» А.И.Солженицын привёл и свои изыскания по тому же вопросу – тамбовского восстания крестьян. Как известно, слухами Александр Исаевич никогда не пользовался, во всяком случае, он не приводил какую-либо

не проверенную им досконально информацию. Вот о каких событиях говорится в указанном рассказе (сохранена орфография автора цитаты).

«Тамбов, окружённый хлебородной губернией, не знал в эти годы полного голода, но стыла зимами опасная нужда и требовала от людей отдавать все силы ума и души – бытовой изворотливости. И крестьянский раздольный мир вокруг Тамбова стал разрушаться безжалостно вгоняемыми клиньями сперва заградотрядов (отбиравших у крестьян зерно и продукты просто при перевозе по дорогам), продотрядов и отрядов по ловле дезертиров. Вход такого отряда в замеришюю от страха деревню всегда означал неминуемые расстрелы хоть нескольких крестьян, хоть одного-двух, в науку всей деревне. (Могли и с крыльца волостного правления запустить из пулемёта боевыми патронами очередь наугад.) А всегда и у всех отрядов начинался большой грабёж. Продотряд располагался в деревне постоем и прежде всего требовал кормить самого себя: «Давай барана! Давай гусей! Яиц, масла, молока, хлеба!» (А потом и – полотенца, простыни, сапоги.) Но и этим ещё рады были бы крестьяне отделаться, да только, отгуляв в деревне день-два, продотрядники сгоняли понурый обоз из тех же крестьян с их зерном, мясом, маслом, мёдом, холстами – навывоз, в дар пролетарской власти, никогда не поделившейся с крестьянами ни солью, ни мылом, ни железом. (В иной сельский ма-

газин вдруг присылали шёлковые дамские чулки или лайковые перчатки, или керосиновые лампы без горелок и без керосина.) И так подгребали зерно по амбарам подряд – нередко не оставляли мужикам ни на едево, ни на семена. «Чёрными» звали их крестьяне – то ли от чёрта, то ль от того, что нерусских было много (Солженицын имеет в виду, что в таких отрядах было много евреев, во всяком случае, командовали ими практически во всех случаях – евреи – С.Ч.) Надо всей Тамбовской губернией гремел неистовый губпродкомиссар Гольдин, не считавший человеческих жизней, не меривший людского горя и бабьих слёз, страшный и для своих продотрядников. Не многим мягче его был и борисоглебский уездный продкомиссар Альперович. (Достойными кличками власть окрещала и сама себя: ещё существовал и начпогуб Вейднер – даже Эктон (герой рассказа – С.Ч.) долго не мог возникнуть, что это страшное слово значило: начальник политического отдела губернии.)»

Как известно, в 1920 году случилась сильная засуха, но величину продразвёрстки для крестьян не уменьшили. 27 сентября В.И. Ленин запросил заместителя наркомпрода Брюханова: «Верна ли развёрстка в одиннадцать с половиной миллионов пудов для Тамбовской губернии? Не скостить ли?»

Не скостили, а зря. Поскольку уже начались большие крестьянские волнения, ещё примерно за месяц до этого запроса. Хотя предшествующие волнения крестьян под руко-

водством левых и правых эсеров с лета 1918 г. и были, но они не носили такого мощного характера, да и не вызывали особого беспокойства со стороны Кремля. Вообще говоря, война большевистского государства с крестьянами началась ещё весной 1918 года, с «похода в деревню». С этого времени и начались волнения крестьян. По данным чекиста М.И.Лациса в 1918-1919 гг. зарегистрировано 344 крестьянских восстания (погибло порядка 1200 советских работников). К концу 1918 года восстания отмечались на значительной территории России, в губерниях Ярославской и Костромской, Тульской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской, Владимирской, Казанской и Витебской, Тверской и Смоленской.

Я приведу информацию о состоянии дел по подразвёрстке на Тамбовщине и прилегающих к ней губерниях из книги С.П.Мельгунова «Красный террор в России 1918-1923».

«Вот один красочный документ, подводящий как бы итоги того, что делалось в Тамбовской губернии. Это было до так называемого антоновского восстания, охватившего огромный район и явившегося скорее ответом на то, что делали большевики во имя «классового террора» с деревней. Документ относится к концу 1919 года. Это записка, поданная в Совет Народных Комиссаров группой социалистов-революционеров. Дело идет о подавлении «беспорядков» в ноябре 1919 г. Поводы для восстания были разные: мобили-

зация, реквизиция скота, учёт церковного имущества и т.д. Вспыхнув в одной, они быстро, как зараза, распространились по другим волостям и, наконец, охватили целые уезды.

«Советская власть двинула на места десятки карательных отрядов, и вот весьма краткий перечень фактов из их кровавой деятельности, перед которыми бледнеют ужасы, творимые когда-то в тех же местах царским опричником Луженовским: В Спасском уезде, во всех волостях, где только появлялись карательные отряды, шла самая безобразная, безразборная порка крестьян. По сёлам много расстрелянных. На площади города Спасска публично, при обязательном присутствии граждан-односельчан, было расстреляно десять крестьян вместе со священником, причём телеги для уборки трупов должны были предоставить граждане-односельчане. Расстрелянных за Спасской тюрьмой 30 человек заставили перед смертью вырыть себе одну общую могилу. В Кирсановском уезде усмирители в своей безумной жестокости дошли до того, что запирали на несколько дней арестованных в один хлев с голодным экономическим хряком; подвергшиеся таким пыткам сходили с ума. Председатель Нащёкинского Комитета Бедноты продолжал расстреливать самолично уже после отъезда карательного отряда. В Моршанском уезде сотни расстрелянных и тысячи пострадавших. Некоторые сёла, как, например, Ракша, почти уничтожены орудийными снарядами. Имущество крестьян не только разграбилось, но и сжига-

лось вместе с запасами семян и хлеба. Особенно пострадал Пичаевский район, где сжигали десятый двор, причём женщины и дети выгонялись в лес. Село Перкино участия в восстании не принимало, однако там в это же время переизбрали совет. Отряд из Тамбова весь новый состав совета расстрелял. Из Островской волости в Моршанскую тюрьму доставлено 15 крестьян совершенно изуверенными усмирителями. В этой же тюрьме содержится женщина, у которой выдраны волосы на голове. Случаи насилия над женщинами надо считать десятками. На кладбище города Моршанска израненные армейцами 8 крестьян (Марков, Сучков, Костяев, Кузьмин и др.) были полуживыми зарыты в могилу. Особенно отличились по Моршанскому уезду следующие усмирители: начальник отряда Чуфурин, «коммунист», Чумикин (бывший уголовник), Парфенов (освобождённый из ссылки по ходатайству на Высочайшее имя), Соколов, бывший фельдфебель и ряд других. В Тамбовском уезде многие села почти уничтожены пожаром и орудийными снарядами. Масса расстрелянных. Особенно пострадали сёла Пахотный Угол, Знаменка, Кариан, Бондари, Лаврово, Покровское-Марфино и др. В Бондарях расстрелян весь причт за то, что по требованию крестьян отслужил молебен после свержения местного совета. В Кариане вместе с другими арестованными по делу восстания был расстрелян член 1-й Государственной Думы О.К.Бочаров. С какой вдумчивостью и серьезностью отнеслась губернская власть к усмирению

можно видеть из того, что во главе одного отряда стоял 16-летний мальчишка Лебский, а Председателем Районной Чрезвычайной Комиссии Тамбовского уезда состоял и до сих пор состоит А.С.Клишков, бывший крупный купец с. Токарёвки, злостный банкрот, до Октябрьской революции занимавшийся спекуляцией, круглый невежда, взяточник и пьяница. В его руках находилась жизнь арестованных и он расстреливал направо и налево. Кроме «специальных» карательных отрядов практиковалась также посылка на боевое крещение коммунистических ячеек, и эти хулиганские банды устраивали по сёлам настоящие оргии: пьянствовали, занимались грабежом и поджогами, претворяя таким образом великий принцип «Братства, Равенства и Свободы» в ужас татарского нашествия. Необходимо также отметить кровавую работу латышских отрядов, оставивших после себя долгую кошмарную память. В настоящее время тюрьмы и подвалы чрезвычайек переполнены. Число арестованных по губернии нужно считать тысячами. Вследствие голода и холода среди них развиваются всякие болезни. Участь большей половины арестованных ясна – они будут расстреляны, если у власти останутся те же комиссары и чрезвычайные комиссии».

Восстания, свидетельствует записка, были также в Козловском, Усманском и Борисоглебском и остальных уездах Тамбовской губернии, причём относительно усмирения

Шацкого уезда очевидцы говорят, что он буквально залит кровью».

Несколько слов следует сказать об упомянутом выше Лужановском. Гавриил Николаевич Лужановский (1871-1906) уроженец Тамбовской губернии, происходил из дворянской семьи. В годы аграрных беспорядков в Тамбовской и Саратовской губерниях (в период войны с Японией и первой русской революции 1905 года) вместе с отрядом солдат усмирлял бунтовщиков. Он прославился в этом «усмирении» порками крестьян. В частности, и в Борисоглебском уезде, где проживали и наши родственники. За это тамбовские эсеры приговорили его к смертной казни, которую осуществила 16 января 1906 года известная эсерка Мария Спиридонова. Он был смертельно ранен пятью выстрелами. Скончался через 25 дней.

Подготовкой к выступлению крестьян Тамбовской губернии послужил «съезд ста» (33-х белых офицеров и 67-и крестьянских вожаков), который состоялся в деревне Синие Кусты Борисоглебского уезда. Было создано три Повстанческих армии (ПА).

1-я ПА содержала 17 полков (10 тыс. человек), названных по месту базирования (Савальский, Борисоглебский, Каменский и т.п.), со штабом в селе Каменка (командующий – артиллерийский полковник А.В.Богуславский). А.В.Богуслав-

ский (настоящее имя – Александр Васильевич Чекалов), помещик одного из имений в Ярославской губернии, участник Первой мировой войны, прозванный Богословским (иногда именовался как Богуславский, а то и Богослов).

2-я ПА состояла из 8 полков (8 тыс. человек) со штабом в селе Кибяки Кирсановского уезда (командующий – поручик П.М.Токмаков, начальник штаба – А.С.Антонов).

3-я ПА – 4 полка (1-й и 2-й Богучарские, Казачий и Хопёрский), называлась «конно-подвижная» (командующий – вахмистр И.С.Колесников). В конной армии насчитывалось пять тысяч казаков, которые отстали во время отступления белых (управлял ими хорунжий П.И.Матыркин). Кроме этого, такое же число привёл в эту армию и сам вахмистр Колесников, да ещё две тысячи самих повстанцев были на конях.

Вместе с тем, по данным В.В.Самошкина («Хроника антоновского восстания»), всего было две повстанческих (партизанских) армии, насчитывающие 14 полков, 10 – в 1-й, и 4 – во 2-й). 2-й армией командовал сам А.С.Антонов, который с 24 августа 1920 года осуществлял и общее руководство всеми повстанческими силами. А по другим исследованиям насчитывался 21 полк.

Таким образом, у повстанцев собралось порядка 35-40 тыс. человек.

Первое вооруженное выступление крестьян произошло в селе Каменка 21 августа 1920 г. Восстание началось 15 августа 1920 года. Главой восстания был георгиевский кавалер,

поручик, командующий Объединённой партизанской армией и председатель Совета трудящегося крестьянства (СТК) Пётр Михайлович Токмаков. Сам он происходил из крестьян, уроженец Тамбовской губернии. (В конце февраля 1921 г., в бою, он получил смертельное ранение. Похоронен тайно своими соратниками. Место его захоронения до сих пор неизвестно. Не было оно известно и его жене, арестованной после гибели Петра Михайловича и допрашиваемой по этому поводу. Но друзья Токмакова не стали говорить его жене о месте захоронения, поскольку опасались, и не без оснований, надругательства над его телом.)

«Антоновщина» уже существовала, хотя официально она была названа так спустя десять дней после событий в селе Каменка и объявления на волостном сходе эсером Григорием Плужниковым о начале восстания против продразверстки и коммунистов, но никак не против советской власти.

К событиям в Каменке поспешил А.С.Антонов с отрядом в 150 сабель. Богословский передал Антонову бразды правления, став при нём сначала главным военным советником, а потом и командующим одной из партизанских армий повстанцев. Большим уважением у повстанцев пользовался Иван Егорович Ишин.

Некоторое время у советской власти было беспокойство и о том, что в сторону Тамбовской губернии направилась армия Нестора Ивановича Махно. Даже выходили общие циркуляры и приказы для М.В.Фрунзе о ликвидации «банды»

Антонова и Нестора Махно. Но потом Махно направился на юг, не решился оказать помощь Антонову.

Впрочем, выделять А.С.Антонова, как предводителя, не совсем правильно. Это с лёгкой руки В.И.Ленина прицепилось название крестьянскому восстанию «антоновщина», очень легко произносится, как и «пугачёвщина». Но ведь не было и нет «разинщины» или «булавинщины». Неудобно для произношения. Вероятно, Ленину удобнее было произносить это слово, оно же без буквы «р».

Тактика действий повстанцев была именно классически партизанской: при приближении крупных сил противника воинские подразделения мгновенно расплылись, а затем, в нужное время, концентрировались в заранее намеченных пунктах.

Военспецы подсказали Антонову выпустить Устав армейской дисциплины. Он и был выпущен под названием «Временный устав наказаний, подсудных армейским судам». Устав состоял из 37 статей (параграфов), в 16-ти из которых за некоторые преступления указывался и расстрел. Количество наказаний было небольшим,

Всего три вида: выговор (в виде нравоучения), наказание плетями (от 8 до 50 плетей, в зависимости от важности содеянного), расстрел.

Выше говорилось о деятельности продотрядов. Вообще говоря, и действия повстанцев были не лучше. Но, в основном, их карательные действия были направлены против

большевиков и коммунистов, а не против простых крестьян.

Даже и не всех партийцев они трогали. Тех, кто был неустойчив и колебался, они привлекали в свои ряды. Известно, что к февралю 1921 г. больше половины деревенских членов РКП(б) Кирсановского уезда оказались в рядах повстанческой армии. (За время этих событий наиболее «мятежными» были Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский уезды.) Большевистские комиссары обязательно убивались, причём погибали от долгой и мучительной смерти. С командирами советских воинских подразделений вели долгий допрос, но потом – расстрел, «лёгкая» смерть. С простыми же рядовыми красноармейцами вели двухдневный цикл бесед «о внутреннем положении», о целях и причинах всенародного восстания против коммунистов-насильников. Если же красноармеец после этого не заявит о своём желании перейти на сторону повстанцев, то его отпускали домой либо в свой полк. При этом даже снабжали его справкой о том, что он находился в антоновском плену, а не дезертировал из части (в те времена, как известно, было очень много дезертиров). Такое отношение к пленным красноармейцам вносило очень нежелательное для власти явление, которое сильно влияло на дисциплину в советских войсках (участились случаи дезертирства, перехода на сторону повстанцев, отказ от выполнения приказов командиров и др.).

В январе 1921 года повстанцы начали мощное наступление: у сёл Верхотурье и Сампур разгромили большевист-

ские кавалерийские части, полностью уничтожили бронепоезд, на участках Поворино-Грязи и Тамбов-Балашов разобрали рельсы, захватили станцию Токарёвка и посёлок Уварово. Это привело к тому, что 27 января 1921 года была создана Комиссия по борьбе с бандитизмом под руководством Ф.Э.Дзержинского (с 20 февраля 1921 года эту Комиссию возглавил заместитель председателя Реввоенсовета Республики Эфраим Маркович Склянский). Через неделю в Тамбовскую губернию выехала Полномочная комиссия под руководством Антонова-Овсеенко, имевшая на руках какие-то особые инструкции, среди которых было и предложение амнистии крестьянам (в первой декаде апреля месяца листовки с таким предложением были распространены по деревням). Однако ответом на эту амнистию был захват посёлка Рассказово. На сторону повстанцев полностью перешёл батальон Красной Армии, имевший 11 пулемётов и одно орудие.

Такое мощное выступление крестьян Тамбовщины привело к некоторым уступкам со стороны государства: в марте месяце состоялся X съезд РКП(б), который принял основные положения новой экономической политики (НЭПа). 21 марта 1921 г. продразвёрстка была заменена продналогом. Подобные вопросы решались и раньше, многие думающие большевики, которые видели, каким образом идёт продразвёрстка и какое настроение самих крестьян, предлагали смягчение поборов с сельского населения, даже и обращались с такими предложениями к Ленину. Но эта замена прод-

развёрстки (70% продовольствия) на продналог (30% продовольствия) произошла, по решению съезда, не во всём государстве. Это положение не относилось к Украине, Сибири и Уралу, поскольку они остались должниками советской власти по продразвёрстке. Только в 1922 году они смогли справиться с этим, но ценой больших давлений со стороны большевистской власти, ценой больших людских потерь. Да и с самим продналогом не все были согласны. В Саратовской губернии, например, было и против этого восстание, которое закончилось расстрелом почти 60-ти повстанцев. А в нашей средней части России антоновцам стало не за что бороться, поэтому и отношение к ним со стороны крестьян изменилось.

Но антоновцы не сдавались. Прежние карательные меры не давали особо существенных результатов, поэтому Кремль решил направить в тамбовские места видного военного спеца, Михаила Николаевича Тухачевского. 26 апреля 1921 г. В.И. Ленин вёл с ним особую беседу (беседа длилась два часа), в ходе которой они, вероятно, обговорили все вопросы, связанные со скорейшим разгромом повстанцев под руководством Антонова. В начале мая месяца Тухачевский появился на Тамбовщине с уже готовой секретной «Инструкцией по искоренению бандитизма». В частности, в этой инструкции указывается следующее:

«Никогда не делать невыполнимых угроз. Раз сделанные

угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца».

Рука В.И.Ленина здесь явно усматривается. Ведь именно в эти годы Ленин готовил некоторые статьи Уголовного кодекса (с начала Революции никаких юридических документов такого вида в Советской России не было, практически только штык да пуля, так называемый «административный расстрел»). Были, как известно, Революционные Военные Трибуналы, о которых весьма полно написал К.Х.Данишевский в книге «Революционные Военные Трибуналы» (М.: 1920). В этой книге он указал следующее:

«Приговор приходится привести в исполнение почти немедленно, чтобы эффект репрессии был как можно сильнее».

И ещё, того же К.Х.Данишевского, о Военных Трибуналах:

«Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы... которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознания коммунистов».

Известно, что большую часть содержания известной статьи 58 Уголовного Кодекса 1926 года (в основном – контрреволюционная деятельность) подготовил В.И.Ленин, на заре своего паралича, в 1922 году.

Для того, чтобы развязать руки карательным органам Полномочная Комиссия ВЦИК сконструировала специальный Приказ *«О начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей»*. Все сёла поделили на советские, нейтральные, бандитские и злобно бандитские. В отношении бандитских и злобно бандитских сёл проводились бандитские и злобно бандитские действия в соответствии с Постановлением № 116 от 23 июня 1921 г. (публикуется дальше).

Впрочем, действия М.Н.Тухачевского по искоренению «бандитизма» на Тамбовщине явились только узаконенным продолжением проводимых ранее местной властью аналогичных репрессий среди деревенского населения (расстрелы, полная реквизиция имущества, расстрелы заложников, уничтожение домов крестьян, полная ликвидация некоторых деревень и др.). Об этом выше приведена цитата из книги С.П.Мельгунова «Красный террор».

Заместителем Тухачевского был назначен И.П.Уборевич, а начальником штаба – Н.Е.Какурин. Поручили это Тухачевскому, исходя, вероятно, из его не очень удавшегося похода в Польшу и успехов в подавлении Кронштадтского мятежа, случившегося накануне. И сказать тут больше ничего нель-

зя, определение «враг народа» правильным оказалось, хотя расстреляли его потом совсем не за то, что к середине 1921 г. он в крови утопил бунтовские настроения тамбовских крестьян. Расстреляли его с придуманной, как и для многих других в сталинское время до Тухачевского и после него формулировкой: «Глава разветвлённого военно-фашистского заговора в РККА».

В состав воинских формирований М.Н.Тухачевского, участвовавших для подавления крестьянского бунта, входила и бригада легендарно известного Г.И.Котовского (1881-1925), а также и 58-й отдельный Нижегородский полк, которым командовал тогда семнадцатилетний А.П.Гайдар (1904-1941), написавший впоследствии много детских книжек. Кроме того, командиром одного из эскадронов был прославленный впоследствии маршал Г.К.Жуков, получивший за успехи в этом деле в 1922 г. свой первый Орден Красной Звезды. (Заметим, что такие ордена давали тогда только за отличительные боевые успехи на фронте. Борьба же с «тамбовскими повстанцами» указанным фронтом не была, поэтому награждение Жукова этим орденом позже расценивалось правительством, надо думать, как участие в боевых действиях на фронте. Словом, правительство посчитало фронтом борьбу с мятежниками-антоновцами.) В своих воспоминаниях об этом Г.К.Жуков не только прославляет свои победы и успехи, но и говорит, что антоновцы их однажды здорово потрепали. Он имел в виду его схватку практиче-

ски один на один с воронежским повстанческим атаманом Иваном Сергеевичем Колесниковым, воевавшим в это время уже в рядах А.С.Антонова. (Аналогичная борьба в соседней Воронежской губернии потерпела поражение.) Прославляет он и И.П.Уборевича за его воинские способности и победы, которые он совершил, сидя в бронепоезде или бронетранспортёре против вооружённых чем попало повстанцев. Г.К.Жуков только не писал о том, какие телеграммы Тухачевскому отправлял сам Уборевич. Такого, например, содержания:

«Арестовали 1000 человек, 1000 расстреляли»; «Взято 500 человек в плен, все 500 расстреляны».

Вот тебе и твои (извини, пожалуйста, за ты) «всего» 254 убитых заложника, дорогой Михаил Николаевич, по фамилии который Тухачевский, придуманный «глава разветвлённого военно-фашистского заговора»! Упрекну ещё раз. Но это, повторю, те же «изгибы» во внутренней политике нашего государства, которым руководил вождь всех времён и народов товарищ Сталин.

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР № 171 от 11 июня 1921 года

1. Всякого, кто отказывается назвать своё имя, расстреливать на месте.

2. Семьи, в которых может быть спрятано оружие, властью уполномоченного объявлять заложниками и расстреливать на месте.

3. В случае нахождения оружия расстреливать всех на месте.

4. Семья, в доме которой укрывается бандит, вся поголовно подлежит аресту, а имущество их конфискуется. Старший работник в семье расстреливается на месте, а семья высылается.

5. Всякая семья, укрывавшая членов семьи или имущество бандитов, рассматривается сама как бандитская. Старший работник в этой семье расстреливается на месте.

6. Крестьянам, указавшим семью, в которой укрывали бандита, переходит всё имущество этой семьи, а эта семья арестовывается и подлежит высылке. Старший работник этой семьи расстреливается на месте.

7. В случае бегства семьи бандита ей объявляется розыск, а имущество распределяется среди верных советской власти крестьян.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР
А.В. Антонов-Овсеенко

Командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский

Листовки с содержанием этого приказа развешивались по деревням Тамбовщины, а также и по другим губерниям, со-

седним с Тамбовской, в частности, в Воронежской и Саратовской губерниях.

А следом за этим приказом последовало постановление № 116 о проведении карательных мер (зачистки) на территории восставших волостей.

Постановление № 116 от 23 июня 1921 года

В намеченные особо опасные «бандитские» районы Тамбовской губернии, куда выезжает представительство политкомиссии и особого отдела.

Вместе с воинскими частями, предназначенными для зачистки (интернационалисты), по прибытии на место вся данная волость оцепляется войсками и в ней вводится осадное положение. Берутся заложники из числа наиболее видных людей (священники, учителя, фельдшеры и т.д.). Затем собирается волостной сход, на котором зачитываются приказы №№ 130 и 171, а также приговор этой волости. Всем её жителям даётся два часа на выдачу оружия, скрывающихся бандитов и их семей. Всё население волости ставится в известность, что в случае отказа в выдаче все заложники будут расстреляны. Если через два часа не будет выдано оружие и все те, о ком идёт речь, то опять, повторно собирается сход и на глазах его участников производится расстрел заложников. И всё начинается с начала и так до тех пор, пока не будут выданы все, о ком идёт речь. Все оставшиеся пропускаются через расспросные комиссии. За

отказ дать ей сведения – расстрел на месте. В это время всякий въезд и выезд в волости запрещён.

*Председатель Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР
А.В.Антонов-Овсеенко*

Командующий войсками Тамбовской губернии М.Н.Тухачевский

Очень похожи на драконовский приказ № 24, изданный в августе 1920 г. для подавления подобного вооружённого восстания на Урале:

1. Арестовывать и направлять в распоряжение Губчека для заключения в концентрационный лагерь до пятидесяти человек с каждого уезда наиболее видных контрреволюционеров из числа пользующихся в антисоветских кругах особенной популярностью, как то: бывших видных земцев, думцев, черносотенцев, духовенства, крупных торговцев, кулаков и т.п.

2. Аресты производить разом в один приём и с таким расчётом, чтобы ни на минуту не парализовалась деятельность советских органов и предприятий.

3. На весь элемент, который будет предназначен к аресту, собрать предварительный материал, после же ареста предъявить соответствующее обвинение и дать на месте заключение.

4. В случае покровительства при аресте сограждан раз-

вить максимум агитации, указав на то, что главным виновником всех бед, обрушившихся на власть Советов, является именно этот элемент.

Вероятно, это было настолько в порядке вещей, что ещё в середине июля 1919 года в своём Послании чадам Православной церкви Патриарх Тихон писал:

«Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложники берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве как бы в дар любви им и в свидетельство преданности, и в искупление вины злоумышленников, воздвигались целые курганы из тел лиц

Совершенно непричастных к этим покушениям и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались, – но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы – вредный пережиток, где

и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань»...

Были устроены на Тамбовщине концентрационные лагеря на общую численность до 15000 человек на двухнедельный срок для родственников повстанцев. Всего по Тамбовщине, как уже говорилось выше, насчитывалось 12 стационарных концлагерей. Некоторое время даже использовали отдельные концентрационные лагеря для малолетних детей, в которых собралось таковых больше тысячи. Трёхлетних детей содержали даже без матерей. Но тут и «бандиты» стали действовать таким же образом: они нападали на семьи коммунистов, стали даже убивать стариков, детей и матерей в этих семьях. Пришлось вмешиваться центральным органам власти, чтобы не трогали детей крестьян.

Система заложничества была очень распространённой у большевиков. Вот что писал на этот счёт известный С.П.Мельгунов в книге «Красный террор в России 1918-1923», которого я цитировал выше:

«Брали сотнями заложниц – крестьянских жён вместе с детьми во время крестьянских восстаний в Тамбовской губернии: они сидели в разных тюрьмах, в том числе в Москве и Петербурге чуть ли не в течение двух лет. Например, приказ оперштаба тамбовской ЧК 1-го сентября 1920 г. объявлял: «Провести к семьям восставших беспощадный крас-

ный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом и если бандитские выступления будут продолжаться, расстреливать их. Сёла обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и всё имущество».

Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских «Известиях»: 5-го сентября сожжено 5 сёл, 7-го сентября расстреляно более 250 крестьян... В одном Кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921-1922 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в числе их были дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых (без тёплых вещей) полуголых заложников осенью 1921 года свирепствовал сыпной тиф».

30-го ноября 1920 года, как пишет дальше С.П.Мельгунов, появилось «правительственное сообщение» о том, что ряд «белогвардейских организаций задумал совершение террористических актов против руководителей рабоче-крестьянской революции». Поэтому заключенные в тюрьмах, представители различных политических групп, объявлялись заложниками.

На это сообщение откликнулся письмом к Ленину старый анархист П.А.Кропоткин (впрочем, весьма уважаемый Лениным). Он писал:

«Неужели не нашлось среди Вас никого, чтобы напомнить, что такие меры, представляющие возврат к худшему времени средневековья и религиозных войн – недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах... Неужели никто из Вас не вдумался в то, что такое заложник? Это значит, что человек посажен в тюрьму, не как в наказание за какое-нибудь преступление, что его держат в тюрьме, чтобы угрожать его смертью своим противникам. «Убьёте одного из наших, мы убьём столько-то из Ваших». Но разве это не всё равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить его назад в тюрьму, говоря: «Погодите», «Не сегодня». Неужели Ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки для заключенных и их родных...»

Сохранился случайно в архивах того времени список 23-х расстрелянных детей (мальчиков) в возрасте 13-16 лет, многие – с указанием фамилии, имени и отчества, местности их проживания. Он есть в Интернете и в историческом архиве, но я приведу его и здесь, в этих записках. (Этот список был найден после событий при разборке одного из сараев, а потом и передан в архив.)

В возрасте 13-ти лет (два человека): Кирилов Тимофей Васильевич (Нечаевская волость), Лапунов Ефим (село Спасское).

В возрасте 14-ти лет (три человека): Воинов Алексей Николаевич (село Алексеевка), Воскресенский Леон Семёнович (деревня Буровка), Стемхов Михаил (деревня Коптево).

В возрасте 15-ти лет (восемь человек): Житенев Фёдор Васильевич, Кочеркин Георгий Васильевич, Мардвиков Владимир Иванович и Рассказов Егор Степанович (из Нечаевской волости), Рассказов Степан Иванович (?), Тетеркин Фёдор Степанович и Шляпин Андрей Егорович (из села Алексеевка), Безуглов Степан (село Спасское).

В возрасте 16-ти лет (десять человек): Беляев Василий Яковлевич, Борисов Архип Иванович, Ивановский Сергей Васильевич и Татушкин Тимофей Павлович (из Нечаевской волости), Сотников Алексей, Сотников Яков и Степанов Алексей (из деревни Коптево), Яковлев Дмитрий (село Спасское), Бескринский Иван Сергеевич (деревня Буровка), Андреев Иван Семёнович (село Алексеевка).

И такое произошло совсем даже не впервые, расстрел таких сравнительно несмышлёных мальчишек. До этого, в 1919 году, во время начала «красного террора», в Москве расстреляли несколько сотен такого же возраста, «контрреволюционеров» 12-16 лет, бойскаутов, членов этой организации. Как полагают исследователи, молодых «контрреволюционеров» убили на Бутовском полигоне. При этом, патронов на них не расходовали, а убивали подручными средствами: дубинками, лопатами, молотками и пр. Когда недавно, в начале массового строительства в Бутово, натолкнулись на

эти захоронения, то гуманная советская власть не решилась рассказать народу, как убивала она этих малолеток. Поэтому и закрыли Бутовский полигон для обозрения.

В том же 1919 году был написан антиутопистом Ефимом Зозулей пророческий «Рассказ об Аке и человечестве». Приведу из него соответствующую цитату:

«...Очумелые люди, с лиц которых стекали слёзы в ведёрки с клейстером, расклеивали эти плакаты.

Их текст был прост, беспощаден и неотвратим. Вот он: «Всем без исключения.

Проверка права на жизнь жителей города производится порайонно, специальными комиссиями в составе трёх членов Коллегии Высшей Решимости. Медицинское и духовное исследование происходит там же. Жители, признанные ненужными для жизни, обязуются уйти из неё в течение двадцати четырёх часов. В течение этого срока разрешается апеллировать. Апелляция в письменной форме передаётся Президиуму Коллегии Высшей Решимости. Ответ следует не позже, чем через три часа. Над ненужными людьми, не могущими по слабости воли или вследствие любви к жизни уйти из неё, приговор Коллегии Высшей Решимости приводят в исполнение их друзья, соседи или специальные вооружённые отряды.

Примечания:

1. Жители города обязаны с полной покорностью под-

чиняться действиям и постановлениям Коллегии Высшей Решимости. На все вопросы должны даваться совершенно правдивые ответы. О каждом ненужном человеке составляется протокол-характеристика.

2. Настоящее постановление будет проведено с неуклонной твёрдостью. Человеческий хлам, мешающий переустройству жизни на началах справедливости и счастья, должен быть безжалостно уничтожен. Настоящее постановление касается всех без исключения граждан – мужчин, женщин, богатых и бедных.

Выезд из города кому бы там ни было во всё время работ по проверке права на жизнь безусловно воспрещён».

Для заложников, членов семей бунтовщиков и просто попавших первыми под руку, в чистом поле огородили место колючей проволокой. В самом Тамбове открытое место-лагерь было организовано на Соборной площади. Такой концентрационный лагерь для заложников – чистое изобретение М.Н.Тухачевского. Вот за эту проволоку, в качестве заложника с весьма короткой жизнью, и попал дедушкин брат, Михаил Васильевич. Случилось это летом 1921 г.

Можно практически достоверно установить дату и примерное время гибели (в 19 часов 27 июня 1921 года) Михаила Васильевича по информации, приведенной В.В.Самошкиным в «Хрониках Антоновского восстания»:

«27 июня по занятии дер. Остроуховка Васильевской волости (Тамбовского уезда – В. С.) организованной пятеркой объявлено населению о сдаче оружия и выдаче бандитов, взято 30 заложников. В 19 часов за неисполнение приказа о сдаче оружия расстреляно 10 заложников. Расстрел произвел на граждан ошеломляющее впечатление. Все крестьяне в один голос заявили, что пойдут всем селом и представят все оружие; немедленно было выдано 5 бандитов. Операция продолжается. Крестьяне проявляют усердие в поисках оружия и бандитов».

Арестованным «долгожителям» в концлагерях не давали пить и есть. Если и кормили, то сырой картошкой и сырыми овощами. Поили через ограду – ковшом на людей лили воду. Пей, как сумеешь. Нет, конечно, подкармливали, и родственников с передачами допускали, но передать ничего невозможно было. Только можно было перебрасывать через ограду. А там – кому достанется. Бабушка Маша, Мария Васильевна, сестра Михаила, о которой я выше уже говорил в главе «Чекалин Василий Иванович», ходила с передачами и рассказывала об этом. Говорила:

– Стон на всю степь стоял. Все вместе, мужики за проволокой, бабы с ребятишками тут, с другой стороны, кричать, плачуть. Ходила я несколько разов, а Михаила-то так и не увидела.

Ходила она из Львово, как говорит, «несколько разов».

Но это было в один и тот же день, 27 июня, со времени занятия Остроуховки большевистскими карательными войсками и до 19 часов вечера. Вряд ли Михаила и остальных 29 заложников перепроводили за проволоку. Вероятно, их разместили в каком-то помещении непосредственно в деревне.

Да она и не могла его увидеть, поскольку, вероятно, он больше двух-четырёх часов после ареста и не жил. Ведь Михаил Васильевич был из числа уважаемых людей деревни Остроухово, поэтому и попал в заложники с короткой жизнью – был расстрелян в день ареста (в 19 часов 27 июня 1921 года).

Среди арестованных «долгожителей» – тиф, дизентерия. Мёртвых не убирали, говорили, что всё равно, кто «в проволоках» – никому не жить. Заложников расстреливали и заменяли новыми. Никто из заложников и не вернулся. Позже, я думаю, для оправдания такого массового убийства мужчин, всех заложников и обвинили за сотрудничество с Антоновым. Вот наш Михаил и стал этим «шпионом банды Антонова». То, что он не был шпионом, говорит тот факт, что, судя по приведённым документам репрессивного характера, семью Михаила Васильевича не тронули. В противном случае у неё конфисковали бы имущество, а самих сослали бы в концентрационный лагерь в Сибирь. Но этого не произошло.

Данные о количестве погибших до сих пор не обнародованы. Но вот сообщается, например, что в зажиточном селе Паревка Кирсановского уезда в июне 1921 г. было убито в ка-

честве заложников 86 (по другим сведениям – 126) женщин, стариков и детей. И ещё некоторые факты. Был один «деловой-войка», командир 1-го кавалерийского полка Н.Переверденцев, который получил кличку «Жжёный», поскольку для наказания повстанцев он приказывал дотла сжигать тамбовские деревни. И про прославленного Котовского в некоторых публикациях пишут вот что. Он перед завтраком любил «нагулять аппетит». Расставляли крестьян в шахматном порядке и наш командир на коне, на полном скаку, рубил повстанцев. (Этот большевистский разбойник и бандит тоже потом «славно» погиб, был убит 6 августа 1925 года; до сих пор имя убийцы засекречено, считается, что это было первое политическое заказное убийство в большевистской стране.) Этому, последнему, тому, что Котовский подобным образом «нагуливал» аппетит, можно верить, а можно и не верить. Я, например, верю этому. Да и как не верить, если губпродкомиссар Яков Гольдин говорил (эти-то его слова известны в истории, топором не вырубишь):

«Для расстрела нам не надо никаких доказательств и допросов, а также подозрений и уж конечно никому не нужного, глупого делопроизводства. Мы находим нужным расстрелять и расстреливаем».

Получилось у военспецов практически безвыходное положение, что и отмечал М.Н.Тухачевский:

«Без расстрелов ничего не получается. Расстрелы в одном селении на другое не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера».

По советским данным число погибших крестьян в Тамбовской губернии составляет порядка 110 тысяч человек. По предположениям исследователей тамбовского восстания число погибших приближается к четверти миллиона. Если ориентироваться на число погибших со стороны большевиков (порядка 15 тысяч человек), то соотношение к погибшим крестьянам составляет 1:10. Таким образом, если число погибших повстанцев в боях с регулярными войсками такое же, порядка 15 тысяч человек, то 90% в числе других погибших крестьян составляют люди, не державшие оружия, не стрелявшие по советским войскам, то есть в эти 90% входили и старики, и женщины, и дети, да и не воевавшее мужское население.

Приведу воспоминания о тех событиях, которые мне прислала на сервер ПРОЗА.РУ в рецензии на моё произведение «Юбилей, который...» Асадова Ольга из Мытищ. Это не её воспоминания, а рассказ живой свидетельницы тех событий:

«В 2000 году я работала в детском клубе на Дружбе Мытищинского района. К нам на кружок рисования мальчика водила пожилая женщина, ей тогда было уже за девяносто

лет. В одном разговоре она коснулась своего детства. Она с тамбовщины родом, там погибла вся её семья. Рассказывала страшные вещи, я до сих пор помню этот с ней разговор. Так как Вы написали такую подробную статью о тех событиях, думаю, Вам интересны все факты с ними связанные. А тут женщина очевидец и я решила вам сообщить её рассказ. Он был не эмоциональный, Тамара Фёдоровна была скупа на фразы. Говорит, что солдаты Тухачевского расстреляли всё мужское население их деревни. В их семье были расстреляны все мужчины, включая восьмилетнего брата. Мать сошла с ума, её потом нашли мертвую в болоте. Осталась она с десятилетней сестрой, сильно голодали, самой было тогда четыре года. Помнит, как на поле раскапывали мышиные норы, там на зиму зверьки собирали запасы из семян и зернышек хлеба, они доставали эти семена и ели, а если везло, то и самих зверьков мышей и крыс, ели в сыром виде. Сестренка умерла от голода, а Тамара Фёдоровна выжила благодаря тому, что люди, которых поселили в их избе, её на улицу не выгнали. В общем, рассказывала чудовищные вещи, я о таком тогда слышала впервые, и на меня это произвело сильное впечатление. Теперь, читая Вашу вещь, обо всём этом вспомнила и ещё раз ужаснулась».

Я отправил эти воспоминания в Тамбовскую область краеведу Зайцевой Маргарите Юрьевне, которая в настоящее время занимается историей Антоновского движения. Она

очень благодарила за эту информацию, но попросила узнать дополнительно фамилию рассказчицы, деревню, в которой она жила, другое, что касается этих событий.

Рассказчица, Тамара Фёдоровна, вероятно, уже умерла, поскольку она примерно с 1916-17 года рождения. Но Ольга Асадова назвала её фамилию по мужу – Кольцова, что у неё был сын, геолог, тоже, думаю, Кольцов, ещё две дочки, и всего семь внуков. Сейчас я отправил письмо в Мытищинский Совет ветеранов в надежде, что в нём сохранились какие-то данные о Тамаре Фёдоровне, так как она приходила примерно в 2006 году в этот Совет по каким-то вопросам (это был как раз год его открытия). Надеюсь получить ответ.

Указанные действия большевистских властей последовали после выхода в свет упомянутого выше приказа № 171 от 11 июня 1921 г. А вслед за ним, 12 июня, вышел и другой приказ (№ 0116), М.Н.Тухачевского, о применении в лесах против восставших химического оружия (в основном – по лесным и заболоченным местам реки Ворона и Савалья, где прятались повстанцы):

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых га-

зов распространялось полностью по всему лесу, уничтожив всё, что там пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский

Начальник штаба войск Генштаба Какурин

Немного позже Михаил Николаевич всполошно опомнился и добавил ещё один пункт к этому приказу:

5. Во всех операциях с применением удушливого газа надлежит провести исчерпывающие мероприятия по спасению находящегося в сфере действия газов скота.

Исследователь Давид Фельдман в 1989 году написал, что на применении химического оружия очень настаивал и поддерживал это мероприятие В.А. Антонов-Овсеенко, руководитель Полномочной комиссии ВЦИКа.

«Усмирили» крестьян к середине 1921 г., но самого Антонова, оставшегося в живых руководителя восстания, смогли уничтожить только 24 июня 1922 г. А.С. Антонов погиб вместе со своим братом Дмитрием в неравном бою с чеки-

стами в селе Нижний Шибрйяй Борисоглебского уезда. Убитых Антоновых привезли в Тамбов и выставили на пять суток на центральной площади для всеобщего обозрения.

Как следует из приказа № 0116, для подавления восстания Тухачевский приказал использовать отравляющий газ, что, несомненно, было санкционировано Москвой. Тогда запрещения на такие действия не было. Но отравляющий газ использовали только в лесной зоне Воронежской губернии, где скрывались отступившие восставшие, выше я уже указывал, что повстанцы скрывались в лесных и заболоченных местах рек Савала и Ворона. Это немного севернее и к западу от тех мест, о которых я рассказываю. Видно, что обычными воинскими средствами и способами эти тухачевские, уборовичи и какурины, а вместе с ними и «легендарные» Котовский с Гайдаром и не менее «легендарные» антоновы-овсеенки не могли победить восставший народ. Некоторые исследователи этих событий говорят, что отравляющий газ против повстанцев не применялся, что это только для запугивания. Но это не так, поскольку в архивах сохранилась переписка о применении газа, о расходах снарядов с химическим веществом, а также и обычных артиллерийских снарядов, которыми обстреливались войска повстанцев и деревни. Следует иметь в виду, что существуют и многие свидетельские показания на этот счёт. Да и изрядно «запугали», если только у деревни Пахотный Угол, по лесным массивам, отравлено газом порядка 7000 человек, в число которых входили и ста-

рики, и дети, и женщины. Вот как это «запугивание» описывают свидетели, попавшие в эти места после проведения газовой атаки:

«Войдя в лес, мы заметили, что листва и трава имеют какой-то красноватый оттенок, мы никогда такого не видели... кругом лежали трупы людей, лошадей, коров в страшных позах, некоторые висели на кустах, другие лежали на траве, с набитым землёю ртом, и все в очень неестественных позах. Ни пулевых, ни колотых ран на их телах не было. Один мужчина стоял, обхватив руками дерево. Кроме взрослых, среди трупов были дети».

Впрочем, попытки применения отравляющих газов были и до этого. Вот что пишет о похожих сибирских событиях Гражданской войны Леонид Юзефович в книге «Зимняя дорога. Генерал А.Н.Пепеляев и анархист И.Я.Строд в Якутии 1922-1923»:

«Весной 1919 года Пепеляев продолжил наступление: в июне Сибирская армия вступила в Вятскую губернию и после шестидневных боёв заняла город Глазов. Реввоенсовет «Восточного фронта борьбы с мировой контрреволюцией» счёл положение настолько угрожающим, что первый и последний раз за всё время Гражданской войны, не считая позднейшей борьбы с повстанцами Антонова на Тамбовщи-

не, решено было применить против белых отравляющие газы. В Вятку доставили иприт, но он так и остался заперттым в железных бочках – Пепеляев отступил».

Задачей А.Н.Пепеляева было освобождение народа Севера от подобных поборов после Октябрьской революции. Но только не хлеба, а мяса и пушнины. Большевики применяли и там похожую на тамбовскую тактику бандитизма.

Отравляющий газ в боевых действиях использовали обе воюющие стороны. Об этом можно посмотреть в Интернете (мятеж в Ярославле, Ижевске и Вотчинске в августе-декабре 1918 г., в Крыму в 1919 г., в 1920-21 гг. – в Дагестане и др.)...

Александр Степанович Антонов родился в Москве 26 июля (7 августа) 1889 г. в семье Тамбовского мещанина, запасного фельдфебеля Степана Гавриловича Антонова (1855-1919), женой которого была портниха-модистка Соколова Наталья Ивановна (1867-1907). Крещён 30 июля 1889 г. в церкви Сергия Радонежского в Рогожской слободе.

Примерно с 1890-х гг. семья проживала в Кирсанове Тамбовской губернии, где Александр окончил трёхклассное училище.

С 1906 г. является членом «Тамбовской группы независимых социал-революционеров» при Тамбовском губкоме эсеровской партии. Эта группа занималась экспроприацией для партийных нужд. Известно, что за период действия этой группы не погиб ни один из экспроприруемых.

С 1908 г. является членом боевой поволжской организации в составе Саратовского отделения партии эсеров. В 1909 г. был арестован (выдан по наводке известного провокатора Е.Ф.Азефа) при подготовке покушения на генерала А.Г.Сандецкого, командующего Казанским военным округом. Приговорён к смертной казни, которую П.А.Столыпин заменил на пожизненную каторгу. По полицейским ориентировкам проходил как «Осиновый» и «Румяный». Наказание отбывал в Тамбове и Москве (во Владимирском центре). За двойную попытку к побегу его до 1916 г. содержали в кандалах.

4 марта 1917 г., после Февральской революции, когда произошло отречение царя Николая II от престола, был освобождён по амнистии. Приехал в Тамбов, где работал в должности помощника в милицйских частях, пока к концу 1917 г. его не перевели в Кирсанов начальником уездной милиции.

Работая в этой должности, Антонов выступал защитником крестьян от действий большевистской власти. В феврале 1918 г. был избран в Кирсановский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, награждён почётным революционным оружием, которым он очень дорожил. Сам он никогда не употреблял спиртного и боролся с этим злом в рядах милиции, а в последующем и в руководимых им повстанческих воинских подразделениях.

Среди населения пользовался большим авторитетом, что, совместно с его деятельностью, вызывало большое беспокой-

ство со стороны Кирсановской партийной организации и чекистского руководства, поскольку он относился к эсерам. В августе 1918 г. Антонова обвинили в контрреволюционном мятеже и приговорили к смертной казни (заочно, поскольку Антонов в это время находился в отпуске и отсутствовал на судебном заседании).

Антонов, узнав о решении его руководства, переходит на конспиративное положение и создаёт боевую группу, которая борется против коммунистов, продовольственных и чекистских отрядов. Своё отношение к текущим событиям он определил в своей известной записке в Кирсановское чека:

«В плане борьбы с уголовным элементом я готов оказать помощь новой советской власти, но по идейным соображениям я с вами расхожусь полностью, ибо вы – большевики – довели страну до гибели, нищеты и позора».

А с конца августа 1920 г. уже начались события, которые в истории нашей страны названы «антоновщиной».

Похоронен А.С.Антонов в Тамбове 21 декабря 1922 г. в братской могиле на набережной реки Цны, за Казанским монастырём...

Усмирять недовольных было не впервой. Известны подобные «усмирения» донского казачества, Верхнего Дона, о чём, в своё время, не стал писать Михаил Шолохов в «Тихом Доне», не решился по понятным соображениям. Летом

1919 года без суда и следствия было расстреляно 62 казака из стариков в станице Мигулинская. А потом, в течение шести дней, было расстреляно более 400 казаков в станицах Казанской и Шумилинской. Эти расстрелы и вызвали впоследствии мощное казачье Вешенское восстание, описанное в «Тихом Доне». Шолохов не стал об этом говорить прямо, он только и привёл диалог между старовером и Штокманом. Старовер говорит:

«— Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти и износу не было. Дурастного народу у вас много, через это и восстание получилось.»

— Как надурили? То есть, по-твоему, глупостей наделали? Так? Каких же?»

— Сам небось знаешь... Расстреливали людей. Нынче одного, завтра, глядишь, другого... Кому же антитрес своей очереди ждать?»

Теперь про «дурастый народ у большевиков». 24 января 1919 года единолично Яковом Михайловичем Свердловым, но от имени ЦК, была подписана директива Оргбюро ЦК РКП(б), которая предписывала осуществление жёстких карательных мер при подавлении казачьих восстаний против Советской власти на Дону.

Вот некоторые фрагменты из этой зловещей директивы:

«ЦК постановляет провести массовый террор против белых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью... Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам... Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твёрдость и неуклонно проводить настоящие указания».

На самом деле ЦК ничего не постановлял. Пленум ЦК РК-П(б) 16 марта 1919 года (в день смерти Свердлова) отменил эту ложную январскую директиву. Но было уже поздно – адская машина пущена в ход. Да и как же её можно остановить, если директива исходила от самого Председателя ВЦИК, народом не избранного?

Можно перечислить много различных имён этого «дурастого» и «пламенного» большевика, «чёрного демона революции»: Смирнов, Михаил, Пермяков, товарищ Андрей (таким именем он назвал своего сына, родившегося в 1911 году), Макс и др. Но его подлинной фамилии никто до сих пор не знает. Он сам никогда не называл фамилию своего отца. По не подтверждённым сведениям это могли быть такие фамилии: Гаухман, Свердлин, Эйнман, Розенфельд.

Но родственники Я.М.Свердлова долгое время пользовались привилегиями, которые им предоставляла коммунистическая власть. Когда Меншутины (семья жены Марины) пользовались летом дачей в Заветах Ильича, то там же находилась и родственница Свердлова, которой тоже предоставляли на лето временный домик от государства. Одна из сестёр Свердлова, Софья (ум. в 1951 г.) или Сара (ум. В 1964 г.), была подругой Фанни Каплан, покушавшейся, по версии коммунистов, на Ленина 30 августа 1918 года. Некоторые исследователи биографии «чёрного демона революции» полагают, что это покушение, возможно, организовал сам Яков Свердлов. Сын Якова Свердлова, Андрей, – известный чекист и даже впоследствии писатель детских детективов. Он лично пытал своих друзей, ставших «врагами народа», сам побывал и заключённым, но осведомителем-подсадкой. Об этом имеются мемуары оставшихся в живых, которые побывали у него на допросах. Но похоронен он, как ни странно, на Новодевичьем кладбище. Нет, это-то как раз и не странно, чекист, всё-таки, вероятно, очень заслуженный, странно, что не рядом со своим папашей, у Кремлёвской стены.

Я.М.Свердлов был инициатором расстрела летом 1918 г. царской семьи, по договорённости с Лениным. Это уже известно точно. Он дал прямое устное указание расстрелять всю семью, включая несовершеннолетних детей, а также и нескольких человек из их окружения. Вместе с ними были расстреляны: камер-лакей А.Е.Трупп, повар И.М.Ха-

ритонов, горничная (фрейлина) А.С.Демидова, лейб-медик Е.С.Боткин. Спаслись только двое: камердинер Чемодуров (был болен и находился в больнице) и товарищ по играм с Цесаревичем поварёнок Леонид Седенёв. Да ещё спаслась одна собачка, которая позже была подарена королеве Великобритании, а двух других собачек тоже пристрелили, поскольку они лаяли на убийц.

Впрочем, не только у Свердлова было много кличек. Сам И.В.Сталин именовался как Иванов, Иванович, Коба, Чижиков, Бесошвили, Дугашвили, Салин. Да и у Ленина совсем не одна кликуха.

Усмиряли и раньше, в 1918 г., когда началось восстание крестьян в Пензенской губернии. Тут уж точно, по подсказке и приказу самого Ленина. Он 11 августа 1918 г. направил такую телеграмму (я раньше обещал привести этот документ):

В Пензу

Т-щам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам.

Т-щи! Восстание пяти волостей кулачья должно привести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решит бой» с кулачьем. Образец надо дать.

1. Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 завязтых кулаков, богатеев, кровопийцев.

2. Опубликовать их имена.

3.Отнять у них весь хлеб.

4.Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни вёрст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваши Ленин.

P.S. Найдите людей потверже.

Люди «потверже» всегда находились, поэтому под их твёрдую руку попадались впоследствии не только кулаки и богатеи, но и вообще практически поголовно крестьянство. Сельское хозяйство так в нашей стране и не наладилось.

В советской истории выступления крестьян в 1920-21 гг. повсеместно определялось как бандитское. Но ещё в то время не прислушались к другой оценке этого явления, которую дал командующий войсками Тамбовской губернии А.В.Павлов:

«В Тамбовской губернии не бандитизм, а крестьянское восстание, захватившее её широкие слои крестьянства».

Да и сам М.Н.Тухачевский таким образом отзывался в последующем об этих событиях, непосредственным участником которых он был:

«...В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и не операции, а, пожалуй, целую войну (поэтому, с его слов, вероятно, и посчитали борьбу с повстанцами войной, и Жукову вручили за это Орден Красного Знамени – С.Ч.), которая должна закончиться полной оккупацией восставшего района... ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением».

И ещё, его же слова:

«Они не щадят себя в бою, а также своих жён и детей, бросаясь на пулемёты, как волки».

(Полагают, что с этих слов Тухачевского и появилось выражение «тамбовский волк».)

Кто же, в основном, были эти «тамбовские волки». Как следует из упоминаемой мной статьи О.В.Безгая и В.Б.Безгина в «Вестнике архивиста», средний возраст повстанцев составлял около 30 лет. В основном это были женатые мужчины, в семьях их было по 2-3 ребёнка, имущественное положение – ниже среднего (по тем понятиям). Приводится такое процентное соотношение в рядах повстанцев: бедняков – 30,5%, середняков – 64%, зажиточных – 5,5%. В среднем по

повстанческому движению во всей Тамбовской губернии. Но в разных уездах было по-разному. Например, в Борисоглебском уезде, в котором жили наши родственники, соотношение соответственно составляло: бедняков – 79%, середняков – 20%, зажиточных – 1%. Выступление крестьян, по этим оценкам, определяется историками как вполне осознанное и никак не эсеровское, как это пропагандировалось в большевистской печати, да и сравнительно долго и в остальное время. Я бы сказал, что и современная государственная власть и политика продолжает так же, по-большевистски, это считать.

Как расценит дальше история эти события на Тамбовщине, приравняет ли их к этим, хоть и не очень, но схожим событиям, которые были организованы Степаном Разиным, Иваном Булатниковым, Кондратием Булавиным и Емельяном Пугачёвым? Ведь позже они именовались царскими властями ворами (читай – бандитами). Позже до некоторых пор, а потом они стали народными героями, при появлении большевистского строя, их именами называли улицы и площади, им поставили памятники, восхвалили в искусстве и литературе. А что же здесь-то? Тем более, что восстание тамбовских крестьян под руководством А.С.Антонова заметно отличается по политическим соображениям от восстаний под руководством Разина, Пугачёва, Булавина, Болотникова.

Конечно, и в те времена ничего хорошего не было, было много зверств, и у Разина, и у Пугачёва. Их церковь предала анафеме. Скорее всего, по человеческим нормам, так и

должно было быть.

Разинцы, например, убивали царских чиновников и их семьи, купцов, помещиков и их семьи, священников, жгли сёла и деревни. Когда разинцы приступали к Астрахани они на речке Иловля изрубили начальных людей, некоторых перед этим заживо изжарили, повесили за ноги и обычным способом, за голову. В Яицком городке что-то стал замышлять против Разина стрелецкий голова Яцын. Про это узналось, всех арестовали, и один из стрельцов, Чикмаз, вызвался палачом. Он за два часа срубил 170 голов своим товарищам. Оставшихся Разин допросил, спросив, будут ли они с ним, если нет, то пусть идут. Они и ушли, но их нагнали за городом во главе с атаманом и всех порубили. В Астрахани был убит в мае месяце 1670 г. митрополит Иосиф. Воеводу Астрахани Прозоровского Разин сам сбросил с высокой башни, а двух его сыновей приказал повесить за ноги. К Разину царь, Алексей Михайлович, трижды присылал послов с требованием прекратить бесчинства. Первую партию Разин отпустил, во второй партии он лично убил одного из посланников, а в третьей партии все были повешены. А до похода на Астрахань Разин со товарищи отправился в Персию, на грабёж. Уговорил наместника города Фонабет, чтобы казаки поторговали в нём пять дней (конечно – награбленным товаром). Наместник разрешил. На шестой день Разин дал казакам знак (махнул шапкой, как и было между ними договорено), и началась резня, был вырезан весь город, ну и, конечно,

но, разграблен, так что казаки оказались с двойным кушем: вернулось и проданное награбленное, да и ещё за те же вещи – деньги от продажи.

Согласитесь, что выступление С.Разина никак нельзя было назвать крестьянской войной, от этого она была очень далека.

Примерно такое же творилось через сто лет и во времена бунта Емельяна Пугачёва. Например, после взятия Татищевой крепости капитану Белову отсекали голову, а полковника Елагина замучили: сначала над ним долго издевались, потом содрали кожу и убили, жену его изрубили саблями, а дочь привели к Пугачёву, она ему понравилась, и он сделал её своей наложницей. Убили генерала Цыплятова: сначала ему отесали саблями бока, а когда он упал, ему в горло забили кол, его жену и детей повесили. Пугачёвцы въезжали в церкви на лошадях, стреляли в иконы, распятому на кресте Иисусу Христу забивали в уста гвозди. Пушкин в своей истории про пугачёвский бунт писал о тысячах дворянских семей, погибших от рук пугачёвцев.

Впрочем, церковную анафему заслуживают не только Разин Стенька и Емелька Пугачёв. Известно, что воевода Арзамаса, боярин Юрий Алексеевич Долгорукий (Долгоруков?), казнил 11000 человек за приверженность к Пугачёву. А воевода Астрахани, боярин Иван Никитич Меньшой Одоевский, приказал арестовать всех жителей города, после этого начались повальные казни: кого-то заживо сжигали, чет-

вертовали, сажали на кол, заживо закапывали в землю. Так что вполне можно петь анафему Ивашке Одоевскому и Юрке Долгорукову.

А ведь народными героями Степан Разин, Кондрат Булавин и Емельян Пугачёв и Иван Болотников официально стали с подачи большевиков во времена исторических преобразований в идеологии, начиная с Октябрьской революции. Тогда во многом вводили другие понятия в нашей истории. Вот как об этом пишут авторы исключительной, на мой взгляд, книги по истории революции и гражданской войны «Гражданская история безумной войны» М.Веллер и А.Буровский (Москва, изд. АСТ, 2007, с. 218):

«Для коммунистов и 1812 год был исключительно «спасением помещицъей Расеи руками обманутых крестьян».

И завоевание мусульманских областей описывалось так:

«Погубил на стенах крепости несколько сот русских мужиков, одетых в солдатские шинели».

Что же признавалось в русской истории? Только одно «освободительное движение». Степан Разин, Кондрат Булавин, Емельян Пугачёв и другие разбойники должны были стать героями для россиян. А Суворов, Кутузов, Нахимов – соответственно должны были предстать «реакционными за-

щитниками старого режима»».

И ведь такая пропаганда существовала до совсем недавнего времени, да отголоски её и сейчас ещё существуют, как показывают современные события.

Из всех названных мной предводителей восстаний (Пугачёва, Болотникова, Булавина и Разина) большей чести в Советском Союзе и в России удостоин Пугачёв: в г. Уральске (Казахстан) имеется дом-музей Пугачёва; в Удмурдской республике есть посёлок Пугачёво; в Саранске установлен Пугачёву памятник; охраняется и демонстрируется как «Дуб Пугачёва», на который он, якобы взбирался для осмотра местности во время боевых действий (этот дуб находится в Марий Эл на территории массива «Кленовая гора» национального парка Марий Чодра); в Челябинской области и на Южном Урале Пугачёвым именем назвали соответственно горку и гору; есть гора Пугачёва и в Магнитогорске. Я уж не говорю об улицах и переулках во многих городах нашей страны, как и множество названий подобных объектов с именами Болотникова и Разина. С Болотниковым обошлись попроще, чем с Разиным. Разину, всё-таки и памятник деревянный делали (скульптор Конёнков), который был установлен на Лобном месте в Москве (потом по этому скульптурному групповому изображению Разина и его соратников сделали памятник из бетона). Есть утёсы Степана Разина на Волге и в Саратовской области, село, посёлки и рабочие посёлки в Пензенской, Нижегородской, Волгоградской и Самарской областях,

набережная Степана Разина в Твери и мост такого же названия в Санкт-Петербурге.

Но и ещё задолго до Разина и Пугачёва зверства были практически нормой. Достаточно упомянуть казнь в 1614 году (это уже примерно времена Ивана Болотникова, которого казнили в 1608 году) трёхлетнего сына второго Лжедмитрия и Мнишек, Ивана Ворёнка, которого повесили в Москве, на Серпуховской заставе при большом стечении народа. Поскольку Иван был по весу лёгким, то верёвка полностью не затянулась, его так и оставили. Он просто замёрз к утру.

На мой взгляд, имена Петра Михайловича Токмакова и Александра Степановича Антонова должны входить как равные в перечисленный ряд исторических персонажей, поднявших народ на борьбу с притеснителями. Просто уже долгое время восстание тамбовских крестьян представлялось истории и нашему советскому, а теперь – российскому народу, большевистской и коммунистической правящей партией как бандитское (читай – воровское) выступление. И до сих пор, без никакого уже влияния большевиков и коммунистов, продолжается замалчивание тех событий. Даже не имя А.С.Антонова (достойных руководителей повстанческого движением было много), а именно эти события, очень похожие на указанные выше: борьба против притеснителей и угнетателей.

В конце я привожу песню тамбовских повстанцев. Вряд ли к этой песне приложили руку рядовые повстанцы-кре-

стьяне. Дело в том, что организацией и проведением тамбовского восстания руководили объединившиеся правые и левые эсеры Тамбовщины, кто-то из них хоть немного, но грамотные, а некоторые даже и слишком грамотные. Эсеровские организации существовали в пяти уездах Тамбовской губернии. Выходцами из Тамбовской губернии были такие известные эсеры, как С.Н.Слетов (1876-1915), М.А.Спиридонова (1884-1941), о которой я упоминал выше в связи с убийством ею Г.Н.Луженовского, В.М.Чернов (1873-1952). Вот, я думаю, что от них, эсеров, и получилась эта песня (1920-1921 гг.), очень похожая на блатной шансон или близко к этому. А уж кому, как не эсерам, многие из которых попробовали царскую тюрьму, составить такую весьма незамысловатую песню. Возможно, что автором этой песни является брат А.С.Антонова, Дмитрий, местный деревенский поэт.

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман,
Ай уж пуля в сердце метит,
Ай уж близок трибунал.

Припев:

Эх, доля-неволя,
Глухая тюрьма!
Долина, осина,
Могила темна.

Где-то черный ворон вьется,
Где-то совушки кричат.
Не хотелось, а придется
Землю кровью орошать!..

Припев:

Поведут нас всех под стражей,
Коммунист, взводи курок,
На тропинке, на овражьи
Укокошат под шумок.

Припев:

Поведут нас всех огулом,
Отдадут команду «Пли!»
Чур, не хныкать перед дулом,
Не лизать у ног земли!..

Припев:

Мы не пивом и не водкой
В наш последний вечерок
Самогоном зальем глотку
И погибнем под шумок!

Припев:

Не к лицу нам покаянье,
Не пугает нас огонь!..
Мы бессмертны! До свиданья,
Трупом пахнет самогон!..

Припев:

Тамбовские активисты (их в современной прессе называют «славным словом» – националистами) организовали митинг, на котором было принято решение об увековечении памяти жертв крестьянского восстания на Тамбовщине. В 1999 году был установлен закладной камень, который через месяц исчез.

24 июня 2000 года, в 80-ю годовщину со дня гибели А.С.Антонова, был установлен ещё один памятник, на котором были написаны слова А.С.Антонова:

«Бороться за правое дело приходится, братцы, самим только нам. Бороться честно, храбро и смело – во имя Веры, Родины и Правды».

Но почти через год, в ночь на 1 мая, этот памятник был украден.

В настоящее время в Тамбове установлен памятник с названием «Тамбовскому мужику». У него тоже интересная история. Первоначально памятник был бетонный. В 2008 году лицо этого мужика изуродовали. В этом же году на этом месте установили такой же, но бронзовый памятник. Стоит «мужик» лицом к Петровскому собору. Высота памятника три метра.

Плугом, на который опирается «мужик», попирается стяг с надписью «Вся власть Советам», пулемётная лента, шашка, винтовка трёхлинейка. Скульптор памятника В.Остри-

ков. Кроме этого, на площади Казанского монастыря, где летом 1921 года был устроен концлагерь и проводились массовые расстрелы повстанцев и членов их семей, построена в память этому часовня.

Теперь следовало бы ожидать таких же действий, то есть увековечивания памяти последнего в истории нашей страны мощного восстания народа против власти, в местах проявления самых активных событий, в Моршанске, Кирсанове, Борисоглебске и других населённых пунктах Тамбовщины, в Воронежской и Саратовской областях. Да и, я думаю, целесообразно было бы установить такой памятник в Москве. Кроме того, именами наиболее видных руководителей восстания назвать улицы и площади в областных и районных центрах Тамбовщины, Воронежской области, а также других мест, которые были связаны с этими событиями.

Когда я уже почти закончил эту главу, мне удалось прочитать книгу Леонида Юзефовича «Зимняя дорога» о похожих событиях в Сибири в 1922–1923 годах. Восстало местное население против большевистской власти из-за непосильных поборов в виде продразвёрсток и продналогов, в основном – на пушнину и мясо (я об этом выше немного писал, но скажу несколько подробнее). На помощь им была сформирована Сибирская дальневосточная дружина под руководством царского генерала А.Н.Пепеляева. Эта дружина двигалась от Владивостока до Якутска. Не боюсь сознаться в невежестве, но я об этом услышал впервые. Ни в школе, ни в институ-

те, ни на соответствующих занятиях в Университете марксизма-ленинизма ни слова не было об этом сказано. Только что о «правителе Омском», А.В.Колчаке, Верховном правителе России и Верховном Главнокомандующем Русской армией. А ведь генерал А.Н.Пепеляев в одно время, когда заболел А.В.Колчак, прочился на его место. Брат А.Н.Пепеляева был расстрелян в 1920 году вместе с А.В.Колчаком. (Этот эпизод отражён в фильме «Адмираль».)

Снова повторяется установленный государством режим умолчания о нежелательных событиях и их последствиях. Вкупе со всеми правдами и неправдами. Как, например, о расстреле органами НКВД польских офицеров накануне войны 1941 года. Советская пропаганда захлёбывалась, обвиняя немцев в этом убийстве. А ведь устроили и небольшую фальсификацию. Была создана специальная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, председателем которой был назначен Н.М.Шверник (образована Указом от 2 ноября 1942 года). В комиссию входили пять академиков: Н.Н.Бурденко, Б.Е.Веденеев, Т.Л.Лысенко, Е.В.Тарле и И.П.Трайнин; митрополит Киевский и Галицкий Николай; от общественности: писатель А.Н.Толстой, лётчица В.С.Гризодубова и А.А.Жданов. Вот эта комиссия и установила по «неопровержимым данным», что злодеяние совершили фашисты. Только спустя почти 60 лет, при М.С.Горбачёве, Россия признала, что польские военные были ею и расстреляны. Нашлись и со-

вершенно секретные документы, также неопровержимо подтверждающие это убийство. Как, например, взрыв всего киевского Крещатика, первый из которых прогремел 24 сентября 1941 года. Конечно, как говорила та же пропаганда, это вандализм немцев – разрушение исторических памятников.

Дождёмся ли мы восстановления справедливости по отношению к героям Тамбовского восстания, называемого «антоновщиной»? Какие-то у меня сомнения на этот счёт, поскольку, вероятно, – не до этого, самим бы выжить. Правда, в 2011 году вышел на экраны фильм режиссера (он же сценарист и продюсер) Андрея Смирнова «Жила-была одна баба», о тех самых событиях. Но показать именно те события, на мой взгляд, не удалось. Человек, впервые услышавший об Антоновском восстании из этого фильма ничего для себя не уяснит, даже может понять их и превратно. Тамбовские события – целенаправленная политика уничтожения крестьянства того времени, да и перешедшая в последующее время. Восстановление справедливости по отношению к тем событиям и людям – это государственное дело, а отдельные субъективные картинки здесь только помешают, фильм это будет или рассказы. Как и этот мой рассказ.

Я практически завершаю эту главу, находясь на даче в самоизоляции (весна-лето-осень 2020 года). Считаю, что наступают те самые юбилейные даты антоновского восстания (в августе этого года началу этих выступлений крестьян Там-

бовщины исполнилось 100 лет), которые дают возможность нашему государству реабилитировать своё негативное отношение к тем кровавым событиям. Я имею в виду негативное отношение к крестьянам-повстанцам, выступившим против оголтелого произвола государства в отношении прав крестьян. Конечно, время сейчас не совсем то, пока продолжается пандемия. Но нашлись же оправдания проведению парада Победы 24 июня, нашлись оправдания и проведению совсем не обязательного по времени и событиям голосования с 25 июня по 1 июля по поправкам в Конституцию. Все эти мероприятия могли быть безболезненно перенесены на более благоприятное время. При этом, решение указанного мной вопроса о событиях 100-летней давности на Тамбовщине, совсем не требует особых сборов людей, достаточно только поднять правильно этот вопрос в Правительстве, в Государственной Думе и принять соответствующее решение, в согласии со своей государственной совестью, если она ещё осталась.

Но, к сожалению, вряд ли это получится. Почему? Я мог бы рассказать и сам, но лучше об этом расскажет Владимир Алексеевич Солоухин (книга «Древо», М.: «Молодая гвардия», 1991, с. 45-47). Это будет очень большая цитата, но она очень многое объясняет и утверждает.

«Никакой летописец, сто летописцев, сто тысяч летописцев не способны были бы описать то, что произошло со стра-

ной и с народом, населяющим её, когда страна и народ оказались во власти большевиков. Не пытаемся сделать это и мы. Скажем лишь, что почти все монастыри (за исключением единиц) были разграблены, разорены, разрушены. Что касается Чудова монастыря в Кремле, он был уничтожен до основания, а на его месте было построено новое здание, в котором долгие годы располагалось Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) и были казармы полка специального назначения (ПСН). Пишущий эти строки (В.А.Солоухин – С.Ч.) сам жил в этом здании, будучи солдатом (а потом сержантом) 3-го батальона, 10-й роты ПСН. Сокращённо здание это называлось УКМК, то есть Управление коменданта Московского Кремля.

А что же могила Артемия Степановича Волынского, которого отпевал сам патриарх? И который был как-никак потомком героя Куликовской битвы и дедом Артемия Петровича Волынского, крупного государственного деятеля и патриота? Что же все остальные могилы на территории Чудова монастыря? Не один же Артемий Степанович был похоронен там? Что же могилы Страстного, Данилова, Симонова монастырей? То же и могилы всех остальных (около тысячи) разорённых монастырей. Они были стёрты с лица земли.

Читаем в «Правде» 29 декабря 1989 года:

«Осквернён памятник. Берлин, 28. (ТАСС). Известный всему миру памятник советским воинам-освободителям в берлинском Трептов-парке подвергся осквернению. В ночь

на четверг преступники намалевали краской антисоветские лозунги на цоколе памятника... Уголовная полиция ведёт поиск участников безобразной выходки».

Читаем в той же «Правде» 3 января 1990 года:

«Снова акт вандализма. Берлин, 2. (ТАСС). Как сообщило агентство АДН, в новогоднюю ночь бесчинствующие молодчики повредили могилы советского пантеона в городе Гера... Преступники сбили советские звёзды на 34 надгробных плитах, а пять других перевернули...»

Итак, найдены советской газетой точные слова: «осквернение», «преступники», «безобразная выходка», «бесчинствующие молодчики», «акт вандализма»...

Точно сосчитаны сбитые «вандалами» звёзды на могилах («вандалами» оказались школьники 9-го класса) – 34 звезды. Но кто считает количество крестов на сотнях тысяч разрушенных храмов, а также крестов и надгробий на сотнях и тысячах кладбищ, начисто стёртых с земли?

Разорена и осквернена могила Багратиона на Бородинском поле, разорена и осквернена могила генерала Скобелева в Рязанской области, вскрыта и переворошена могила Кутузова. Вскрыты и переворошены все царские могилы, как в Архангельском соборе Московского Кремля, так и в Петропавловском соборе в б. Петербурге. Вскрыта и переворошена рака с мощами преподобного Сергия. В Оптиной пустыни уничтожены все надгробия на могилах знаменитых оптинских старцев.

В Оптиной держали, как в тюрьме, пленных польских офицеров образца 1939 года. Со слов очевидца, тогда служившего там, знаю, что польских офицеров заставляли бесцельно таскать надгробные плиты из одного конца монастыря в другой, пока они не погибали от измождения. Надругательство двойное и над могилами, и над живыми людьми.

Взорвали, наконец, всенародный, всероссийский памятник Отечественной войне 1812 года – Храм Христа Спасителя.

Что же мы не называем всё это вандализмом, осквернением, надругательством? Только потому, что сбиты не звёзды-железки, а золочёные кресты и купола? Только потому, что осквернена память советских, а не русских воинов?

Артемий Степанович Волынский был лишь потомком героя Куликовской битвы. Но вот два её подлинных героя – Ослябя и Пересвет. Этих монахов-богатырей дал Дмитрию Донскому Сергей Радонежский, как бы тем самым благославляя Дмитрия на битву и воодушевления его и всё войско. Ослябя и Пересвет стояли в первом рялу так называемого Головного полка. Он, этот полк, погиб весь до последнего человека. Погибли (первыми) Ослябя с Пересветом. Их тела были бережно перевезены в Москву и похоронены около церкви Рождества Богородицы у стен Симонова монастыря. Монастырь этот тоже был разорён, могилы Осляби и Пересвета тоже были разорены, на их месте был построен цех завода «Динамо», и так было подгадано, что именно на месте

могил Осляби и Пересвета вырыли туалет (сортир) литейного цеха, именно на месте захоронения двух русских героев бегали литейщики и по малой и по большой нужде.

Будем говорить так: осквернены не те или иные могилы, храмы, монастыри, осквернена вся Русская земля, русская память народная, русская душа, осквернена – Россия» (конец цитаты).

Заключительные строки этой главы написаны в конце августа 2020 года. Как раз в это время, как я уже говорил, исполняется 100 лет с начала Тамбовского восстания. И хотя мы с женой находимся в самоизоляции, на даче, но за событиями в стране следим, телевизор и радио у нас работают. А вот государственные структуры, ответственные за события в стране, не работают: ни в одной передаче, ни в одном фрагменте наших телеканалов ничего не прозвучало об этом юбилейном и очень важном не только с исторической точки зрения событии. Да и вряд ли прозвучит, поскольку В.А.Солоухин это уже давно определил и доказал.

Глава 7. Чекалина Вера Ивановна

О своём детстве, до революции 1917 г., бабушка Вера рассказывала очень мало. Может быть, и рассказывала, да только я этого не помню, не обращал внимания, вероятно. Помню только её рассказ о собирании ягод и фруктов в барском саду. Раньше я думал и писал, что у Кропоткиных, но это было ошибкой. Кропоткины владели другим Петровским, селом Кропоткиным-Петровским, что находилось в 50-60 километрах от этих мест, в сторону Царицына (Волгограда). Барский сад, в котором собирали ягоды, был другого владельца. На то время даже и не знаю, какого. Вполне возможно, что Трофимов. А если сбор ягод проходил в барских садах сельца Львово, тогда уж точно, что владельцем был француз Александр Николаевич Жерве.

Для сбора нанимали за установленную плату (кажется, за 15-20 копеек в день) по ближним деревням баб и девок. Слова «баб и девок» сказала бабушка. Собирали вишню, сливу, малину, крыжовник, смородину (чёрную и красную), ранние и поздние яблоки, груши. Всего этого у барина было много. Чтобы сборщики не ели ягоду, управляющий (смотритель) заставлял их петь песни. Если на жаре, да целый день, то к вечеру уже никакого голоса и не будет. Но это не значит, что бабушка умела петь песни. Я никогда этого не слышал, только что при рассказе нам с Мишей сказок, в основном,

«Алёнушка и её брат Иванушка», о причитаниях козлёночка-Иванушки и его сестрицы Алёнушки.

В конце 1918 г. бабушку сосватали, и скоро она стала жить в новой семье, Чекалиных. В это время семья Чекалиных состояла из хозяина, Василия Ивановича, его жены, Дарьи, а также их детей, дочерей Марии, Василисы и Федосьи, а также сына, Василия, который и был мужем бабушки Веры. Старший сын, Михаил, отделился и устроился на жительство в деревне Остроухово. До 1928 г. Чекалины жили в сельце Львово, а потом – в деревне Красный Куст, километрах в 25-ти от сельца Львово, на юге Токарёвского района (сейчас, а тогда – Полетаевского района), почти на границе с Воронежской областью (тогда – губернией), недалеко от города Эртиль, который относится уже к Воронежской области.

Населённый пункт Эртиль, небольшая деревенька (так называемые – выселки из Воронежской губернии), есть и по дороге из Токарёвки в Полетаево, но это только деревенька, расположенная на одноимённой речке. А воронежский Эртиль – это город, пусть и небольшой, но город. Деревенька Эртиль находится в группе населённых пунктов разных названий, среди них и поселения, в которых жили наши родственники по линии Зинаиды Сергеевны: Выгловские и Кудиновы. Помню, что мама, да и тётя Шура, её сестра и моя крёстная, часто их так подряд и называла: Корели, Жаворонки (не Жаворонки, я уже выше об этом писал, а Заворонежские выселки), Эртиль, Громушка, Грязные, Росляи и от-

дельно – Безукладовка.

В 1929 г. Барановых в Петровском раскулачили, и общаться с ними стало опасно. Поэтому бабушка не смогла поехать на похороны своей матери, Евфимии Андреевны (в 1934 г.), а потом не ездила и на похороны отца, Ивана Николаевича (в 1935 г.). Кроме того, и дедушка в это время уже находился в тюрьме (он был в заключении пять лет, с ноября 1932 по ноябрь 1937 года, об этом выше уже говорилось). Да и брат бабушки, Иван, в это время всё ещё находился в бегах (подробнее об этом – в следующей главе).

Всё хозяйство свалилось в её одни руки после ареста в конце осени 1932 года мужа, Василия Васильевича. Она одна осталась хозяйкой. Хотя, конечно, помощь была и со стороны свёкра, которому было за девяносто лет, и со стороны её золовки Василисы (Васёны), шестидесяти лет, да и со стороны уже подросших детей: старшей Антонине было к моменту ареста Василия Васильевича 13 лет, Ивану – 10 лет, Михаилу – 7 лет, Серафиме – 5 лет.

После ареста дедушки и ещё двоих его односельчан из руководства колхоза (Молостова Андрея Кузьмича и Колмакова Григория Андреевича) многие стали забирать свои заявления о вступлении в колхоз (колхоз «Красный Куст» был организован в 1930 году). Так вот, ещё не скрывшийся тогда и остававшийся пока председателем колхоза Мамонтов Фёдор Николаевич сказал бабушке:

– Вера, ты не забирай заявление-то из колхоза. Оставайся.

Бабушка не забрала, и правильно сделала, потому что тем, кто это сделал, потом пришлось отвечать за вредительство и агитацию о выходе из колхоза. Со всеми, кто забрал заявления, а такие нашлись, прилично расправились: их раскулачили, да и сослали из деревни в отдалённые места. А заявления забрали, понятно, хозяйственные семьи, которые ещё надеялись на то, что смогут самостоятельно вести хозяйство, не с убытком для семьи. Как во времена недавнего НЭПа. Тем более, что эти годы были очень голодными, неурожайными. Об этом я подробно писал в главах 5 и 6 («Чекалин Василий Васильевич» и «Чекалин Михаил Васильевич»). Хозяйственные дворы думали, что своими силами им лучше будет справиться с этими бедами, чем всем вместе в неблагополучных колхозах. Надеялись и получить из колхозов своё добро, которое пришлось внести при организации этих хозяйств всего два-три года назад: коров, лошадей, свиней, коз и овец, да и что-то из сельскохозяйственного инвентаря. За это их и наказали.

В колхозе бабушка работала, как это сейчас определяют, – полеводом. Прополка свёклы, подсолнечника, моркови. А самое главное – уборка сахарной свёклы, которая приходится на позднее осеннее время, часто и снег уже выпадает. Уборка заключается в сборе свёклы в бурт после её подпашки плугом (этим занимались чаще мужчины), очистка свёклы от ботвы и земли. От земли надо было очищать практически дочиста, потому что сахарный завод, куда потом эту

свёклу отвозили, мог не взять в дальнейшую обработку грязный продукт. Хотя потом её и мыли, но всё равно земля полностью (при том мытье, которое тогда было) не отмывалась.

Стандартный размер участка для чистки – два гектара. Это была норма для всех женщин колхоза, и для рядовых полеводов, и для доярок, а даже для тех, кто не работал в колхозе, а занимался домашними делами. В сталинское время таких, только с домашними делами, не было, поскольку это по Закону считалось тунеядством и преследовалось даже вплоть до тюремного заключения.

В своих «Воспоминаниях» известный государственный деятель России Сергей Юльевич Витте (при императорах Александре III и Николае II) очень много и здраво рассуждал о сельском хозяйстве России, уже значительно позже отмены крепостного права в 1861 году. Витте говорил, что эта отмена не была завершена до конца, поскольку крестьянам не дали с отменой крепостничества землю. Стали как-то из этого выкручиваться, создавать крестьянские общины, в которых прямых собственников-крестьян земли не было. Она частично оставалась государственной и частично помещицей. Автор указанных воспоминаний, по своему разумению и трезвой оценке состояния деревни в России сказал, что в данной ситуации спасти сельское хозяйство может только индивидуальная собственность крестьян на землю. Только в этом случае у крестьянина будет заинтересованность в работе на ней. Вспомним, что в начале революционных собы-

тий 1917 года (с Февральской буржуазно-демократической революции, при которой был свергнут царь) происходил захват крестьянами помещичьих земель, самовольный, конечно. Как показала и наша дальнейшая практика сельскохозяйственного строительства никакие колхозы и совхозы не смогли спасти продолжающийся и до сих пор развал сельского хозяйства и самих деревень. Даже и очень запоздалое решение, принятое Б.Н.Ельцыным, о конституционном разрешении частной собственности на землю, не смогло, да, вероятно, уже и не сможет, возродить наши деревни, деревенскую жизнь, связанную с землёй.

Поэтому желающих выйти из колхоза наказали ещё раньше, не дав им в собственность землю...

Жилось семье «врага народа» трудно. Питались со своего огорода, да с тех трудодней, которые оплачивались зерном и другими продуктами, что оставались от хлебопоставок государству. По воспоминаниям моих тётей, в какой-то год, по-моему, в 1934-й, без дедушки, выдано было на трудодни просо. Поехала бабушка со своими четырьмя детьми за положенным ей мешком. Тачку с собой взяли. На обратной дороге дети спросили:

– А мы кашу сейчас сварим?

– Сейчас приедем, наварим, до отвала наедемся.

Так и было, и это хорошо им помнится и помнилось...

Я просто дополню это некоторыми пояснениями. Просо – это не пшено. Просяные зёрнышки покрыты тёмно-корич-

невой оболочкой, которую для получения пшена надо снять. Такую работу выполняют на специальных машинах, называемых просорушками. Но можно для каши сделать это же в ступе, только стучать толкушкой не очень сильно, как, например, для получения муки из пшена. Поэтому «наварим, до отвала наедемся» предварилоь первоначальной работой на ступе...

Дедушка, уже после возвращения из тюрьмы, в 1937 г., говорил, что он и не ожидал увидеть ничего хорошего в принудительно оставленном им хозяйстве. Но поразился, что бабушка смогла хозяйство удержать почти в том виде, как оно было при нём в 1932 г. Корова была, овцы, птица, в погребе продукты с огорода, хлеб по трудодням, хотя и не так много. И дети ухожены, вырастила. Самой младшей, Серафиме, к этому времени, ко времени возвращения Василия Васильевича, было уже 10 лет. Правда, их большая семья к его возвращению уменьшилась на двух человек: сначала, в 1935 г., умерла Василиса Васильевна, а в 1936 г. – отец дедушки, Василий Иванович. Дедушка об этом узнал только в момент возвращения домой. Пять лет между дедушкой и его семьёй не было переписки. Почему, я даже и не могу сказать.

Во время войны с немцами бабушка и дедушка отправили двух своих сыновей на фронт. Ивана возвратили лечиться в больницу, а Михаила забрали осенью 1942 года, хоть он был и 25-го года рождения. Тогда начали забирать на работы и 25-й год. В начале 1943 г. пришла похоронка. Работал Ми-

хаил где-то на погрузке в Ульяновске, на железной дороге. Носили по сходам мешки с зерном или мукой. Михаил поскользнулся (зимой это было), упал и сломал позвоночник. Где-то там, в Ульяновске, и похоронен.

Конечно, трудно жилось в деревне в военные годы. Так, известно, что в 1942 г. на один трудодень в Токарёвском районе выдавали по 250 граммов зерна, по 180 граммов картошки и по 28 копеек (за год работы в колхозе можно было получить заработок в виде примерно полутора-двух мешков зерна, пяти-семи ведер картошки и 60-70 рублей).

А в начале войны и прибавление в семействе Чекалиных было. Внука они взяли на это время, Валерика. Ему только исполнилось полтора года. Тётя Тоня, Антонина Васильевна, мать Валерика, в это время находилась в Москве, у своей тёти, Евдокии Ивановны, сестры бабушки Веры. А отец, Журавлёв Николай Яковлевич, находился, кажется, в тюрьме за растрату. Был посажен ещё до войны. Работал он бухгалтером в какой-то строительной компании, строили дороги...

Насколько помню, за бабушкой всегда была печка. Вставала бабушка рано, часов в пять, а то и в четыре. Успеть надо было истопить печку, приготовить (состряпать, как говорилось у нас в деревне) завтрак. Жаворонок она или сова – не знаю. Я-то жаворонок, тоже рано просыпался, да и сейчас – то же самое. Видел и помню, как поднималась бабушка. Как казалось – еле-еле. Потихоньку одевалась, причёсывалась, потом начинала рогачами стучать – затапливала печ-

ку. А печки у нас топились высушенным летом навозом, который набирали от скота. Бывает, при хорошей погоде, разгорится хорошо. А то начнёт дымить, огонь никак не возьмётся. Уж в топку и соломки добавит, и навоз посуше подложит. Потом корову подоит, а тут и я, ни в одном глазу. Бабушка нальёт мне в кружку парного молока, отрежет хлебушка, скажет:

– Ты хлебушка-то ешь побольше, а молочка отпивай поменьше.

Попью-поем я – и снова набоковую. А бабушка продолжает хлопотать по хозяйству до тех пор, пока все остальные не встанут, не позавтракают, не разойдутся по своим делам. Тут уж и ей можно было немного отдохнуть.

Печку-то и летом топили. Но не так жарко, как зимой, а только для приготовления пищи. Если что готовилось горячее, то, конечно, и несколько побольше надо было протапливать, особенно в дни, когда пекли хлеб. А летом часто делали окрошку из хлебного (мучного) кваса. Из ржаной муки. Но можно было и из пшеничной, этот квас мягче получался, не такой кислый, но может получиться немного с горчинкой. Но и окрошку у нас называли квасом. Вещь, надо сказать, хорошая, вкусная, не остановишься, пока вся окрошка не кончится. Научился и я варить такой же квас, да и Вера с Колей тоже восприняли такую пищу, тоже могут сварить и квас. Такой же квас варили и мои родители, уже и не в Красном Кусте, а и в Узуново (сначала жили в деревне Яко-

влевское, а потом – в Узуново Серебряно-Прудского района Московской области), куда они переехали в конце 1965 года. Вот, кстати, я рецепт запишу, попутно со всем прочим.

Квас ржаной (пшеничный) русский (деревенский)

Рецепт я приведу на объём в 10 литров. Не чистого кваса, а полного объёма. То есть на десятилитровое ведро.

Подготовка закваски. В литровую банку накрошить мякиша ржаного хлеба примерно из половины булки. Лучше и брать для этого ржаной хлеб. Добавить ржаной муки четыре-пять полных (с верхом) столовых ложки, одну ложку сахарного песка. Всё это залить тёплой кипячёной водой и размешать, чтобы получилась сметанообразная масса (лучше масса в виде густых сливок). Если масса получилась жидковатой, то можно добавить как муки, так и хлеба. Потом поставить в тёплое место до закисания. Время от времени (раз два в сутки) полученную массу промешивать. Готовность закваски определяется по запаху и выделению газов из банки (наблюдается некоторое «кипение» в банке). При хорошем хлебе и благоприятных условиях закваска будет готова дня через три-четыре. Только, пожалуйста, без дрожжей!

Подготовка сусла. Сусло готовится только тогда, когда будет готова закваска, не раньше, а то сусло не терпит задержки во времени.

Вскипятить воду сразу литров девять (на ведро кваса). В обязательно эмалированное ведро (или деревянное) засы-

пать две хороших пригоршни муки (ржаной или пшеничной, на которой готовится квас) и пять столовых ложек сахарного песка (можно и без песка). Добавить совсем немного тёплой воды и размешать полученную массу до жидкого тестообразного состояния (примерно, как для тонких блинчиков). Залить полученную массу крутым кипятком, дружно её размешивая, чтобы тесто не заварилось и не образовались комки. Делать эту процедуру лучше вдвоём. Ведро закрыть крышкой, укутать тёплыми вещами (старыми одеялами, старой одеждой, покрывалами и т.п., что найдётся). Со всех сторон и снизу. Оставить всё это на сутки в недоступном для детей (и некоторых взрослых) месте. Ждём эти сутки.

Заквашивание. Через сутки, а то и несколько побольше, часов через тридцать, ведро раскрыть. Температура жидкости в ведре должна быть как температура парного молока, кто знает. А кто не знает, то жидкость должна быть тёплой, а не горячей. Приготовленную закваску (см. выше) перелить в ведро и перемешать. Снова придётся ждать. А тут уж как придётся. Суток через трое только получается молодой квас. На поверхности жидкости должны появиться пузырьки.

Употребление. Вот тут уж всего много.

Молодой квас можно слить. Но перед этим всю массу перемешать, подождать отстояться минут пятнадцать-двадцать, а потом чашкой сверху снять несколько (пять-шесть) литров кваса. Разлить его в банки. В оставшуюся часть влить (несколько меньше взятого) тёплой кипячёной воды и оста-

вить закисать и дальше. Этот процесс называется «женитьбой кваса».

Можно приготовить просто напиток. С любыми добавками. Например, на литр кваса добавить две столовых ложки мёда. Или в ёмкость с квасом положить небольшой кусочек корневища хрена, а летом можно и половинку листа. Кто любит, также сделать и с мятой, а мяты разные бывают, на любителя. Можно и с душицей (её цветочки). Добавить в квас можно и сухофрукты или изюм, предварительно их распарив. Но здесь надо иметь в виду, что добавление чего-либо сладкого вызывает брожение в квасе, поэтому нельзя будет эту посуду крепко закрывать, да и нельзя доводить совсем уж до хмельного состояния. Хотя – кому как. И другое что-то можно придумать в качестве ароматических и вкусовых добавок.

Окрошка на квасе готовится обычным способом: как принято в каждой отдельно взятой семье. Всё может быть тем же самым, но на деревенском квасе. Хорошо только лук зелёный тщательно перетереть в кашицу. Вкус получается другой. Обычно добавляются огурцы (лучше свежие; правда, по весне у нас добавляли и старые солёные), редиска, укроп. В качестве скромного наполнителя – можно отварное мясо, отварную рыбу, у нас, например, добавляли и холодец. Если кому-то нравится постный квас (окрошка), то наполнителем может быть и густая гороховая каша. Для придания некоторой специфической остроты в окрошку клали натёр-

тый хрен, если сам квас не был сдобрен этим продуктом.

Я уж заодно добавлю и о других изделиях бабушки. Например, пирожках. Она их называла «чинёнками». Это такие большие пирожки с начинкой мятой картошкой, но сдобренной жареным луком. Иногда начинка этих «чинёнок» делалась из прожаренной кислой или свежей капусты. Я очень их любил и до сих пор люблю. Марина, жена, говорит, что эти пирожки – от бедности фантазии. Кому как. И ещё изделие из картошки: «тёрники» – так их называла бабушка. Это жареные на сковородке лепёшки из тёртой картошки, взболтанной с яйцом. Такие «тёрники» лучше всего получаются из старой картошки, зимой или уже к концу весны. Ещё одно изделие, которое часто делает и наша сноха Маша (она их называет драниками), лепёшки из пшённой каши с добавлением яиц и сливочного масла. У бабушки для них было два названия: «пшённики» и «драчёны». Довольно часто в деревне бабушка пекла блины из пшённой муки. Муку мы сами делали в ступе, специально много пшённой муки не мололи, как, например, пшеничную или ржаную, только для разового теста. Часто пекла пшеничные блины, пышные такие, а ещё и блинцы, тонкие блины. Их она снимала руками прямо с горячей сковородки. Тётя Шура, мамина сестра, Александра Сергеевна, говорила, что у неё никак не получаются свахины блинцы. Но, вот, скажу, что у мамы они получались такие же, как и у бабушки. Хорошие подобные блинцы печёт

и сестра Валя. Марина тоже научилась печь блинцы.

Я уж заодно расскажу здесь и про дедушку. Когда бабушка пекла блины, то первые два обычно съедал дедушка, ни с чем. А бабушка всё беспокоилась, что скажет, получились ли? После этого уже блины раздавались и остальным. Дедушка любил есть блины с постным маслом, которое он намазывал на блин гусиными перьями (небольшим пучком гусиных перьев) и посыпал их солью. Такой же конструкцией, пучком гусиных перьев, пользовалась и бабушка для смазки маслом сковородки. И ещё изделия – пирожки в виде птичек на весенний праздник Сретения. Ну и, конечно, пшеничные сдобные куличи на Пасху...

В школе бабушка не училась, была неграмотная, хотя у них в Петровском и была церковно-приходская школа. Письма её дочерям в Мары и Самарканд (тёте Симе), Кишинёв (тёте Тоне и тёте Симе, когда Незнановы переехали жить в Кишинёв) и её братьям в Петровское (Прокофию и Степану) писал я, под её диктовку. Она говорила:

– Вот если б так поговорить, то и не наговоришься. А что писать, не знаю.

В Петровское она чаще всего писала брату Степану. Я помню, что всегда начинал так: «Здравствуйте, дорогие, Стёпа, Мариша...». (Жена Степана, Мариша или Марина, была дочкой дедушкиного брата Михаила, расстрелянного красноармейцами в качестве заложника 27 июня 1921 года во время Антоновщины. Об этом подробно рассказано в главе 6

– «Чекалин Михаил Васильевич».) Может быть, потому писала им, что Мариша – племянница дедушки Васи. Но чаще всего письма писали Степану, а не Прокофию. Через Степана же передавали приветы и семье Прокофия.

Я – тем более не знал о чём писать в этих письмах. Письма были, вероятно, все одинаковые. Да и не вероятно, потому что я первую половину письма писал уже по памяти, «Стёпа», «Мариша», что «письмо от вас получили» и так далее до «того и вам желаем». А потом уж зачитывал и дальше писал по бабушкиной указке, о чём-то самом главном, пропущенном мной...

Много пришлось бабушке проработать и в колхозе (выше об этом я уже немного сказал). Больше – на полевых работах. Особенно в период с 1932 по 1937 год, когда дедушка находился в тюрьме. При Н.С.Хрущёве, помню, решили таким колхозникам выдавать пенсию. Назначили по 8 рублей 50 копеек (в новом, послереформенном, исчислении, с 1961 года, реформа «1/10»). Потом пенсию увеличили до 12 рублей. Тратить деньги ей было некуда, жила она в семье сына Ивана. Собирала-копила понемножку. Говорит, что никогда в жизни у неё не было своих ни копейки. А тут уже и сотни набрались, потом даже и тысячи. Когда я был студентом, то она во время моих приездов давала иногда по три или пять рублей. Я не брал, но она настаивала. Мне особенно и не нужны были эти деньги. Стипендию я получал, в то время – пятьдесят рублей, а на старшем курсе и все пятьдесят пять

(нашей специальности, «оптико-электронные приборы», доплачивало пять рублей Министерство обороны), да и из дома родители немного давали.

Но сказать, что пятьдесят рублей или пятьдесят пять – это ничего не сказать, потому что надо привести и какие-нибудь цены того времени. Например, более-менее приличный костюм на молодого человека стоил восемьдесят рублей, демисезонный плащ на того же человека – сорок-пятьдесят рублей, килограмм говядины (в Москве) – два рубля, килограмм варёной колбасы (тоже в Москве) – два двадцать, хлеб чёрный (булка) – 18 копеек, поллитровый пакет молока – 16 копеек, билет в кино на дневной сеанс – 25-30 копеек, на вечерний – 50-70 копеек. Да мы в столовой на стипендию (на часть стипендии, рублей на 25-30) покупали талоны на завтрак, обед и ужин. Закончатся деньги – так слишком голодным не останешься...

Далёких поездок в жизни бабушки Веры было несколько, даже и не несколько, а четыре. Первая, в конце 1965 г. на поезде из Тамбовской области (из Токарёвки) в Московскую, в Узуново, с пересадкой в Грязях Мичуринских. Вторая, в 1970 году, – со мной в Молдавию, к дочери Антонине и зятю Николаю Яковлевичу, Журавлёвым. Я уговорил поехать в гости. Ездили на мои зимние каникулы, в конце января-начале февраля 1970 г. Да ещё поездки в Москву два раза (один раз – на похороны своей сестры Евдокии Ивановны в 1972 году, второй раз – к нам с Мариной на Пятницкую). Но это

было близко, на электричке три с половиной или четыре часа. Зимой 1979 г. она немного жила в нашей семье, в Москве (мы жили тогда в полуподвале во дворе дома 76 по улице Пятницкой, в одном дворе с Филиалом Малого театра). Вера с Колей были маленькие, а мы с Мариной работали. Попросили бабушку помочь нам на первое время. Но, конечно, ей тяжело было, возраст-то её был в это время за восемьдесят. Вот в это время мы и ездили с ней к её племяннице Анне Степановне, в девичестве – Барановой, которая жила в Коломенском. Это была дочка Степана, бабушкиного брата, и Мариши, дедушкиной племянницы, дочки дедушкиного брата Михаила от первой жены.

Сейчас, пожалуй, единственная материальная память о бабушке – это её костыль. Получилось с ним так. Бабушка часто просила меня найти её, как она говорила, «бадик». То есть палочку, с которой ходить по улице или просто выходить на улицу. Я, когда приезжал к родителям будучи студентом, летом, да и осенью, ходил собирать грибы. Чаще в Лапинский или Гурьевский лес. Но и рядом с домом тоже собирал, по посадкам в окрестностях деревни Яковлевское. Вот в лесу я и подыскивал что-то похожее на «бадик». Я ей, конечно, сразу же организовал эту палочку, просто прямую. Бабушка сказала, что хорошая. Но мне такая не нравилась. В 1968 году, в июне месяце, приехал из армии в отпуск мой брат Миша. (Отпуск у него получился большой, поскольку вместо двухнедельной поездки на поезде, «туда-сюда», он

воспользовался самолётом. Он проходил службу на Сахалине.) Пошли мы большой компанией в Гурьевский лес: Миша, Валя, я, Надя (жена брата), Соня (Надина сестра). На опушке мы напали на такое количество лисичек, какое я просто никогда не встречал в этой местности. А мы пошли просто прогуляться, ни о каких грибах и не думали. Набрали лисичек в наши с Мишей рубашки и майки, еле донесли домой. Дома насыпали грибы в корыто, помыть. Мимо проходила наша соседка по дому (это было ещё в деревне Яковлевское), Ерёмчева Мария Степановна, остановилась, тоже была удивлена таким количеством грибов. Миша насыпал ей полный подол этих лисичек.

Я просто немного отвлёкся на эти грибы. А речь-то о «бадике». Когда мы ещё не нашли грибов, на краю леса, со стороны деревни Яковлевское, я заметил очень интересную берёзку, как ветку, которая почти лежала на земле. Росла она в небольшой канавке. Ствол её был очень красиво изогнут. С собой никаких режущих инструментов не было, я попытался вытащить, но она крепко держалась. Поэтому я решил к ней возвратиться попозже. На другой день взял нож (зря, что не топор) и пошёл к берёзке. Кое-как срезал. Принёс домой, ошкуривать не стал, чтобы не потрескалась, положил наверх в нашем придомовом сарайчике. К концу моих каникул, где-то недели через три, я ошкурил эту заготовку «бадика», обернул её всю промасленной тряпкой (машинным маслом) и оставил до лучших времён. Примерно через месяц я

приехал на выходной и развернул эту промасленную тряпку. Протёр её сухой тряпкой, немного просушил на солнце, а затем прошёлся по всей палочке мелкой наждачной шкуркой. Бабушка примерила палочку для своего роста, я отрезал, как она сказала. И получился тот самый костыль, с которым уже иногда сейчас хожу и я (даже и не иногда, а практически всегда: на прогулку, в магазин и т.п.). А бабушке все её подруги (и в Яковлевском, и в Узуново) очень завидовали такому ловкому костылю, «бадику». Он, действительно, словно для того и вырос, даже и придумать нельзя, как он мог такой получиться.

После смерти бабушки костыль находился у родителей в Узуново, но ни отец, ни мама им не пользовались, только покупными. Они оба стеснялись ходить с «простой палкой». Я забрал его себе, на дачу. Когда в 2008 году у меня случился инсульт, то, после больницы, я ходил гулять именно с этим «бадиком». Как-то, во время моей прогулки, ко мне подошёл здесь, в Москве, на Сумском проезде, житель соседнего с нами подъезда, попросил посмотреть, тоже поахал, спросил, а как я его сделал таким, гнул, что-ли. Я рассказал, что в отношении его формы я ничего не делал, всё сотворила природа. А этот сосед тоже ходил с палочкой, покупной, с упором под локоть. Он попросил продать ему этот костыль или поменяться с ним на его, но я сказал, что это память о моей бабушке. В июне 2018 года этому «бадику» исполнилось 50 лет.

Дождалась бабушка своего праправнука, Костю (Исайкова Константина Викторовича), от правнучки Ольги, по ветке от внука Миши. Умерла она в мае 1987 г. в тёплые дни, как и мечтала в последнее время. На похороны приезжала из Кишинёва Серафима Васильевна. Я встречал её в аэропорту Домодедово, а потом мы вместе приехали на электричке в Узуново.

И ещё. Я как-то, будучи в Яковлевском летом на каникулах, сделал из алюминиевой проволоки крест: простым, но непрерывным, перевивом длинной проволоки, не из кусочков. Потом молотком прошёлся по нему. Показал бабушке. Она попросила его себе. Положила вместе с подготовленной смертной одеждой и попросила положить его вместе с собой в гроб, когда умрёт. Так он сейчас в могиле и обретается вместе с прахом бабушки.

Могила бабушки Веры в Узуново, как там говорят, на новом кладбище, справа, примерно в пятидесяти метрах от входа, если идти по центральной аллее. Мы с Мариной практически каждый год приезжаем к Мише в Подхожее, и обязательно заходим (по пути или на обратном пути) на Узуновское кладбище к бабушке. А теперь уж там в округе их собралось много: в Серебряных Прудах – дядя Петя, бабушкин брат, с женой Фаиной Ивановной и дочкой Валентиной, в Подхожем – родители.

Глава 8. Баранов Иван Иванович

Когда я закончил 6-й класс (в 1962 г.), был тогда пионером, меня отправили в пионерский лагерь, под Тамбовом. Лагерь от работников потребкооперации. Мама работала в это время продавцом в нашем деревенском магазине, в Красном Кусте.

Лагерь был в лесу, настоящем, сосновом. Впервые пришлось увидеть, после степей-то, такую красоту и подышать совсем другим воздухом. Но речь не о том. Когда я приехал из лагеря, дома мне сказали, что приезжал дедушка, жалко, что, мол, не застал его. Он на гармошке нам играл, там научился.

У нас была гармошка, «хромка». Заработал на неё брат Миша, устроившись летом в нашем совхозном отделении наездником на лошади при подтаскивании волокуш соломы для стогования. Получил деньги. В это время у нас оказался каталог товаров, которые можно было заказать по почте. Тогда, при Н.С.Хрущёве, вошла в моду рассылка по деревням таких каталогов. Вот так и заказали гармошку «хромку». Получили эту посылку, в которой вместе с гармошкой был и самоучитель. Мы с братом что-то пиликали на ней. Но ни тогда, ни до сих пор так и не научились пиликать сколь-нибудь вразумительно. Ни он, ни я. У брата с музыкальным слухом были нелады. А у меня хоть и есть какой-никакой

музыкальный слух, но тоже нелады, а главное – нет таланта к игре. Одновременно я не могу пальцами разных моих рук перебирать клавиши с двух сторон гармошки. В конце концов, пальцы начинают все действовать одинаково, как на глоссах, правой рукой. А вот мой и Мишин друг, Саша Незнамов, практически сразу стал играть на этой гармошке. Да как ловко у него это получалось!

Как, впрочем, потом оказалось, что то же самое было и с приезжавшим дедушкой. У него тоже с музыкальным слухом были неполадки. Это, вероятно, для мужчин нашего рода, со стороны Чекалиных и Барановых, врождённое. Никого не знаю, кто бы что соображал по музыке. Я даже не говорю, что на чём-то сыграть, мы все, я имею в виду только мужской пол Чекалиных-Барановых, и спеть-то не мастаки. Да и из женщин-то, кто на памяти, я кроме тётки Тони, сестры отца, пожалуй, и не назову. Тётя Тоня была весёлая, плясунья, хороший организатор компаний. Я думаю, что в этом она пошла в свою тётю, сестру дедушки Васи, Марию Васильевну, которая была «сходатой» (свахой) во время дедушкиного сватовства. Ничего не скажу, но за праздничным столом у Чекалиных, в Серебряно-Прудских местах, очень много пели и плясали. Помогала тут чаще всего жена дяди Пети, Фаина (Фёкла) Ивановна. Добавили много такого же родня по линии жены брата Миши, которые прибыли сюда из Белоруссии. Словом, песни у нас пели все, кому не лень, а наша родня – только на подхвате, но с большим удовольствием.

Поэтому и понравилась потом Марина, которая очень любит петь и хорошо поёт. Бабушка Вера, помню, прямо обмирала от её пения. Особенно от песни «Ой, мороз, мороз!» Бабушка говорила, что прямо мороз по коже от этой песни...

Но возвращусь к дедушке с гармошкой. Дедушка-то у меня был один, Василий. Которого помню. Второго дедушку я тогда и не знал, потому что не видел никогда (он, дедушка Серёжа, отец мамы, погиб на войне в середине февраля 1945 года). Но тот дедушка, которого я знал, умер, в 1958 году, словом, совсем недавно по сравнению с 1962 годом. Я не мог понять, как это получилось, а уж большой был, сам-то, почти тринадцать лет. Вот, лес тёмный! А больше-то о нём, о дедушке, ничего не сказали, дальше о нём – тишина. И уже попозже сказали, что это был дедушка Петя, бабушкин брат, бабушки Веры. Но бабушкиных братьев я всех знал по именам, о них часто говорили: Степан, Прокофий, Осип. К приезду «дедушки» Осип уже умер, в начале зимы (первых месяцев) 1962 г. Да и письма я тогда писал за бабушку, в перечислениях имён Петра никогда не было. Все её братья жили в деревне Петровская. И что-то прояснилось уже совсем через большое время, после 1965 года, когда семья наша переехала в Московскую область, как раз в ту деревню, Яковлевское, Серебряно-Прудского района, где и жил тот самый дедушка. Правда, жил он в деревне рядом, в Шишково, через мост. Но это так рядом, что можно считать, что деревня одна. Как у нас, в Тамбовской, Красный Куст и Свободный Труд, или

Верблюдовка и Путь Правды. Звали мы его не дедушкой, а дядей Петей, хотя дядей был он моему отцу, поскольку бабушке был родным братом...

Как оказалось, у бабушки Веры было четыре брата и сестра. Самым младшим из братьев был Иван, 1910 или 1911 года рождения, моложе бабушки на 14-15 лет. В 1929 г., практически в конце НЭПа, когда стали переходить к другой политике в экономике, семью их раскулачили, больно богатыми стали своим трудом. Бабушка в это время уже жила в Красном Кусте, как раз год назад семья дедушки Василия переехала на новое место жительства. Ивану в то время было 16-17 лет. Когда пришли раскулачивать, то стали забирать практически всё, что попадалось под руку. Даже из-под лежачей тогда больной их матери, Евфимии Андреевны, парализованной, выдернули перину так, что больная упала на пол. Иван не стерпел и оттолкнул красноармейца. За такое сопротивление власти его арестовали, быстро судили и приговорили к расстрелу за сопротивление власти, помятуя, вероятно, недавние тамбовские события 1920-1921 гг., при которых расстреливали очень много (об этом можно посмотреть здесь же, в главе «Чекалин Михаил Васильевич»). Но ему удалось убежать. Приговор остался, естественно, в силе. Даже теперь и для двух расстрелов хватало, с побегом-то. Но куда подевался этот Иван Иванович Баранов – долгое-долгое время никому не было известно. Знали в семье, что, возможно, жив, поскольку искали его, наведывались и в се-

мью. Но так ничего и не было известно. Потом стали думать, что погиб где-нибудь. А он сумел скрыться. Его арестовывали, но ему удавалось каждый раз убежать. Потом уехал далеко от этих мест куда-то в Среднюю Азию, потом – в Сибирь. Приобрёл чужой паспорт. Но поскольку был абсолютно неграмотным (так и остался полностью неграмотным на всю жизнь), то паспорт ему достался с нельзя сказать, чтобы уж совсем незаметной фамилией – Счастливый, Пётр Селивёрстович. А попроще, у нас в деревне, он звался Петром Семёновичем. В этих документах был записан другой год рождения, 1908-й. Вместо положенного 1910 или 1911 (уж теперь я и не знаю, какой из них) при рождении и крещении Баранова Ивана Ивановича. Паспорт ему достал его же товарищ по несчастью и бегам. Просто сказать достал, скорее всего, взял у убитого им или не им, судя по фамилии, казака. Но дядя Петя говорил, что на его руках крови нет. Тот, его товарищ, просто отдал эти документы дяде Пете. Есть ли кровь на руках, нет ли, но ведь как-то добыты были эти документы, так и оставшиеся с ним на всю жизнь.

Эти события, имеется в виду – раскулачивание, примерно предварил Патриарх Тихон, направив в 1918 году в день празднования годовщины Революции Послание Совету Народных Комиссаров (приводится небольшая цитата из этого героического Послания):

«Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его

братскую кровью; прикрываясь различными названиями – контрибуцией, реквизицией и национализацией, вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных; потом под именем «кулаков» стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна».

Я сделал запрос в Архивный отдел Тамбовской области о Баранове Иване Ивановиче. В середине 2006 г. получил такой ответ из ГУ «Государственный архив Тамбовской области»:

«Облгосархив сообщает, что в архивном фонде Львовского сельсовета Токарёвского района имеется протокол №7 заседания президиума сельского Совета от 10.02.1933 г., на котором давалась характеристика хозяйству Баранова Ивана Ивановича, занимавшегося спекуляцией сельхозпродуктами: «До революции хозяйство кулацкое, скрывается. Неоднократно прибывал на место жительства; выбыл. Замечен в спекуляции». В принятом постановлении говорится:

«Считать Баранова Ивана Ивановича ярым спекулянтom. Привлечь по ст. 28 и насчитать дополнительный налог».

Судя по тому, что рассказывали родители, вряд ли это тот самый Иван Иванович, брат бабушки. Хотя и этот тоже был «ярый». Просто по его возрасту в 1933 году он не мог бы заниматься спекуляцией (надо правильно назвать – торговлей) мясом, поскольку его отец, Иван Николаевич, такими делами, в отличие от отца дедушки Васи, никогда не занимался, особенно после раскулачивания.

В Сибири дядя Петя женился, родилась дочка у них, Нелли (Петровна, а не Ивановна). Жена дяди Пети, Фаина (Фёкла) Ивановна, потом стала крёстной нашей дочери Веры, уже здесь, в Московской области. Крещение Веры проходило в Никольской церкви, что в Серебряных Прудах.

Работали Счастливые в Сибири на какой-то стройке. Да пришлось скоро уехать оттуда. Подходит как-то к дяде Пете прораб и говорит:

– Слушай, Пётр. Там работает у нас ещё один Счастливый. Брат, может быть, твой. Или родственник. Давай-ка я вас сведу.

Свести не пришлось, потому что дядю Петю только после этого и видели. Срочно собрали, что было из вещей, ребёнка в руки – бегом из этих мест с появившемся «братом». Переправлялись через реку на каком-то хиленьком плотике. Едва не утонули. Случилось это перед самой войной, в 1940 или

1941 году.

Во время войны дядя Петя попал в плен, в плену находился в Норвегии. После немецкого плена, как водится, попал уже в свой плен, советский, от НКВД, на пять лет. Обычное для всех дело, кто побывал в то время в плену. Ведь объявил же Сталин, что наших солдат пленных нет, только предатели, которые сдались немцам. А для предателей положено примерное наказание. То есть опять он пропал, теперь уже для своей жены. Писать дядя Петя не умел (был неграмотным), да и куда писать и откуда? Всё это было нельзя. Ссылку отбывал в Киргизии, женился там на Марии. Говорил, что очень хорошая была женщина. Но детей у них за сравнительно долгую жизнь так и не было. Десять лет прожил дядя Петя в Киргизии. А когда умерла Мария, то он вернулся к первой жене, Фаине Ивановне. Фаина Ивановна в это время вышла замуж, за Николая, родились у неё ещё две дочки, Света и Валя, Николаевны, конечно. Фаина Ивановна в Москве жила, где-то на Соколиной горе, а после возвращения дяди Пети они снова объединились в одну семью со всеми тремя детьми. Вскоре старшие Счастливые переехали в Серебряно-Прудский район, в деревню Шишково. Купили там дом. А квартиру в Москве оставили уже взрослым девочкам, Свете и Вале. Нелли к этому времени вышла замуж и жила в собственной квартире. Как оказалось – в Лефортово, недалеко от нашего студенческого общежития, в котором я некоторое время жил, пока ремонтировали наше по-

стоянное общежитие на Студенческой улице. Адреса-то я её не знал, просто мы случайно встретились в магазине, находившемся рядом с нашим общежитием и домом, в котором жила семья Нелли. Я несколько раз, пока общежитие было в Лефортово, был у них в гостях.

Здесь, в деревне, дяде Пете неграмотность уже не мешала. Об этом никто и не знал, кроме него и Фаины Ивановны. Расписываться она его научила, а в смысле газет или журналов, так он сам опережал вопросы, если к этому подходило дело:

– Я тут недавно статью одну в журнале прочитал ...

Вопросов нет.

Фаина Ивановна переписывалась с дядей Петей, при необходимости, своеобразно. Уходя на работу рано утром (работала она сварщицей), она насыпет на стол пшена – кур, значит, надо покормить, или положит картошку и в ней нож – почисть и приготовить на обед, а если нож рядом, то надо отварить картошку в мундире для поросёнка. И другие им известные тонкости...

Вот этот дедушка и приехал к нам в гости, в свои родные края. Было это, как я уже говорил, летом 1962 года, в год смерти его брата, Осипа Ивановича, вероятно, побывать на могиле давно не виденного им брата. Объявился он тайком. Потому-то и не говорили нам, детям, кто это такой. Дедушка – и всё. Он-то и сагитировал моих родителей переехать в Московскую область, в их деревню. Но не только родителей,

ещё до нас, по его подсказке, в Узуново из Петровского переехал с семьёй сын Осипа Ивановича, Василий (семья Василия жила в Узуново, в домах МСС, Московской селекционной станции, в Селекции, как там говорили)...

Дело в том, что нашу деревню, Красный Куст, дядя Петя навещал и раньше, в 1928 году, когда Чекалины после переезда строились в этой деревне. Его единственного от Барановых, не обременённого семьёй, направили на помощь в строительстве дома. У нас в деревне жила Полякова тётя Дуся (но девичья фамилия у неё была в то время другая), за которой он и ухаживал, тогда она была ещё «девкой». Примерно с месяц они и встречались. Возможно, что впоследствии что-то бы и получилось у них, в смысле образования семьи, но с конца 1929 года, с момента раскулачивания их семьи в Петровском, он уже находился «в бегах». В 1962 г. он приехал к нам в Красный Куст как раз в то время, когда я был в пионерском лагере. Вот он и ходил вместе с бабушкой навестить свою знакомую, Полякову тётю Дусю. (Поляковы от нас жили в деревне на другом её конце.) У неё в это время было уже четверо детей.

Когда собирались, бабушка его спросила:

– Пётр, а как же ты там назовёшься? Петром или Иваном?

– Да уж и не знаю, – говорит Пётр-Иван, давай, видать, по-старому, а то придётся что-то рассказывать, а я этого не хочу.

Человек дядя Петя был весёлый. На свадьбы и праздники

его приглашали с гармошкой. Играл он плохо, неправильно, с музыкальным слухом у него как-то не образовалось, но весело. Без пения дяди Петина гармошка ни одной песни не могла сыграть, не получалось. Выходила какая-то только ему известная мелодия, причём, для любой песни, в конце концов, одна и та же. Но, к счастью, без пения гармошка не была, что и выручало. Хотя сам дядя Петя, я думаю, этого и не замечал. Больше на правильную игру направляла его Фаина Ивановна. Она пела хорошо. Но требования к деревенскому гармонисту были не очень высокие, на свадьбе это или на каком другом празднике. Под громкие песни и гармошку не слышно, а под пляски с обязательными частушками – и по-давно.

Да он и сам соображал, что как-то не так у него получается с игрой на гармошке. Я-то пользовался самоучителем, да ещё и мог по одной клавишке подбирать ту или иную мелодию той или иной песни. Вот, как-то, сижу (в Яковлевском), подбираю известную плясовую на слова «Базар большой, в нём народу тыща, дед бабку потерял, по базару ища». Получилась даже как-то и с небольшим перебором. Заходит дядя Петя, слушает, говорит, что очень хорошо получается по нотам, прямо заслушаешься. А я же без нот, таких нот у меня не было, самоучитель просто лежит рядом. И немного у меня с басами получалось. Разучивал я и вальсы, «На сопках Манчжурии», «Дунайские волны», «Берёзка» и другие, военные песни. Дяде Пете очень нравился вальс «На сопках

Манчжурии», а из военных – «В землянке», кажется, называется, в которой «Вьётся в тесной печурке огонь...», и «Тёмная ночь». Приходил, когда я приезжал на каникулы, и просил сыграть что-нибудь из нравившихся ему вальсов и песен и ещё этот самый «Базар большой...»

Жили дядя Петя и тётя Фаина, как я сказал выше, в деревне Шишково, что через мостик от деревни Яковлевское. Сейчас, кажется, все эти небольшие деревеньки называются Яковлевским. Для поездок он пользовался велосипедом. Да и Фаина Ивановна, хотя и была не очень маленького веса, но тоже ездила на велосипеде. А дядя Петя приезжал на велосипеде из Шишково к нам, в Яковлевское, хотя там всего три шага. Но когда они жили в Серебряных Прудах, то он часто и из Прудов к нам в Яковлевское приезжал на велосипеде (родители прожили в Яковлевском тринадцать лет, а потом, в 1978 году, получили квартиру городского типа в селе Узуново, в микрорайоне «Северный»). А это уже примерно пятнадцать километров в один конец, от Серебряных Прудов до Узуново.

В Шишково он загорелся купить мотороллер. И купил. Долгое время мотороллер стоял в сарае. Мы говорили ему, мол, зачем он тебе. На что он заявлял, что пусть стоит, заведу его, побурчит, а мне и спокойней становится, всё – техника в доме. Но потом он научился, всё-таки, с ним управляться. А до этого, когда мотороллер стоял ещё без движения в сарае, мы в сентябре помогали дяде Пете и тёте Феше копать

картошку. Народу собралось много: мы, Чекалины, папа, мама, я, потом их дочки, Света с мужем Мишей и Валя с мужем Славой, была, кажется, и дочка Нелли. Были и кто-то из деревенских, женщины-соседки. Как это, вообще говоря, и принято в деревнях – помогать по-соседски друг другу, пока погода позволяет убраться с землёй. Закончили с огородом, пока собирали угощение на стол, мы с Мишей, мужем Светы, попросили у дяди Пети прокатиться на мотороллере. Он согласился. Мы уселись, Миша за рулём, а я сзади, и поехали по полю, по грунтовой полевой дорожке в сторону шоссе Кашира-Серебряные Пруды. Уже было темно. Выезжаем на шоссе, а там, на перекрёстке, – дорожная Серебряно-Прудская милиция. Остановили нас, права, говорят, давайте. А какие у нас права, тем более – на этот мотороллер. Мы и так, и сяк. Объяснили ситуацию. Сказали, кто мы и зачем тут. Я говорю, что приехал к родителям, Чекалиным, в Узуново, помочь с картошкой. Но Чекалиных они не знали, поэтому попросили назвать кого-то из узуновских шоферов. Я и назвал Николая Ерёмчева, он был шофёром нашего директора совхоза. Его-то они хорошо знали. После этого нас благополучно отпустили.

И ещё про мотороллер, про то, как дядя Петя научился, всё-таки, на нём ездить. События происходили где-то в конце 1960-х годов. Сам дядя Петя ездить на мотороллере не умел, хотя на велосипеде ездил. Здесь речь только о том, что он не умел управляться с урчащей техникой. Стоял у него

во дворе, время от времени заводил этот мотороллер и слушал «живую душу». Но потом ему это прискучило, решил заодно и освоить саму езду на нём. Понятия, конечно, не имел, что там у него, мотороллера-то, почём. Да и почитать не мог об этом, поскольку по жизни своей остался абсолютно неграмотным. Жена научила его только расписываться, потому что уж без этого прямо никуда, даже зарплату не получишь.

Надо сказать, что мотороллер – весьма неудобная для поездок машина. Конечно, человек на нём сидит не верхом, как на велосипеде или мотоцикле, а как на стуле, обе ноги свободно на плоской поверхности рамы. Но сама машина тяжёлая, колёса маленькие, меньше, чем у мотоцикла. Словом, нужен сравнительно хороший навык в его управлении.

За обучение взялись два его зятя, Слава и Миша (соответственно мужа дочерей Валентины и Светланы). В конце концов, научили его с горем пополам трогаться с места и справляться с переключением скоростей. Но это было в обязательном присутствии на заднем сиденье кого-то из зятьёв, которые могли, в случае необходимости, что-то поправить. Настала пора этому дяде уже одному ехать на «живой душе». Он сам посчитал, что уже вполне этому научился. Сел, тронулся с места, поехал, скорости переключал правильно, и с рукояткой газа управлялся тоже правильно. Накатался, поехал к нам, зрителям. Слышим, что-то кричит. А кричит он просто страшным голосом: «Как остановиться? Как оста-

новиться-то?!!» Это надо было видеть: на движущемся мотороллере сидит очень бородатый дед и что-то громко кричит. Оказывается, зятя научили его только троганию с места и движению, а вот про остановку просто забыли. Дядя дал несколько кругов по мокрому лугу (только что прошёл сильный дождь) всё с таким же криком, «как остановиться-то!». Один из зятьёв перехватил его на каком-то кругу, прокричал: «Не газуй!» Но у дяди и со страху скорость была сравнительно большая, да ещё он услышал «газуй», не услышав частички «не», поэтому подбежать и помочь к движущимся двум живым душам было уже невозможно. Но он понял, всё-таки, что газовать сильно нельзя, но и сбавить газ до конца не мог, потому что рука застыла в каком-то положении, а дальше ручку газа не прокручивала, ни туда, ни сюда. На одном из кругов дядя въехал в дождевую лужу, к счастью – на повороте руля. Вот это его и остановило, поскольку обе живые души оказались на боку в луже.

Но потом он даже из Шишково приезжал на мотороллере к родительскому дому в Яковлевском, и потом уже и из Серебряных Прудов приезжал к ним в Яковлевское и в Узуново...

Вспоминаю рассказ дяди Пети о своём пальто, которое они с Фаиной Ивановной купили в Москве на барахолке (на рынке) перед самым переездом из Москвы в Яковлевское (Шишково). Пальто это я видел, да и в руках подержал, поэтому вспомнилось об этом и появилось некоторое желание

об этом и рассказать. Тяжести оно было необыкновенной, даже невероятной, прочное, как броня на танке Т-34, а то и «Клим Ворошилов». Если его не надевать, а просто поставить на пол, то оно так и оставалось таким шатром-балахоном. Но какое-то время дядя Петя его носил. Потому что куда деваться-то? Больше одеть было нечего. Ещё была телогрейка, но она для работы, а в люди выйти в ней неудобно. Выйти в люди было непременно обязательным. Сходить, например, попить пива в буфете на станции Узуново. В то время на станции Узуново был буфет, в котором, кроме всего прочего, иногда появлялось даже пиво. Даже, кажется, и бочковое. Мы, когда появились в тех местах, ещё застали этот буфет на вокзале, года два или три он при нас существовал. Так вот, для того, чтобы попить пиво, надо было одеться прилично, почти как в ресторан, за неимением какого и буфет был тем самым раком, который на безрыбье именуется рыбой. Дядя Петя ходил в буфет в том самом неподъёмном пальто. До некоторой поры. С каких-то пор один из буфетных попутчиков пристал к дяде Пете с вопросом:

– Ну и пальто!!! Вот так пальто!!! Где же ты такое взял? А?

Раз так спросил, другой, а на третий дядя Петя переоделся в телогрейку, а пальто было отправлено на крюк поближе к сараю на сохранение до «лучших времён», которые скоро и наступили, и о которых дальше я немного расскажу.

Переехали мы в деревню Яковлевское в конце 1965 г. Я остался сначала в Полетаево доучиваться в школе, ещё две

четверти, но потом и меня, после Нового года, забрали туда же, мама приехала и забрала. Сначала жили мы в одной комнате восемь человек: папа, мама, бабушка Вера, я, жена брата, Надя с дочкой Олей (брат Михаил в это время уже служил в армии, на Сахалине), сестра Валя, да ещё Соня, сестра Нади. Это была не комната, а сплошная кровать по периметру, а в середине – круглый обеденный стол. Потом, ещё до возвращения брата из армии, нам дали на нашу семью отдельную квартиру из трёх комнат, проходных друг через друга, на семью брата – отдельную, двухкомнатную, всё в том же доме, но в разных подъездах. Наш подъезд был двухквартирный. Через некоторое время, примерно в 1967 году, в соседней с нашей квартире поселился Годин Николай Поликарпович с семьёй: ещё жена и сын, Михаил, года на два моложе меня. Второй их сын, старший, жил отдельно. Николай Поликарпович был уже пенсионером, а до пенсии работал где-то под Архангельском надзирателем в тюрьме. После выхода на пенсию семье Годиных дали сначала немного пожить здесь, а попозже дали им квартиру городского типа в Подольске, на Большой Серпуховской улице. Я уже после их переезда в Подольск был как-то у них на проводах Миши в армию. Они жили не в самом Подольске, а на станции «Весенняя», кажется. Так вот этот дотошный Николай Поликарпович заинтересовался, почему это родной брат Веры Ивановны, бывшей в девичестве Барановой, бабушки моей, прозывается Счастливым, такой необычной для русского слуха

фамилией, да ещё и Семёновичем, а не Ивановичем. Бабушка уж и так, и сяк, мол, это двоюродный брат, от тётки. А оба здорово похожи друг на друга. Такая схожесть, бывает, конечно, и у двоюродных. Но до соседа это не дошло. Он, вероятно, и заявил куда следует. И совпало это как раз с тем, что у дяди Пети сгорел дом в Шишково и все его документы. Наступило то самое «лучшее время», о котором я намеревался выше рассказать. «Лучшее время» для его пальто, которое сгорело при пожаре, так что совсем отпала необходимость в том, куда бы его деть. А вот документы пришлось «выручать» новые. Без пальто можно было прожить, а без документов никак не получается.

Я думаю, что по заявлению Николая Поликарповича делали запрос в края, где родился Пётр Селивёрстович Счастливый, а потом уже и запрос в места, где родилась бабушка. А может быть, что и не от Николая Поликарповича это пошло. Дело в том, что сваха дяди Пети, мать его зятя, Боташука Славки, мужа приёмной дочери Валентины, была родной сестрой начальника милиции. Может быть, дядя Петя как-то по-родственному проговорился. Но вряд ли, скорее всего, что дочь его, Валентина, Славке рассказала, а уж он – матери. Впрочем, то и другое вряд ли было, поскольку происхождение этой странной фамилии держалось в строжайшем секрете. Во всяком случае, названное несоответствие стало известно в милиции.

Паспорт «выручался» долго, потом вызвали дядю Петю в

милицию (а он о запросах, естественно, ничего и не знал), и начальник милиции сказал ему, прямо с порога в лоб и ошарашил:

– Так вот ты какой, Иван Иванович Баранов?

Но паспорт выдали снова на чужую фамилию. Ходила к начальнику Фаина Ивановна, всё рассказала, как было в жизни Ивана-Петра. Да и бычка для подкрепления правды зарезали. В результате этого выявленный Баранов вышел из милиции всё тем же известным всем Счастливым Пётром Семёновичем (Селивёрстовичем), дядей Петей.

После пожара построили новый дом, но дядя Петя о случившемся затосковал, забоялся возможных последствий. Он уже по своей жизни не доверял государству и его законам, не верил, да и правильно делал, пресловутой «давности лет». Решили продать дом и переехать в Москву, в прежнюю квартиру Фаины Ивановны. Так и сделали. Дом у них купили Фетисовы, наши земляки по Тамбовской области, из деревни Калиновка.

Прожили Счастливые, наверно, год в Москве. И снова затосковал наш дядя Петя (Ваня). Нет рядом никого знакомых, а он не привык к этому. Москвы не знает, да ещё и неграмотный. Поехал он один раз в баню на автобусе «тройке» (квартира их на Электрозаводской или Семёновской была), а приехал на Красную Площадь. Автобус № 3 ходил из Измайлово до Красной Площади.

Находясь в Москве, дядя Петя и тётя Фаина подыскива-

ли себе жильё в ближнем Подмоскowie. Помню, по-моему, в 1973 или в 1974 г., они ездили посмотреть дом во Фрязино. Там, во Фрязино, жили их хорошие знакомые, которые и посоветовали этот дом. На знакомство с местностью и домом ездили дядя Петя с тётёй Фаиной и, дополнительно, взяли меня и папу с мамой. Так что компания получилась довольно большая. Отец с матерью, я думаю, ездили тоже что-нибудь присмотреть.

Знакомые дяди Пети и тётёи Фаины жили в квартире городского типа в доме, который находился напротив озера. Потом, когда мы жили на даче Меншутиных во Фрязино, мы тоже гуляли к этому озеру, я его и вспомнил, что мы тут были вместе с той большой компанией. Помню, что во время прогулки по берегу озера (со стороны железной дороги) тётёя Фаина и её знакомая с мужем пели песни, очень хорошо у них получалось, на три голоса. Особенно хорошо, я помню, у них получалась «А где мне взять такую песню?». В этой песне есть такие слова: «...и чтоб никто не догадался...». Тётёя Фаина всегда пела так: «...и чтоб никто не сдогадался...».

Посмотрели дом и поместье, ничего не понравилось, да и хозяйева дороговато запросили.

Из Москвы возвратились оба с Фаиной Ивановной назад, только не в эту же деревню, а в посёлок Серебряные Пруды, в районный центр. Дом купили старый купеческий, с метровыми по толщине стенами. Этот дом самый первый справа, как въезжаешь в Серебряные Пруды по старой Каширке.

Подвал большой, ростом с дом. Тоже кирпичный. Завели хозяйство, домики для скота и птиц построили, огород. Словом, привычная жизнь началась и здесь. Сейчас на поместье Счастливых в Прудах строится (а может быть, уже и закончен строительством) большой дом сыном Светланы Николаевны, дочери Фаины Ивановны.

Когда они возвратились в Серебряные Пруды, точно сказать не могу, но что точно – в 1977 году они уже жили там. В этом году мы крестили Веру в Прудской Никольской церкви, крёстной была Фаина Ивановна, которую мы прихватили прямо из дома. После крестин зашли к ним домой, немного отметили это дело, а потом уже на автобусе (от моста) – в Узуново. Фаина Ивановна прямо упарилась с этими крестинами: лето, было очень жарко, а Вера просто раскапризничалась у неё на руках.

Когда шли от автобуса домой, в Яковлевское, то нам навстречу просто бежала тётя Тоня, приехала в гости. В том месте, где мы жили, в Яковлевском, уже не надо было подавать телеграмму о приезде, встречать-то необходимости не было, станция рядом. Поэтому очень часто такие приезды были неожиданными. Часто просто знали, что кто-то приедет где-то в начале августа, например. В письме раньше написал. А когда родители жили в Узуново – и по-прежнему, дом наш стоял напротив станции. Но, правда, надо было перебраться через железнодорожные пути, что сначала было проблематично. Потом построили от станции мост на сторо-

ну администрации совхоза, в сторону микрорайона «Северный», в котором и жили родители...

Я часто бывал в доме дяди Пети и тётки Феши в Серебряных Прудах, когда приходилось за чем-нибудь ездить в Пруды. Меня очень поражала толщина стен этого бывшего купеческого дома. Дядя Петя в своей спальне даже сделал (вырубил) в кирпичной стене нишу-ухоронку для размещения в ней самогонного аппарата. Как и многие в деревенской местности, он готовил самогон, но не для продажи, а для себя. Самогон у него был не очень крепкий, около сорока градусов. Отцу не нравилось, что дядя Петя специально уменьшает крепость самогона, отец любил покрепче, уж меньше семидесяти градусов у отца и не бывало. Хороший или не хороший самогон у дяди Пети, но мне он больше нравился своей мягкостью, чем у отца. Когда я приезжал в Яковлевское или Узуново к родителям, отец за столом наливал стаканчик самогонки, а я разбавлял потом до удобного мне вкуса. Так вот он на это прямо обижался, зачем, мол, разбавлять. Сразу выпил, мол, и закусил. «Всего и делов-то!» – как он говорил.

Когда мне приходилось бывать в Серебряных Прудах, то я обязательно заходил и к дяде Пете с тёткой Фаиной. В один из таких заходов дядя Петя был один дома. Сели за стол, на столе кастрюля с чем-то мясным, солёные огурцы, квашеная капуста, бутылка с «мягкой» самогонкой. Дядя Петя сказал, что он сейчас угостит меня тем, что я никогда не ел. Действительно, никогда не ел, поскольку это были голуби, кото-

рых он отлавливал во дворе. А потом он долго рассказывал мне о своей жизни, с самого времени раскулачивания и до сегодняшнего. Родители-то об этом знали, но для других всё держалось в секрете. Сам решил рассказать, то это уже его дело...

Отец рассказывал, что однажды они с дядей Петей сидят, выпивают. Дядя Петя и говорит:

– Иван, я тут слышал, что каждые сто грамм водки сокращают жизнь на три дня? Ты слышал? А я вот подумал, эх, да пусть я поживу поменьше, но лучше уж выпью!

Полагаю, что он не был трусом в своей жизни. Когда он в 1984 г. заболел, то почувствовал, что может оказаться обузой для детей, а больше – для Фаины Ивановны. Решил избавиться её от этого, но не получилось, Фаина Ивановна вовремя возвратилась с работы. Она его как следует отругала за это. В другой раз у него всё получилось, как ему и хотелось.

На похоронах было много народа. За одним столом не поместились, только в два приёма. На кладбище сначала несли гроб на руках. Мы с Мишей шли в головах. Прошли мост через реку Осётр, а потом на машине – до кладбища.

Не так всё просто получилось и с кладбищем. В кузове машины сидел на табуретке уже изрядно подпивший серебрянопрудский мужик. Он выбрасывал время от времени на дорогу хвойные веточки. Подъехали к кладбищу, сняли гроб. На краю в кузове остался на табуретке тот самый мужик. Машина немного тронулась с места, чтобы дать народу окру-

жить гроб с телом дяди Пети, а мужик тот кувырком с неё и свалился. Все прямо ахнули: ну, ещё один покойник! Но тот отряхнулся и, как ни в чём ни бывало, засмеялся. И всё тоже засмеялись, хоть и время было совсем не подходящее. Так и получилось, как дядя Петя говорил. Хочу, говорит, чтобы на моих похоронах гармошка играла, пели песни и плясали. Песен не было, не плясали, и гармошка не играла, но, всё-таки, посмеялись...

Примерно подобный «заказ» сделала своим детям тётя Катя Никулина. Никулины и их родственники Михайловы переехали в Яковлевское после нас. До этого жили они (два дома рядом) в Верблюдовке, после нашего Красного Куста следующий порядок домов, как продолжение нашей деревни. И в Яковлевском они построились тоже рядом. Тётя Катя работала птичницей. Ещё раньше, в Верблюдовке, её сагитировали вступить в КПСС. Она так и сделала. Так вот, она своим детям заказала, чтобы гроб из дома на кладбище выносили под полонез Огинского. Это она сказала и нам, когда мы с мамой и Мариной заехали повидаться с Никулиными (мама в это время жила Узуново, а папу уже похоронили). Дети её немного перестроили «заказ»: включили заказанную музыку, но за поминальным столом...

Если выезжать из Серебряных Прудов через мост по Каширке, то недалеко, по правой руке, будет кладбище, где похоронен под чужой фамилией, счастливый или несчастливый, ему самому и решать было, Баранов Иван Иванович, с

чужой датой рождения (1908 г.), но с собственной (1985 г.) – своей смерти. Но Баранов Иван Иванович – это для нас, а для других записано, что здесь упокоился Счастливый Пётр Селивёрстович. Рядом с ним – его дочь, Ботащук Валентина Николаевна. Она не его дочь, но разницы они с Фаиной Ивановной между ними не делали, что Нелли, что Света, что Валя. На этом же кладбище, через 17 лет после него, в 2002 году, в марте месяце, 3-го числа, упокоилась и Фаина (Фёкла) Ивановна. Такая же Счастливая, как и он сам. Похоронена она в другой могиле, по той же стороне, но немного по-дальше.

Мы с Мариной в какое-то время проезжали мимо этого кладбища, зашли навестить наших бывших знакомых. Но нашли только могилу дяди Пети (с Вале́й), а могилу тётки Феши найти не смогли, хотя я раньше как-то на неё напал, но не запомнил, где она находится.

Светлой вам памяти!

Глава 9. Кудинов Сергей Егорович

Родился Сергей Егорович Кудинов, дедушка Серёжа, в Троицких Росляях (Тамбовской области, а тогда – губернии, Токарёвского района, а тогда – Тамбовского уезда, ну и, понятно, какой-то волости) 21 июля 1906 г., на праздник Казанской иконы Божией Матери, по новому стилю. Но тогда был ещё старый стиль, поэтому по старому стилю он родился 8 июля. В наградных дедушкиных документах (военного времени) записано, что он родился в Грязных Дворицах. Это не так. Грязные Дворицы там есть, недалеко от Токарёвки (мы их, в окрестных деревнях, называли – Грязные, с ударением на последний слог). Скорее всего, в его документах, с которых списывали место рождения, вместо Троицких Росляев записали Грязные Дворицы, которые для Троицких Росляев являлись сельским советом. Точно также, рождение в Грязных Дворицах, записано и для его брата, Григория, в Книге памяти Щёлковского района, где он работал и откуда был мобилизован в 1941 году. (В 1959 году Грязные Дворицы переименовали в Рассвет.)

В 1914 г. дедушка пошёл в начальную школу, окончил три класса. Он сам так записал о своём образовании, в марте 1943 года в документах по приёму в члены ВКП(б), во время войны. Похоже, что после революции 1917 г. некогда было заниматься учёбой.

В Троицких Росляях было две школы, земская и церковно-приходская. Думаю, что он учился в земской школе.

В 1925 г. Кудиновы сосватали у Выгловских их дочь, Марию. Венчание Сергея и Марии проходило перед Рождественским постом, то есть по новому стилю – в середине ноября месяца, а может быть, и непосредственно на осеннюю Казанскую, которая приходится на 4 ноября по новому стилю. Тем более, что праздник иконы Казанской Божией Матери тому и другому венчающимся был очень близок, потому что оба родились в один день и в один год на летний праздник этой иконы, 21 июля (8 июля по старому стилю).

Дочерей у Выгловских было много, надо было избавляться от них в такое нестабильное время, хотя уже полным ходом шла новая экономическая политика (НЭП)...

Об этой политике надо немного рассказать. Объявлена она была весной 1921 г., в марте месяце, на X съезде РКП(б). Существовавшая до этого продразвёрстка, при которой у крестьян безвозмездно изымалось 70% урожая (зерна), заменилась продналогом, который предусматривал изъятие только 30% урожая. Тоже, правда, безвозмездное, но всё-таки. Но такое положение не касалось Сибири, Украины и Урала, поскольку они остались должниками советской власти по продразвёрстке. Только в 1922 году им удалось компенсировать этот долг, ценой дополнительных человеческих жизней. Да и с продналогом не все были согласны. В Саратовской губернии из-за этого несогласия было убито по-

что шестьдесят повстанцев. Больше всего замена подразвёрстки на продналог явилась реакцией Кремля на мощные крестьянские выступления, особенно – в Тамбовской губернии, так называемая «антоновщина». Об этом сравнительно подробно рассказано в главе 6 («Чекалин Михаил Васильевич»). Такое положение, то есть – условия существования НЭП, продолжалось практически до середины 1928 г., после чего начались известные индустриализация и коллективизация. Понятно, что хозяйственные семьи значительно окрепли за эти семь лет НЭПа. Вот с них и началось раскулачивание, прямо в том же 1928 году, а больше – в 1929 году, и уж совсем массовое – по Постановлению Политбюро № 55 ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулаческих хозяйств в районах сплошной коллективизации» и СНК ЦИК СССР от 01.02.1931 г. До этих постановлений ещё было хоть какое-то, хотя бы и условное, деление на «кулаков, середняков и бедняков», как это ещё раньше определил наш вождь всех времён и народов вечно живой В.И.Ленин. Правда, вождём всех времён и народов называли потом И.В.Сталина, но я нисколько не погрешу и Ленину прилепить такой же титул. Словом, как в фильме «Чёрный принц», в беседе со следователем Зориным (играет В.Санаев) сын бывшего купца сказал: «Потом пришёл гегемон, и всё пошло прахом». Ведь действительно же «пошло прахом».

Приведу пп. 3 и 4 указанного выше Постановления Политбюро ЦК ВКП(б):

3. В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-средняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям, принять в отношении кулаков следующие меры:

а) первая категория – контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;

б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края;

в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

4. Количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств должно строго дифференцироваться по районам, в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем,

примерно, 3 – 5%.

Настоящее указание (3 – 5%) имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств.

Выселению и конфискации имущества не подлежат семьи красноармейцев и командного состава РККА. В отношении же кулаков, члены семей которых длительное время работают на фабриках и заводах, должен быть проявлен особо осторожный подход с выяснением положения соответствующих лиц не только в деревне, но и у соответствующих заводских организаций.

На начальном этапе раскулачивали только тех, кто использовал в своём хозяйстве наёмный труд. Хотя по положениям НЭПа не запрещалось использовать наёмный труд, да и как-то не совсем правильно при такой форме хозяйствования, не использовать наёмных работников.. Потом принялись за зажиточных, по определению и разумению тех людей в деревне, которые не смогли во время НЭПа хоть как-то наладить своё личное хозяйство, по лени или неспособности к этому, но которые, естественно, входили в состав определителей кулаков и врагов народа. А потом и вообще ликвидировали само крестьянство и охоту к земледелию, раскулачив и середняцкие хозяйства. Это был верный путь к гибели России, и он благополучно состоялся. Писатель В.В.Набоков

как-то сказал, что Россию погубили два Ильича. Один – Владимир Ильич Ленин, а второй – Илья Ильич Обломов...

Венчание девятнадцатилетних будущих супругов, как говорилось выше, проходило перед рождественским постом, который начинается по новому стилю 28 ноября (в гражданской жизни уже использовался новый стиль) и продолжается 40 дней. Может быть, и так, но, повторюсь, венчание проходило ещё до наступления рождественского поста. Во время постов, а также по средам и пятницам, которые являются в православии постными днями, венчание церковью запрещено.

Привезли на венчание невесту, Марию, с головой закрытую шалью. Дедушка говорил тогда, что он шаль потихоньку открыл посмотреть, кого ему в жёны отдают. А то ведь могли бы и другую посадить. Обвенчают, а потом и деться-то некуда. Случилось ведь такое у соседки бабушки Маши по Красному Кусту, Панюшкиной Ариши. Их было две дочери, Ариша и Хавронья (но фамилия их была тогда не Панюшкины). Посватался за Аришу наш деревенский Васька Раб (Раб – это прозвище, фамилию не знаю), а на венчание подсунули ему Хавронью.

Как известно, во время ещё Средневековья, в том числе и в московском государстве, супруг мог впервые увидеть свою супругу только в брачной спальне. А во время крепостного права и вообще, крепостные строились рядом и – кому кто достанется. В царских семьях ещё пытались изобра-

зить «личность» невесты в виде рисованного портрета. Однако это не очень приветствовалось, поскольку опасались возможного колдовства и порчи человека через его изображение.

В царствование Михаила Романова (первого царя из ветви Романовых), в 1641 г., в Москве появилось посольство Дании во главе с Вальдемаром, сыном короля Христиана IV. Целью этого посольства, по договорённости между царствующими особами, была женитьба Вальдемара с дочерью Михаила Ириной. Впрочем, Вальдемар не стремился стать мужем Ирины, хотя ему со всех сторон расхваливали невесту и даже демонстрировали её «личность». Как пишет об этом К.Валишевский в книге «Первые Романовы»:

«Тщетно ему расхваливали прелести царевны. Он мог убедиться только, став её мужем, и должен был верить на слово, что невеста отменно прекрасна и по своему образованию совсем не походит на других русских девушек. Никогда она не упивается до пьяна. Скромная и разумная во всём, всю жизнь она ни разу не была пьяна».

Упорное сопротивление Вальдемара перейти в православную веру, что означало просто перекреститься по-новому, не позволяло совершить бракосочетание. Вальдемара просто не отпускали из Москвы, надеялись, что он сдастся. Но всё оказалось напрасным. Его отпустили (выслали) из Москвы

только после смерти царя Михаила Фёдоровича.

Но наша Мария оказалась Марией, как и было об этом договорено...

Семья стала жить в Троицких Росляях, у Кудиновых, родителей Сергея. Первыми у Сергея и Марии родились дочери: Зинаида (1926 г.), Александра (1927 г.) и Мария (1929 г.). Потом – два сына, Пётр и Евгений. Сыновья умерли ещё маленькими. Пётр умер в возрасте шести месяцев, а Евгений – в возрасте примерно четырёх лет. Семья Кудиновых в это время проживала уже в деревне Свободный Труд, в полуземлянке. Пётр был похоронен на кладбище в Троицких Росляях, а Евгений – на кладбище в Полетаево.

Дедушка Серёжа после женитьбы до 1929 г., до раскулачивания Выгловских, работал вместе с тестем, Василием Петровичем. Когда в 1929 г., поздней осенью, Василия Петровича раскулачили, то заодно и арестовали его зятя. Но вскоре отпустили, поскольку он был только рабочим, а совладельцем не был. Но потом спохватились, рабочим не рабочим, а тесть – купец. Это раз. Второе, сам Сергей Егорович был из сравнительно зажиточных (средняцких, как он сам о себе указывал в регистрационной анкете при приёме в члены ВКП(б) в марте и августе 1943 г.), дома понастроили там кирпичные в их родне по всей деревне. Раскулачили и Кудиновых. Отобрали всё. Бабушка Маша в это время была беременна третьей дочкой, Марией, примерно на седьмом месяце. Во время раскулачивания она лежала на постели. При-

шли раскулачиватели, стали хватать всякое домашнее имущество, посуду, какая была, чугуны от печки, даже рогачи и ухваты, из-под бабушки выдернули перину, так что она даже свалилась на пол. (Подобное произошло и с мамой бабушки Веры, парализованной Евфимией Андреевной, я об этом писал выше в главе «Баранов Иван Иванович».) Может быть, поэтому и была некоторое время родившаяся у Кудиновых в конце декабря месяца Мария очень слабенькой, думали даже, что и не выживет. В их деревне у них ничего не осталось. Взяли всех Кудиновых к себе в дом тоже Кудиновы, дядя дедушки Серёжи, Трофим Пименович и его жена Матрёна Егоровна. Взять-то взяли, но их и самих-то было одиннадцать душ. Вскоре раскулачили и семью Трофима Пименовича, поскольку в их хозяйстве ко времени раскулачивания насчитывалось две коровы и четыре лошади. Ну, куда такое годится? Полное безобразие, поскольку цель революции – уничтожить богатых.

Решили после этой зимы дедушка Серёжа с бабушкой Машей попытать счастья в других краях. Уехали с тремя девочками, сыновей тогда ещё у них не было, в Сталинград (теперь – Волгоград), прозываемый в народе и в начальной истории этого города – Царицыным (скорее всего, ударение в первом слове на *a* – Царицын). Дедушка работал в Сталинграде на тракторном заводе. Однако пришлось скоро вернуться в родные края, потому что бабушка Маша заболела там лихорадкой. В Троицких Росляях сначала сняли кварти-

ру. А потом уж и появилась у них и своя землянка, но не в Росляях, а в Свободном Труде, уже поближе к нашей деревне, Красному Кусту, что через пруды (лощину) несколько к северу. Ну, это совсем недалеко от нас, практически – одна и та же деревня, только что через небольшую лощину. Дедушка сначала хотел поставить дом из оставшегося после раскулачивания материала. Но этого материала не хватило, из него хватило поставить только стены, начиная, примерно, от подоконника – подоконник был на уровне земли. А остальные стены продолжались непосредственно землёй, глубиной примерно с метр.

Сюда, в этот «дворец», зимой 1933 г., переехала к ним на зимовку тоже уже раскулаченная к тому времени вся семья бывшего купца Ивана Леонтьевича Мезина, которым решительно некуда было деться. Даже на землянку ничего не осталось. Собралось тринадцать человек. В землянке дедушка сам сложил русскую печку, да ещё и дополнительно плиту, чтобы еду готовить, когда на улице тепло, и не было необходимости протапливать русскую печь. Вот так и перезимовали, на одной кровати-полу.

В этой землянке и встретили «Зимнюю войну» с Финляндией 1939-40 гг. и следующую войну 1941 г. с Германией.

Первая война для дедушки Серёжи – с Финляндией. Из двух деревень, Красного Куста и Свободного Труда, взяли на эту войну трёх человек. Из Свободного Труда оказался только один – дедушка...

Война СССР с Финляндией, как известно, получилась в два этапа. Первый этап начался 30 ноября 1939 г. в 8 часов утра по московскому времени и закончился 30 марта 1940 г. Этот этап назывался (и называется в исторических документах) «Зимней войной». Второй этап начался практически одновременно с началом войны с Германией: первые боевые действия – 25 июня 1941 г., а закончился этот этап подписанием 19 сентября 1944 г. в Москве договора о перемирии, затем – мирного договора 10 февраля 1947 г. в Париже. (Здесь следует дать небольшое уточнение: 25 июня войну с Финляндией первым начал Советский Союз, а не сама Финляндия.)

Граница СССР с Финляндией до 1939 г. проходила очень близко от Ленинграда, чуть больше 30 километров (из орудий крупного калибра можно было достать до города).

Такую границу определили после выхода Финляндии в декабре 1917 года из состава России. Признание этого выхода с оговоренными границами было утверждено В.И. Лениным в конце декабря 1917 года в процессе подготовки образования СССР.

Такая близость Финляндии к границам СССР была очень неудобна. Нашим правительством было предложено Финляндии отдать Советскому Союзу часть территории на Карельском перешейке с компенсацией территории в другом месте (по площади для Финляндии даже слишком выгодно, предлагалась территория, почти в два раза большая, чем

просили у финнов). Финны отказались. Были и множество других предложений со стороны СССР, но Финляндия никакие из них не приняла. Правительство СССР решило отводить эту территорию. Сталин 26 ноября 1939 года, в узком кругу, по этому вопросу сказал, что теперь война с финнами неизбежна, сегодня, мол, и начнётся это действие.

А «действие» состояло в проведении вооружённой провокации. Войска НКВД 26 ноября 1939 года, в 15 часов, обстреляли свои же позиции в районе Майнил («Майнильский инцидент»). Обвинили в этом Финляндию. А уже с 30 ноября начались открытые военные действия, без официального объявления войны (как это определяется по политическим меркам – вероломно).

Был образован Ленинградский фронт, противостоявший 15-ти финским дивизиям и воинским укреплениям, которые назывались «линией Маннергейма».

Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм получил образование в России, прослужил военным в России 30 лет. Уехал в 1917 году в Финляндию, был Главнокомандующим финской армии, а потом и президентом Финляндии.

«Линия Маннергейма» представляла собой сплошные минные поля и колючую проволоку в 20 – 40 рядов (обычно – 2-3 ряда), против танков были построены каменные надолбы до 1,5 м, доты, представляющие собой сооружения с полутораметровыми стенами из железобетона (применялся

бетон марки «600», такую конструкцию никакой снаряд не пробьёт). Сверху доты были покрыты 2-3-х метровым слоем камней. Внутри дота находилось до 10 пулемётов, несколько артиллерийских орудий, боеприпасы, продовольствие. При этом доты были расположены с возможностью перекрытия огнём двух соседних дотов.

Россия не снимала для финской войны кадровые войска для укрепления Ленинградского фронта, а воспользовалась призывом запасников, едва умевших стрелять, в шинелях и ботинках с обмотками. Запасников брали из центральных и северных областей страны. Командовали Ленинградским фронтом К.Е.Ворошилов и К.А.Мерецков. Надеялись, что забросаем, мол, этих финнов шапками и грязью. Ещё думали, что финны испугаются после первых выстрелов со стороны советской армии. Как говорил об этом Н.С.Хрущёв, бывший на совещании в этом узком кругу, Сталин сказал: «Достаточно громко сказать им <финнам>, если же не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки вверх, согласятся с требованиями». Но финны совсем даже и не испугались, как предполагалось, а энергично и умело стали обороняться от действий советских войск.

В это время случилась очень морозная зима. 17 января 1940 г., например, в Москве был мороз до 42 градусов, а возле Клина, рекорд – «минус» 51 градус. Тогда по всей России вымерзли в садах яблони и груши.

За первый месяц боёв наши войска смогли приблизиться

только к «линии Маннергейма», штурмовать которую уже не было сил, моральных и физических. Ленинградский фронт стали комплектовать новыми подразделениями. Во-первых, заменили наркома обороны К.Е.Ворошилова на С.К.Тимошенко. Во-вторых, возвратили в наркомат обороны бывшего до этого (с 1935 по 1937 гг.) командующего Ленинградским военным округом Бориса Михайловича Шапошникова. Этого Шапошникова, единственного из всех из своего окружения, Сталин называл по имени и отчеству. Словом, легендарный герой революции и гражданской войны, Климент Ефремович Ворошилов, с успехом провалил «Зимнюю войну». Об этом пришлось даже в более позднее время указать ему на эти «успехи» в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 01 апреля 1942 года. Оно так и называется «О работе товарища Ворошилова», т.е., – именно.

«Первое. Война с Финляндией в 39-40 годах вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО (Народный Комитет Обороны – С. Ч.). В Красной Армии отсутствовали миномёты и автоматы, не было правильного учёта самолётов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное Артиллерийское управление, Управление Боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и дру-

гое. Всё это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Товарищ Ворошилов, будучи в то время народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность своего руководства НКО... ЦК ВКП(б) счёл необходимым освободить товарища Ворошилова с поста наркома обороны.

Второе. В начале войны с Германией товарищ Ворошилов был назначен главнокомандующим Северо-Западного направления, главной задачей которого была защита Ленинграда. Но он не справился с поставленной задачей и не сумел организовать оборону Ленинграда. (Был отозван).

Третье. По его просьбе в феврале месяце он был командирован на Волховский фронт в качестве представителя Ставки и пробыл там около месяца. Но это не дало результата. ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но он отнёсся к этому отрицательно и не захотел взять на себя эту задачу, сказав, что Волховский фронт является очень трудным участком и он не хочет провалиться на этом деле.

Направить на тыловую работу».

Надо сказать, что кого-нибудь другого за такую «плодотворную» деятельность направили бы на тыловую работу валить лес, а то и расстреляли бы. Но этому всё сошло. Веро-

ятно, что Сталин побаивался каких-то действий со стороны Ворошилова: они ведь долгое время воевали в одном подразделении, которое занималось городом Царицыным.

Для пополнения Ленинградского фронта брали небольшие подразделения других полков других армий, даже и из пограничных частей, чем очень их ослабили. С большими потерями сломали «линию Маннергейма»: за 104 дня этой войны (закончилась война 13 марта 1940 г.) наши потеряли 70 тысяч убитыми и примерно 150 тысяч ранеными и обмороженными. Граница отодвинулась от Ленинграда на 150 километров. СССР дальше не пошёл завоёвывать Финляндию, а зря, потому что во время войны с Германией пришлось держать сравнительно большие силы и на границе с Финляндией. Не только держать, но и воевать на довольно большом по протяжению фронте (несколько подробнее об этом будет сказано дальше, в главе 11 – «Чекалин Иван Васильевич»).

Финны во время Второй мировой войны жестоко мстили российским войскам за недавнее поражение в «Зимней войне». Как рассказывал отец, Иван Васильевич (а он воевал в Финляндии во время Второй мировой войны), да и из истории войны это хорошо известно, финны не брали в плен русских солдат, убивали на месте, а то и замучивали до смерти. Об этом нашим солдатам было известно, поэтому они к финнам в плен старались живыми не попадать.

Так вот, эти почти четыре месяца дедушка Серёжа, запасник из центральных областей России, воевал, но домой воз-

вратился (был демобилизован) только в июне 1940 г., за год до начала следующей войны.

Тётя Шура, Александра Сергеевна, рассказывала, что у них была когда-то фотография тех военных лет, на которой на лавочке сидят дедушка и два его сослуживца. Двоих из этой тройки, как сказал возвратившийся отец, потом застрелил финский снайпер-кукушка.

Возвратился дедушка домой в середине 1940 г., а дома совсем плохо – печку нечем топить. Хоть и лето, а для приготовления пищи надо было топить печку. Не дают в колхозе никакого горючего. Ведь семья-то раскулаченных. Дедушка к председателю:

– Что же ты издеваешься-то! Я там кровь за вас проливаю, а мои дома без дров сидят!

Председатель после этого разрешил брать хворост на лощинах.

Но на войну с Германией дедушку взяли не из дома. В 1940 г., зимой, кажется, что в декабре месяце, поехал дедушка с Киренкиным Петром Семёновичем, односельчанином, из Свободного Труда в Троицкие Росляи, по каким-то колхозным делам. А может быть, и по другим делам, потому что дедушка в это время, как и до «Зимней войны», работал агентом конторы «Заготживсырья», которая находилась в Эртильском районе Воронежской области. (Наши места в Тамбовской области граничат с этим районом Воронежской области.) Кстати, рядом с Троицкими Рослями есть насе-

лѐнный пункт, деревенька, которая тоже называется Эртилем. А до работы агентом дедушка Серѐжа работал плотником в колхозе «Свободный Труд», в который их семья вступила в 1930 г., а потом в кузнице того же колхоза молотобойцем. Вот по этим-то делам, скорее, и была поездка. Кобылу запрягли жеребую, потому что других лошадей не было, все были заняты в работе. Но и эта кобыла тоже была в работе, поскольку срок жеребиться ей ещё не подошёл. Возвращались из Троицких Росляев ночью, в пургу, заблудились, никак не могли найти дорогу. Там ведь у нас как было: степь да степь кругом. В пургу так завертит, что никакой дороги не сыщешь. Отпустили лошадь, она их до дома и довезла. А в ночь у этой кобылы случился выкидыш. Ветеринар сказал, что лошадь загнали. Дедушку и его напарника осудили каждого на полтора года исправительных работ. Но они подали кассационную жалобу, дедушке срок исправительных работ сократили до шести месяцев, учитывая его заслуги на войне.

Сначала трудовая повинность проходила непосредственно в колхозе, простая обычная работа, но бесплатная, без зачёта трудодней. Так прошло три месяца. А потом, на остальной срок, их, наказанных, отправили в ссылку, которую они отбывали уже в Западной Белоруссии: в Гродно, в Бобруйске, потом – в городе Слоним, находившимся на реке Шара, впадающей в Неман. Слоним располагался тогда совсем недалеко от границы с Польшей...

Во время Гражданской войны по Рижскому мирному до-

говору, который был подписан 18 марта 1921 г., Западная Белоруссия отошла к Польше. В августе 1939 года (23 августа), как известно, был заключён секретный договор между СССР и Германией, так называемый «пакт Риббентропа-Молотова». По этому договору СССР развязал руки Германии в отношении Польши, но с условием возвращения Западной Белоруссии и части других территорий, относящихся к Украине, снова в состав нашего государства. Вот эта часть, в том числе и город Слоним, находившийся километрах в десяти от границы с Польшей, вошёл в советскую территорию. Немцы сразу после заключения секретного договора с СССР оккупировали Польшу, уже 1 сентября 1939 года они вступили на её территорию, город Слоним оказался в десяти километрах от границы с Германией, потому что с середины сентября этого же года, по тому же секретному договору, Западная Белоруссия отошла к СССР.

Дедушка писал письма из Белоруссии, из Слонима. Говорил, что живёт он там хорошо. Посылку собирает домой: кое-что из вещей местного производства. Думал даже и о переезде всей семьёй в Белоруссию, так ему там понравилось.

Полоса в районе работ (исправительных работ) была практически прифронтная. Русские не строили в этих местах оборонительные сооружения, не рыли окопы, как об этом достаточно полно и аргументированно написал Виктор Суворов (Резун) в книгах «Ледокол» и «День М», а прокладывали по болотам гати. Как доказывал В.Суворов в названных кни-

гах, СССР усиленно готовился к войне с Германией, готовил плацдарм для наступления по болотам, по предварительно проложенным гатям, с использованием лёгкой мобильной техники, готовился первым по Германии и ударить. Это, мол, почувствовал Гитлер и начал своё преждевременное наступление на СССР, которое, хоть и через довольно длительное время, закончилось крахом. Похоже, как говорил В.Суворов, если бы Гитлер не начал войну 22 июня, то СССР начал бы её примерно через две недели от этой даты, то есть – в первой декаде июля месяца. Вот этим-то и объясняется поведение товарища Сталина в первые дни войны – его отстранение от всех действий. Он был просто ошарашен непредвиденным действием Гитлера, опередившим СССР всего на две недели. Поэтому и можно объяснить поражение наших войск, готовившихся к наступлению на границе с Германией, а не к обороне.

Другая версия звучит у другого автора, Виктора Суравова, в книге «Ледокол 2». Этот другой Виктор клеймит позором своего тёзку за неправильное толкование поведения Советского Союза в отношении подготовки и ведения боевых действий с Германией. Он, в свою очередь, доказывает, что СССР не готовился опережать фашистов в начале боевых действий, а старался как можно дальше оттянуть войну с Германией.

Я внимательно читал того и другого. На мой взгляд, книга второго Виктора написана на заказ, это, тоже на мой взгляд,

читается в текстах, где поясняется отношение второго Виктора к первому, Резуну. Сплошные обзывалки и поклёпы на его непрофессионализм в военных вопросах. (Странно только, что такого «непрофессионала» держали на такой ответственной работе в таких засекреченных органах.) Я не буду полемизировать ни с тем, ни с другим, но мне показалось, что в книге Резуна больше логики, чем в книге его оппонента.

Логика у Резуна больше, чем у его тёзки, но, справедливости ради, она, его книга, сродни назойливой рекламе. Автор усиленно и целенаправленно давит на сознание человека массой цифр и действий власти, что уже эта информация и практически не воспринимается, а остаются только выводы, которые и запоминаются.

Можно порекомендовать почитать на эту тему книгу Михаила Веллера «Друзья и звёзды», в которой приводится интервью автора с Виктором Суворовым (Резуном) в разделе «Война стала для нас началом конца».

Да тут даже безо всякой логики. Ну, что, разве это причина для войны, если какое-либо государство граничит с твоим государством, как в случае с Финляндией. Что бы там ни говорила в то время или в это время российская пропаганда, но людские силы были положены просто напрасно. Логичен вопрос: неужели это не агрессор, Сталинский Советский Союз-то? А почему бы в этом случае не начать войну с Монголией? С Китаем? С Афганистаном? Тоже, ведь, граничили

с Союзом.

Кто заинтересуется тем временем и теми событиями, могут сами почитать эти книги и составить своё мнение...

Шёл уже 1941 год. Ссылка закончилась, но никого из сосланных не отпустили. Время было тревожное, ожидалось события военного характера, хотя Сталин и наша пропаганда говорили, что всякие разговоры о войне с Германией являются провокационными, за что полагалось даже уголовное преследование, с разными наказаниями, даже и «вплоть до...». Летом 1941 г. началась война, и дедушку Серёжу призвали на фронт, там же, на месте. Потом записали, что он был призван Токарёвским РВК. Это всё оформилось позже, просто его, да и других тоже, не отпустили домой. А на самом деле он автоматически призвался по месту отбытия трудовой повинности: Рогачёвским РВК Гомельской области.

Наступление немцев было очень быстрое, также быстро отступали и советские войска. Дедушка с одним своим сослуживцем попали в плен. Но им и ещё двоим удалось бежать. Бежали по еловому лесу, без сапог (немцы сняли), по острым еловым шишкам. Ноги в кровь искололись. Добежали до своих, белорусских партизан. От партизан – сразу в госпиталь, залечивать ноги...

Партизанское движение в Белоруссии было создано немедленно, прямо практически с начала войны, даже, как говорят некоторые историки, оно было уже полностью сформировано к началу военных действий. Организовано было

всё: явки, подполье, базы с вооружением и др., поскольку СССР, как это можно определить по масштабу подготовки, готовился к неизбежной войне с Германией. Подтверждением этому может быть то, что немцы очень быстро заняли советскую территорию Белоруссии, так что ни времени, ни сил создать мощное белорусское подполье у советского руководства не было бы.

В книге А.М.Самсонова «Знать и помнить» (М.: изд. Политическая литература, 1988) приводится письмо бывшего заместителя начальника Украинского штаба партизанского движения, полковника в отставке И.Г.Старинова. Вот из него выдержка:

«Уже к началу 30-х годов в нашей стране была проделана большая работа по подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии. В этой работе мне удалось участвовать в 1929-33 гг. К началу 1930 г. в Ленинградском, Белорусском и Украинском военных округах было всё подготовлено к тому, чтобы в случае нападения на нашу Родину начать по тщательно разработанному плану крупные операции партизанских сил с целью отрезать вражеские армии от источников их снабжения. Были хорошо подготовленные партизанские формирования. К западу от укрепленных районов созданы скрытые партизанские базы с большими запасами средств борьбы в тайниках. Всё это было почти полностью ликвидировано в 1937-1939 гг. Из тысяч

хорошо подготовленных партизанских командиров и специалистов уцелели по счастливой случайности единицы».

Но, как получается, что-то и осталось от бывших партизанских формирований, чем и повезло нашим беглецам из плена.

Также как и немедленно была написана Лебедевым-Кумачом широко известная песня «Священная война». А он её, как оказалось, и не писал, он её украл у действительного автора, Александра Адольфовича де Бодэ, который написал песню в 1916 году, во время Первой мировой войны. В 1937 году А.А.Бодэ передал стихи Лебедеву-Кумачу, возможно, для публикации. Но Лебедев-Кумач ничего не стал делать с ними, положил просто в стол. А когда началась война с немцами, летом 1941 года, он и вспомнил о «подарке», немного подправил, подсократил что-то. Потом вместе с композитором, который, конечно, не знал о воровстве, уже сочинили эту знаменитую и замечательную патриотическую песню. Многие просто были поражены таким «талантом» поэта, сумевшего за исключительно короткий срок написать такие громкие патриотические стихи. Но и говорят, что Лебедев-Кумач очень был удручён своим воровством, даже что-то и звучало из его уст подобное, но вслух, принародно, он так и не смог признаться в плагиате...

Из госпиталя дедушка попал в действующую всё ещё отступающую армию. Воевал в составе 11-й Гвардейской ар-

мии (под командованием Гвардии генерал-майора Героя Советского Союза Николая Георгиевича Цыганова, а в последующем – под командованием генерал-лейтенанта Галицкого Кузьмы Никитовича). Военные действия проходили на Западном направлении: Сумы, Московское направление, Ржевско-Сычѳвское направление, Орловское, Брянское, Городокское, Белорусское, Восточно-Прусское направления в составе 3-го Белорусского фронта...

Когда я готовил материал о дедушке, Вера (дочка) разыскала в Интернете справку о безвозвратных потерях воинского подразделения, в котором воевал дедушка. В этой справке указано, что он являлся членом ВКП(б), и даже был указан номер партийного билета. Я написал письмо руководителю КПРФ Г.А.Зюганову с просьбой помочь мне в поисках документов, где были сведения о регистрации и приѳме в ВКП(б) Кудинова Сергея Егоровича. Ответа долго не было, но потом от Зюганова пришло письмо, в котором он сказал, что моя просьба направлена им в Государственный архив социально-политической истории (находится в Москве на Дмитровке, д. 15). Пришло письмо и из архива. В этом ответе была прислана копия фотографии дедушки и копия регистрационного бланка члена ВКП(б).

Кроме этого, из архива написали, что другие документы, которые связаны с вступлением С.Е.Кудинова в кандидаты в члены ВКП(б), могут находиться в Подольском архиве Министерства обороны, надо сделать архивный поиск по доку-

ментам воинского подразделения, в котором воевал дедушка (136 стрелковый полк 97-й стрелковой дивизии). Я написал в Архив МО письмо, в котором изложил свою просьбу. В такой работе мне было отказано, поскольку архивные работники, по принятому Постановлению Правительства России, занимаются архивными поисками только в случае подтверждения трудового стажа либо участия в боевых действиях. Но также и было указано, что я могу прибыть в архив, и мне разрешат провести самостоятельный поиск необходимой информации.

Фотография дедушки, присланная из Российского Государственного архива социально-политической истории, оказалась весьма некачественной, поскольку её исказили время, да и копирование. Но тётя Шура и тётя Маша, его дочери, говорили, что он очень похож, как они его помнят перед уходом из дома весной 1941 года, сначала – на штрафные работы по его судимости, а наша домашняя фотография тоже, вероятно, грешит некоторыми отступлениями от качества в связи с её ретушью...

По ответам дедушки в регистрационном бланке показана его трудовая деятельность на момент вступления в ВКП(б):

- с июня 1930 г. (с момента вступления в колхоз «Свободный Труд») по апрель 1938 г. – плотник;
- с апреля 1938 г. до призыва на «Зимнюю войну» (в декабре 1939 г.) – агент конторы «Заготживсырья»;
- во время «Зимней войны», с декабря 1939 г. по июнь

1940 г. – красноармеец 34 строительного батальона (скорее – потому, что в колхозе работал плотником) в Ленинградском военном округе;

– с июня 1940 г. по июль 1941 г. (до мобилизации на войну, но, как я писал выше, не совсем это так гладко прошло) – снова агент «Заготживсырья»;

– с июля 1941 г. по август 1942 г. – красноармеец строительного батальона в Московском военном округе;

– с августа 1942 г. по апрель 1943 г. – красноармеец 136 стрелкового полка 97 стрелковой дивизии Западного фронта (в этом армейском подразделении в марте 1943 г. он был принят кандидатом в члены ВКП(б));

– с апреля 1943 г. до вступления в члены ВКП(б) – Гвардии курсант отдельного Гвардейского стрелкового батальона 83 Гвардейской стрелковой дивизии Западного фронта.

В каких-то документах Архива МО мне встретилась такая информация о дедушке, о воинских подразделениях, в которых он воевал:

«87 гвардейская отдельная рота химической защиты 83 гвардейской стрелковой дивизии (II); 1 гвардейская мотострелковая дивизия; 212 армейский запасной стрелковый полк».

Вполне возможно, что дедушка на Финской войне воевал тоже в 97 стрелковой дивизии (97 сд), которая была направ-

лена на Карельский фронт в 1940 г. А до этого, в 1939 г., она принимала участие в «освободительном походе» в Западную Украину. В самом начале войны 97 сд оказалась на первых рубежах, с 22.06 по 30.06.41 г. она защищала Львовский район. Практически вся была уничтожена, на что 29.06.41 г. последовала реакция Ставки:

«97-я стрелковая дивизия понесла значительные потери, потеряла руководящий командирский состав и требует вывода в тыл для пополнения».

Дивизию пополнили, но в бою 27.12.41 г. она вся погибла и была исключена из списков действующей армии. В связи с этим указанная дивизия претерпела три формирования. 97 сд 3-го формирования после неудачного наступления 22.02.43 г. – 25.02.43 г. на Орловском направлении была выведена во 2-й эшелон, а 10.04.1943 г. она была преобразована в 83-ю Гвардейскую стрелковую дивизию.

Приведу основные военные действия этой дивизии:

- октябрь-декабрь 1943 г. – Городокская наступательная операция (за успехи дивизии в этой операции ей было присвоено звание – Городокская);
- июнь 1944 г. – Витебско-Оршанская наступательная операция;
- июнь-июль 1944 г. – Минская наступательная операция;
- июль 1944 г. – Вильнюсская наступательная операция;

– июль-август 1944 г. – Каунасская наступательная операция;

Восточно-Прусская наступательная операция:

– октябрь 1944 г. – Гумбинден-Гольдская наступательная операция;

– с января 1945 г. – Кенигсбергская операция.

Дальнейшие боевые действия в Восточно-Прусской операции заключались в штурме города-крепости Кёнигсберг (апрель 1945 г.) и 24-25 апреля 1945 г. – штурм военно-морской базы Пиллау (Балтийск).

Завершающим этапом её боевого пути было участие в разгроме земландской группировки немецких войск. 25-27 апреля 1945 г. дивизия форсировала пролив Зеетиф, соединяющий Балтийское море с заливом Фришес-Хафф, а 28.04 – 05.05 1945 г. дивизия разгромила противника на косе Фрише-Нерунг.

Дедушка воевал в 1943 г. в составе отдельного строительного батальона 136 гвардейского стрелкового полка 83-й гсд...

Восточно-Прусская и Кенигсбергская (по транскрипции того времени – город Кёнигсберг) военные операции начала 1945 г. достаточно полно описаны командующим 11-й ударной Гвардейской армии (га) Героем Советского Союза генералом армии Галицким Кузьмой Никитовичем (1897-1973) в его мемуарах «В боях за Восточную Пруссию» (Москва, «Наука», 1970).

11-я га входила на 01 февраля 1945 г. в состав 3-го Белорусского фронта, а не Западного фронта, как в начале. В середине апреля 1944 г. Западный фронт был ликвидирован, а на его основе образовали 3-й Белорусский фронт. В свою очередь, 11-я га состояла из трёх гвардейских стрелковых корпусов, гск, (8-го, 16-го и 36-го). В 8-й гск и входила 83-я гвардейская стрелковая дивизия (гсд), в одном из воинских подразделений которой и воевал дедушка Серёжа. Но до определённого времени, поскольку, на дату его гибели, он находился уже в 167-м Гвардейском стрелковом полку 1-й Гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 16-го Гвардейского стрелкового корпуса. Воинское звание – сержант (Гвардии сержант, поскольку был военнотружущим гвардейского войскового подразделения). Помимо 83-й гсд в 8 гск входили 5 и 26 гсд, а в другие гск, 16-й и 36-й, соответственно, 1-я, 11-я и 36-я гсд и 16-я, 18-я и 84-я гсд. Командный состав 11-й га: командующий, как было сказано выше, генерал-полковник К.Н.Галицкий; члены Военного Совета генерал-майоры Гузий Виктор Герасимович и Куликов Пётр Николаевич; начальник штаба генерал-лейтенант Семёнов Иван Иосифович; командующие 8-го и 36-го гск генерал-лейтенанты, соответственно, Завадовский Михаил Николаевич и Кошевой Пётр Кириллович, командующий 16-м гск генерал-майор Гурьев Степан Савельевич (01.08.1942 – 22.04.1945, Восточная Пруссия). Командиром 1 гсд на момент описываемых событий был генерал-майор (звание при-

своено с 03.04.1944 г.) Толстиков Павел Фёдорович.

О военных действиях 25 и 26 января 1945 г. К.Н.Галицкий пишет:

« Для наращивания усилий войск на правом фланге армии было решено с утра в 36-м корпусе ввести в бой 18-ю дивизию, а в 8-м сменить ослабленную 26-ю дивизию частями 83-й. Армия имела оперативное построение в одном эшелоне. Корпуса наступали в двух эшелонах. 5-я и 83-я дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса, поддержанные с воздуха 311-й штурмовой авиадивизией, атаковали крупный опорный пункт Фуксберг, который обороняли три батальона пехоты, 27 танков и бронетранспортеров. Две группы штурмовиков 76-го гвардейского авиаполка, ведомые капитанами М.Г.Гареевым и Б.С.Заворызгиным, атаковали немецкую артиллерию, препятствовавшую наступлению нашей пехоты. Штурмовики «висели» над целью до тех пор, пока не умолкла последняя пушка. В конце дня части 83-й дивизии овладели Фуксбергом и подошли к переднему краю позиции «Фришинг». В ходе боев мы установили, что командование и штаб 8-го корпуса допустили некоторые просчёты в управлении подчинёнными войсками. В самом деле, 83-я дивизия, сменившая 26-ю, была введена в бой до окончания артподготовки, т.е. до того, как были полностью подавлены артиллерийско-минометные батареи и огневые точки противника. Объясняется это главным образом тем, что огневая си-

стема обороны врага осталась неразведанной, а общевойсковые разведчики из-за отсутствия чёткого взаимодействия не указали целей артиллеристам. Не всегда делали это и командиры полков. Последние не координировали свои действия с действиями соседей. Штаб корпуса плохо знал положение в дивизии и не помог ей организовать наступление. В течение 30 минут её артиллерия вела огонь не по конкретным целям, а по площадям. Артиллерия не оказала необходимой поддержки пехоте, когда она пошла в атаку, и пехота была прижата к земле шквальным огнём противника».

И о последующих военных сражениях и их результатах за 27, 28 и 29 января 1945 г. автор мемуаров сообщает:

«5-я и 83-я дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса в этот тяжёлый для нас день продвинулись тоже немного, хотя сражались более организованно. 5-я дивизия преодолела с боем 6–8 км и во взаимодействии со 2-м гвардейским танковым корпусом овладела населённым пунктом Борхерсдорфом. 83-я дивизия продвигалась менее успешно. Все три её полка наступали в одну линию на участке более 2 км. Силы и средства усиления были равномерно распределены по всей полосе. И только после овладения 5-й дивизией Борхерсдорфом, а соседом слева, 31-й дивизией, Вайсенштайном,

Особенно сильной была последняя контратака, предпри-

нятая немцами в 18 час. 30 мин. С юга, с Виттенберга, силами двух батальонов пехоты, 12 танков и 10 штурмовых орудий. На большой скорости немецкие танки прорвались через боевые порядки 83-й гвардейской дивизии, стремясь выйти в наши ближние тылы. Командир корпуса генерал М.Н.Завадовский спешно перебросил в этот район противотанковый резерв 1-й гвардейской дивизии и три батареи противотанкового истребительного полка. Танки были остановлены, несколько из них подбито. Лишившись поддержки, фашистская пехота тоже ослабила натиск. Этим воспользовался командир 83-й дивизии генерал А.Г.Маслов (Алексей Григорьевич – С.Ч.) и стремительно атаковал Викбольд. После упорного боя на улицах город был взят. Части дивизии продолжали развивать наступление и с ходу заняли Людвиговальде, но вскоре были остановлены частями 549-й и 69-й пехотных дивизий, занимавшими укрепления внешней линии фортов крепости. В ходе наступления войска корпуса захватили в районе Клеехоф второй аэродром с 60 транспортными самолетами врага. Но и силы 11-й гвардейской армии к этому времени настолько иссякли, что она была уже не в состоянии продолжать наступление. Наши дивизии насчитывали не более чем по 3500–4500 человек, по 10–18 стрелковых и пулеметных рот (по штату 36), роты – по 20–35 бойцов. Не хватало и боеприпасов. Многие танки и самоходные орудия требовали ремонта. Учитывая всё это, командующий 3-м Белорусским фронтом ещё 9 февраля приказал нам пе-

рейти к жёсткой обороне и готовиться к основной задаче – штурму города и крепости Кенигсберг.

В соответствии с этим приказом мы произвели перегруппировку войск. Правофланговые 26-я и 5-я дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса организовывали оборону на участке западнее Крауссен – (иск.) Авайден протяжением несколько более 10 км. 1, 31-я и 11-я дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса готовили оборону участка Авайден – Вартен – роща восточнее Хайде-Маулена протяжением также около 10 км. Легофланговые 16, 18-я и 84-я дивизии 36-го гвардейского стрелкового корпуса оборонялись на участке Маулен – роща северо-западнее Вальдбурга – ст. Коббельбуде – Мансфельд протяжением более 15 км. В резерв выводилась 83-я гвардейская стрелковая дивизия, которая сосредоточивалась в районе северо-западнее Бергау, за смежными флангами 16-го и 36-го корпусов. Такова была расстановка сил 11-й гвардейской армии к концу первой декады февраля».

В Подольском Архиве МО нас могут интересовать возможные документы о приёме кандидатом в члены ВКП(б) и о приёме в члены ВКП(б), если они сохранились. В состав этих партийных документов обязательно входят собственноручные заявления дедушки, а также характеристики-рекомендации от членов ВКП(б) его сослуживцев-коммунистов (большевиков).

Я не могу сказать, к какому времени относится эта справка, но, поскольку в ней указан и дедушка, то я приведу её полностью, как она существует и в архиве Министерства Обороны. Публикация самой копии справки в этих записках мне не удалась ввиду не очень хорошего качества её изображения, полученного из интернета. Самое главное, я думаю, что в этой справке приводятся и сослуживцы дедушки. Если, вдруг, кто-то не из наших родственников увидит и своего родственника, то только и из-за этого необходимо её привести полностью.

Подчёркнутое 26 сб в справке зачёркнуто, а записано, что дальше.

На полях справки имеются карандашные пометки: 324 и 463. (Что они означают – мне не известно).

Кроме этого, в примечаниях в справке в позициях 11 и 14 имеются пометки «хор нет» либо «кор нет» – тоже не понятно – что?.

Справка рядового и сержантского состава 9 роты 3 сб 212АЗСП, убывших в 26 сб мч сд

Старшина Скрилян Амомяк Артинович, 1907 г.р. № 39101.

Рядовой Голимов Гульям, 1906 г.р., № 39118.

Рядовой Родионов Феодосий Васильевич, 1912 г.р., № 39109.

Рядовой Крук Пётр Гаврилович, 1903 г.р., № 39102.

Рядовой Шаковец Степан Сергеевич, 1917 г.р., № 39021.

Рядовой Николаев Василий Фёдорович, 1925 г.р., № 39105.

Рядовой Дробязка Пётр Андреевич, 1906 г.р., № 39115.

Мл.сержант Кудинов Сергей Егорович, 1906 г.р., № 39114.

Рядовой Антонов Пётр Степанович, 1910 г.р., № 39123.

Рядовой Солодкий Андрей Ефимович (год рожд. не указ.), № 39120.

Ст.сержант Косухин Константин Иванович, 1925 г.р., № 37421.

Рядовой Абатурин Трофим Евимович, 1908 г.р., № 36027.

Рядовой Семеняк Пётр Илькович, 1910 г.р., № 38048.

Сержант Капитонов Николай Афанасьевич, 1923 г.р., № 39902.

Подпись адъютанта ст. 3 сб 212ФЗСП капитана А.Зинурьева

Я попытался что-то узнать об этих сослуживцах дедушки. Нашлось очень немного:

Крук Пётр Гаврилович, уроженец Белоруссии, Минской области, Червеньского района; был награждён медалью «За Отвагу»;

Николаев Василий Фёдорович, уроженец Свердловской области, Невьянского района; награждён медалями «За Отвагу» и «За взятие Кёнигсберга»;

Косухин Константин Иванович, уроженец г. Тулы, при-

зывался Привокзальным РВК; награждён орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны II степени. Что можно сказать, Константин Иванович вернулся с войны живым, поскольку последняя награда была получена им в 1985 году;

Капитонов Николай Афанасьевич, уроженец г. Уфы (Башкирия); награждён медалями «За Отвагу» и «За боевые заслуги», а также орденом Красной Звезды...

Январь и февраль 1945 г. отмечались весьма ожесточёнными боями в Восточной Пруссии. Об этом, как я уже говорил выше, очень подробно описано в мемуарах К.Н.Галицкого. За две недели февраля, например, с 10 по 21-е, продвижение наших войск из-за сопротивления немцев и весенней распутицы составило 15-20 километров. Вот некоторые названия (прежние) населённых пунктов, где мог находиться дедушка в период первой половины февраля месяца: участок Авайден–Вартен – роща восточнее Хайде-Маулена (дислокация 1 гсд по приказу командующего 3-м Белорусским фронтом), Оттилинхоф (где дедушка был первоначально захоронен), Коршеллен, Хвишен, Вильмсдорф, Эберсвальде, Брегау, Цинтен, Альтенберг, Удерванген и др.

Прошёл дедушка практически всю войну. Погиб в Восточной Пруссии 15 февраля 1945 г. (получается – на религиозный праздник Сретение). Имел, по словам мамы, две награды. С фронта он часто присылал письма. Они долго хранились у бабушки Маши. Но, к сожалению, куда-то пропали.

Очень жаль.

Награждён: будучи наводчиком 2 миномётной роты 136 стрелкового полка 97 стрелковой дивизии (приказом № 09/н от 29.03.1943 г.) медалью «За боевые заслуги» № 207906 (с этой медалью он и изображён на фотографии при приёме в члены партии) и медалью «За отвагу» № 415280 (приказом 83 гв.сд № 033/н от 20.08.1943 г.). В том же 1943 г., в августе месяце (17 августа), вступил в ряды ВКП(б), партийный билет № 5584667.

Малышева Лена, правнучка дедушки Серёжи, внучка моей тёти, Александры Сергеевны Живилковой, разыскала в Интернете сведения о награждениях дедушки. Я приведу выписки из них.

Здесь приводятся приказы о награждении медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу» вместе с набором наградных «правоустанавливающих» документов.

Секретно

Экз. № 1

Приказ

136 стрелковому полку 97 стрелковой дивизии

29 марта 1943 г. № 09/н Западный фронт

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю:

Медалью «За боевые заслуги»

б. Наводчика 2-й миномётной роты красноармейца Куди-

нова Сергея Егоровича за то, что он в боях 22 февраля по 18 марта 1943 года наводя свой миномёт в цель, рассеял и частично уничтожил до полуторы (так в оригинале – С.Ч.) роты противника. 8 марта 1943 года рассеял шедшую на подкрепление колонну мотопехоты противника.

1906 года рождения, русский, кандидат в члены ВКП(б), призван Рогачёвским Р.В.К. Гомельской области.

Командир 136 стрелкового Полка подполковник Скрынников

Нач. штаба 136 стрелкового Полка майор Муллер

Этот приказ рукописный.

Это, вероятно, один из последних приказов по 97 стрелковой дивизии, поскольку уже через две недели, в апреле (10 апреля) этого года, она была переформирована в 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

И второе, в приказе говорится, что Кудинов С.Е. призван Рогачёвским РВК Гомельской области (Белорусская ССР), а в других документах (архивных МО, Книгах Памяти Токарёвского района, Калининградской области) указывается, что он был призван Токарёвским РВК (и даже где-то есть про Полетаевский РВК – которого тогда, похоже, не существовало). Всё правильно, он никак не мог призываться по месту жительства, поскольку в это время находился в Белоруссии, отрабатывал трудовую повинность, где его и призвали. Вероятно, потом документы переслали в Токарёвский РВК,

где внесли поправку о призыве, якобы, по месту жительства. Эти документы и пошли потом в Архив МО.

Учётная карточка к медали «За Отвагу»

Участник боёв с 12 июля 1943 г. курсант миномётной роты Отдельного Гвардейского Учебного Батальона 83 Гвардейской Стрелковой Дивизии, гвардии курсант Кудинов; при освобождении населённых пунктов: Козюльнино, Ветрово, Ветровский, высоты 230,0, Большая Чернь, Локна и Курачи – Ульяновского района Орловской области точным огнём из 82 м/м миномёта подавил три огневые точки врага, при чём было истреблено около двадцати пяти немецких солдат.

Ходатайствую о награждении тов. Кудинова медалью «За Отвагу».

7 августа 1943 г.

Командир Отд. Гвардейского Учебного

Батальона Гвардии старший лейтенант Зуев

Наградной лист

- 1. Фамилия, имя, отчество: Кудинов Сергей Егорович*
- 2. Звание: Гвардии-курсант*
- 3. Должность, часть: Курсант Отдельного Гвардейского Учебного Батальона 83 Гвардейской Стрелковой Дивизии*
- 4. Год рождения: 1906*
- 5. Национальность: русский*

6. *Партийность: кандидат в члены ВКП(б) с апреля 1943 г. № 4901329*
7. *Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в отечественной войне (где, когда): в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР не участвовал*
8. *Имеет ли ранения и контузии: ранений не имеет*
9. *С какого времени в Красной Армии: с июля 1941 г.*
10. *Каким РВК призван: Рогачёвский Райвоенкомат Гомельской области*
11. *Чем ранее награждён (за какие отличия): медалью «За боевые заслуги». Приказ по № от № медали 207906*

Про пункт 7 Наградного листа. Почему-то не прошла информация о том, что дедушка принимал участие в «Зимней войне» в Финляндии. Может быть, и по политическим соображениям, а может быть, и по незнанию командира подноготных своих подчинённых. Ведь не указал же написавший Наградной лист исходные сведения о приказе о награждении дедушки медалью «За боевые заслуги», только номер медали, который можно было прочесть непосредственно с этой медали.

Напечатано в 3 экз.

Экз. № 1 и 2 штаб див. 97

Экз. № 3 дело

Секретно

Экз. № 2

ПРИКАЗ

83 Гвардейской Стрелковой Дивизии

20 августа 1943 г. №033/н Действующая армия

О награждении личного состава

*От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР,
за образцовое выполнение боевых заданий командования на
фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные
при этом доблесть и мужество награждаю:*

Медалью «ЗА ОТВАГУ»

*18. Красноармейца Кудинова Сергея Егоровича, курсанта
отдельного Гвардейского учебного батальона.*

*Командир 83 гвард. стрелковой дивизии
гвардии генерал-майор Воробьёв*

97-я сд была расформирована, но документы в неё из 83-й гсд, как это следует из настоящего приказа, продолжали поступать. Это я к тому, что поиск каких-то документов по 83-й гсд в Архиве МО может проводиться по тому времени и в архивах 97-й сд, куда направлялись их дополнительные экземпляры.

И ещё несколько документов, которые разыскали в Интернете Вера и Малышева Лена. Это список безвозвратных потерь за 15.02.1945 г., в котором записан и дедушка, и рисунки от руки зарисовок мест захоронения вблизи Оттилин-

хофа (теперь этой деревни нет). Таких мест найдено 6. Но все они – другого полка, не 167. В справке о безвозвратных потерях записано, что Кудинов С.Е. вместе с другими, записанными вместе с ним в этой справке, захоронены в могиле № 9.

В Книге Памяти Токарёвского района записано следующее:

«Кудинов Сергей Егорович, род. 1906 г., д. Грязные Дворики, сержант. Погиб в бою 15 февраля 1945 г. Похоронен: Восточная Пруссия, д. Оттилинхоф».

И здесь, как и у его брата Григория (см. главу «Кудинов Егор Пименович»), ошибка в месте рождения. Вместо Грязных Двориков должно стоять Троицкие Росляи. Исправили только про моему обращению год рождения – с ошибочного 1916 на 1906. И ещё одна опечатка – он не сержант, а Гвардии старший сержант. Но это тоже не поправили.

Письма с фронта

Моему дедушке, Сергею Егоровичу Кудинову,
погибшему 15 февраля 1945 года
в боях за город Кёнигсберг

4 ноября 1943 г.

За окопом поле снегом запорошено, и от тёмной речки пар

идёт рябой, а в глазах, до боли, ты, моя хорошая! Будет скоро встреча и у нас с тобой. Здесь меня согреют письма твои тёплые: и в минуты боя, в будущей зиме. Пусть над нами реет тень фашистов тёмная – их, клянусь собою, предадим земле...

20 мая 1944 г.

Над окопом небо тучки занавесили, от земли истома, яблони цветут. Как давно я не был! – Дочки заневестилась. Женихов нет дома, женихи все тут. Здесь всё по-другому – и дома, и прочее, и свалилась грудой церковь, здесь – костёл. А про дорогое всё мечты хорошие: помнишь, за запрудой, догорал костёр?..

27 декабря 1944 г.

Над окопом небо звёздами усеяно, серебрит дорожкой Млечный звёздный путь. Что убит – то небыль на словах наваяна, ранен был немножко в руку, а не в грудь. Как живёшь, родная? Понимаю, трудно вам. Потерпи немного – скоро победим. Доживём до срока и до дня до судного, и для нас дорога повернёт к родным...

14 февраля 1945 г.

Улучил минутку, здравствуйте, родимые! Скоро построение, на него спешу. Отдыхали сутки, не успел, прости меня. Завтра в наступление, после допишу...

Дорогая Василиса Леонтьевна!

Ваш сын, гвардии старший сержант Кудинов Сергей Егорович, командир отделения, верный долгу и воинской присяге, погиб в боях за Родину при освобождении города Кенигсберг 15 февраля 1945 года.

Вечная слава героям!

(Василиса Леонтьевна – мать Сергея Егоровича).

Последнее письмо от дедушки с фронта получили 23 марта 1945 г. Дедушка к этому времени уже погиб. А вскоре и похоронка пришла. Похоронен он был в деревне Оттилихоф (в настоящее время этот населённый пункт не существует) Кёнигсбергской провинции Восточной Пруссии. Похоронку принесла, как говорила мама, бабаня, Василиса Леонтьевна. В дом зашла, говорить не может, трясётся вся, и руки ходят ходуном. С тех пор до самой её смерти руки у неё тряслись.

Вскоре пришло письмо из их части. Писал сослуживец дедушки, с которым дедушка обменялся адресами, чтобы написать письмо в случае гибели. Вот и получили как раз от этого сослуживца. Он написал, что дедушка был смертельно ранен в живот.

В 1964 г. многие воинские захоронения в Калининградской области объединили (сделали перезахоронения из отдельных могил, которых было много разбросано в этих кра-

ях, в одну общую братскую могилу). Тётя Шура, его дочь, говорила, что из военкомата им пришло письмо о перезахоронении, и что, если они захотят, то могут взять прах их отца для захоронения на кладбище по месту жительства. Они не стали этого делать. Она сказала, что этот вопрос они вместе, все его дочери (маме посылали письмо в Красный Куст), обсуждали и решили оставить так: где пролита его кровь – пусть там и останется захороненным, с кем вместе и воевал.

Сейчас прах Кудинова Сергея Егоровича находится в общей братской могиле в Цветково Гурьевского района Калининградской области, что примерно в пяти километрах на юг от Калининграда (и примерно столько же от места его первоначального захоронения). В 2015 году на могилу бабушки Серёжи ездила его правнучка, Малышева Лена, а в 2021 году, на майские праздники, – поехала семья сына Коли (жена Маша и дочь Тоня). Они были на Братском кладбище 2 мая.

Глава 10. Кудинова Мария Васильевна

- Здорово, сваха!
- Здорово, сват!
- Болееешь, сваха?
- Болею, сват.

Этот разговор-частушка произошёл в нашем доме, в Красном Кусте, между дедушкой Василием и бабушкой Машей примерно осенью 1958 г. Тогда серьёзно заболела онкологией желудка бабушка Маша, потом в Москве ей делали операцию. Часто лежала в больнице. Там, в больнице, в Полетаево, в конце ноября месяца 1958 года, оказались вместе сват и сваха, и сват умер 1-го декабря на руках у свахи.

Я помню, конечно, дом бабушки Маши в Красном Кусте. Дом этот она купила в 1948 году, уже после войны, у родственника своего соседа, Панюшкина Егора Федотовича. (Получается, что в Свободном Труде, в полуземлянке, она прожила с детьми всего 18 лет, а без дедушки Серёжи, ушедшем весной 1941 года и погибшем в 1945 году – 7 лет.)

Дом стоял напротив нашего деревенского магазина. Крыша была соломенной. Сени имели две двери, на улицу и во двор. А из сеней – вход в избу с русской печкой, которая находилась слева от входа (то есть, как и у всех в этом порядке деревни – с северной стороны). Насколько я помню, очень

у многих печка располагалась слева от входа в избу. Было и другое расположение, справа от входа (как, например, у Незнанова Филиппа Степановича), но у всех печка находилась в северной части дома, а основной фасад дома, на котором было больше окон, располагался на юг. Порядок домов нашей деревни был ориентирован с запада на восток. Если идти по дороге по указанному направлению, то дома оставались с левой стороны, окнами основного фасада на юг, а с правой стороны были погреба, кроме, пожалуй, нескольких, в том числе и погреба моей бабушки Маши, он находился непосредственно во дворе построек, относящихся к её дому. Что ещё примечательно, дом её был деревянным, что в нашей деревне, Красном Кусте, было редкостью. Абсолютное большинство домов были саманными...

Место перед печкой называлось не кухней, а чуланом, который от остального помещения избы закрывался занавеской. В чулане стояла лавка, а над лавкой – полавочник (в произношении звучит как полавоШник). Полавочник, это полка, на которой стояли, кроме всего прочего, хлеб и часто у бабушки Маши там были ржаные пышки. Когда она готовила тесто для хлеба, то обязательно заквашивала его больше, с учётом приготовления и дополнительных ржаных пышек. Формы для хлеба у неё не было, в отличие от нас, хлеб выпекался на поду (внутри жарко протопленной печи непосредственно на кирпичках). Когда была капуста (осенью), то на капустном листе. В другое время – просто на выметенных

от золы кирпичах. Форма каравая была круглой и с округлённым верхом, как, например, современный хлеб «Столичный».

Полавочником называли тканое покрывало на лавку. И ещё, если изба топилась по-чёрному, то есть без трубы, а дым уходил в дверь или в отверстие в потолке, то делали такую полку, которую и называли полавочником, для защиты избы от сажи. Ну а третье назначение полавочника – полка для содержания на ней кухонной утвари, а также и, чаще, хлебных изделий...

Набегаемся мы с братом, проголодаемся, а домой бежать далеко. Вот к бабушке Маше, к полавочнику, за пышками. Даже если её и дома не было. Дом она никогда не закрывала на замок, да и вряд ли был у неё какой замок. Только на деревянную палочку.

Долгое время жил у бабушки Маши её внук, Сашка или Шурка, которого мы дразнили Фунтиком, за его тогда малый рост. Сын маминой сестры, Шведовой Марии Сергеевны (она, кстати, единственная из троих сестёр, дочерей бабушки Маши, очень внешне похожа на свою мать). Ох, и озорной был этот двоюродный брат. Досаждал он бабушке. Расшалится, она ему и говорит:

– Шурка! Хватит, говорю, баловаться. Всю ж... карандашом красным испишу!

Но до красного карандаша дело не доходило. Очень уж она любила Шурку. (Как и сейчас тётя Маша, Шведова Ма-

рия Сергеевна, до безумия любит своего правнука Мишу, несмотря на его не совсем безобидные проделки. Уже – любила, поскольку умерла 8 ноября 2018 года.) Казалось бы, и мы с Мишей (моим братом) такие же ей внуки. Но этот – домашний, свой. Собственно говоря, такая же ситуация и у всех. Мы ведь с Мишей и Валеёй бабушке Вере такие же внуки, как и Юра с Володей Незнановы. Но мы были, вероятно, роднее, потому что жили в одной семье...

Дом бабушки Маши был напротив магазина, поэтому он часто атаковался любителями выпить. Да и бабушка была не против этого, потому что ей доставалась пустая бутылка, а то и не одна. Вот один раз мужики пришли с тем же самым – выпить. С собой у них оказалось несколько бутылок какого-то портвейна не очень высокого качества. Типа печально известного портвейна «Солнцедар», а то и тот же самый «Солнцедар». (Это вино как раз только появилось в магазинах; его ещё называли «бормотухой» за очень низкое качество; где-то в начале 1980-х годов прекратили его выпуск.) Начали эти мужики пить, но даже такие крепкие на алкоголь и то не смогли убрать всё принесённое. Осталось в одной из бутылок половинка недопитого портвейна. К Шурке в это время пришёл Пахунов Валерка, который, как потом оказалось, приходился двоюродным племянником моей маме (по одной из её родственных линий было подворье Пахуняты), а нам, следовательно – троюродным братом. Но тогда мы не знали всех этих родственных тонкостей и отношений.

И вот эти троюродные братья и допили вместе эту половину бутылки портвейна. Валерка, которому сразу поплохело, побежал домой, благо – недалеко, а Шурка остался дома. Со всем его развезло. Бабушка уж и не знала, что делать. Побегала к нам, привела отца, своего зятя. Разобраться в ситуации. Отец увидел бутылку и всё понял. Об этом портвейне уже тогда ходили не очень приятные отзывы. Шурка лежал на кровати, похоже – без сознания. Отец стал приводить его в чувство, хлестать по щекам. Наконец наш выпивоха очухался, посмотрел мутным взглядом и спросил:

– Где я есть?

– Я тебе сейчас покажу, где ты есть! – Сказала бабушка Маша. – Ты у меня сейчас узнаешь, как пить всякую гадость!

Но отец сказал, что Шурке и так всё отлилось за это дело, не надо его больше наказывать. На том всё и успокоилось.

Потом, позже, появилась в доме бабушки и внука, Ирина, дочь тёти Шуры, второй маминой сестры, Александры Сергеевны Живилковой, моей крёстной. Но, насколько мне известно, только на лето, а зимой детей забирали родители. Но точно не могу теперь сказать, поскольку хорошо помню, что Шурка жил какое-то время у бабушки и зимой.

С Ириной произошла не очень хорошая история. Во всяком случае, бабушка Маша всегда себя за это казнила. Ира была ещё маленькой, года три-четыре. Дети часто играли около магазина. Вот там около-то и валялась часть разбитой стеклянной бутылки. Ира бежала, упала левой щекой на эту

стекляшку. У неё до конца её жизни на щеке остался шрам. Рану в больнице зашили, но срослась она несколько криво, не разгладилась. А как могла бабушка тут углядеть, ведь все дети там играли, так было заведено, и ни с кем из них взрослых не было, тоже не заведено было. Впрочем, от падения при беганье никакой взрослый не защитит, как себя, так и ребёнка.

По какой-то причине в деревне бабушку Машу кое-кто считал чуть ли не ведьмой или колдуньей. Вероятно, из-за того, что у неё получалось знахарскими и оккультными способами лечить людей. Да я и на себе это испытал. У меня на левой ступне появилась бородавка, которая мешала ходить. Бабушка Маша сказала мне, чтобы я приходил к ней утром, до восхода солнца. Мне это было не сложно, поскольку я птичка ранняя (и до сих пор). Трижды через день я ходил к бабушке Маше на «заговор» этой болячки. Она что-то шептала, чего я вообще не понимал, но шептание это было несколько рифмованное, а бородавку при этом поглаживала половинкой разрезанной картошки. После этого она заворачивала эту картошку в тряпицу, обматывала тряпицу ниткой и бросала в подпечье, и тоже с продолжением причитания. После третьего раза бородавка полностью исчезла. И ещё, её лечение-заговор у нас дома. Только я не знаю, кого она приходила лечить. Но точно знаю, что «от живота». Как сейчас вижу – сидит она у края обеденного стола со стороны окна, я стоял сбоку. На углу стола небольшой горкой насы-

пана мука, в луночку сверху бабушка льёт немного холодной колодезной воды, что-то при этом приговаривает, но что-то другое, чем со мной, не рифмованное. Потом из всего это хозяйства она слепила круглый комочек и отправила его в горячую печь, испекаться. Дождаться момента готовности она не стала, а бабушке Вере сказала, что потом надо отдать этот печёный комочек кому-нибудь из скота. Вероятно, что-то получилось, поскольку больше с этим она к нам не приходила.

Она очень много знала разных старинных былин (возможно, что она когда-то и читала их в книжках; она была грамотная, в отличие от бабушки Веры), когда-то и читала (по памяти) нам с Шуркой, но я ничего не помню. Помню только, что называла какого-то Бову-королевича, но, как я теперь понимаю, переложенную на свой лад, с другими именами и немного искажёнными событиями. Много она знала поговорок и пословиц. Рассказывала и сказки, но не русские народные, а индийские (типа сказок Шри-Ланки), с обезьянами, обезьяньими царями, слонами, тиграми, крокодилами и пр. Эти сказки, а возможно, и сами книжки, были у них в семье в её детство...

Жужжит самопряха. Это бабушка Маша прядёт шерсть, а мы с Шуркой играем. Я часто приходил ночевать к бабушке Маше, конечно, с разрешения родителей. Шурке скучно по зимним вечерам. Вот и просил, чтобы кто-нибудь из нас, я или Миша, к ним пошли. Чаще ходил я.

Шерстяные нитки бабушка Маша скручивала плотными, как проволока. И носки с варежками получались у неё плотными, как валенок. Жёсткие, зато носились долго. А перед сказки нам рассказывала (помимо Бовы). И что интересно, в отличие от сказок бабушки Веры, сказок бабушки Маши я просто не помню. Да и вряд ли это были сказки. Мне кажется, что она просто о чём-то рассказывала, возможно, что и на ходу своё придумывала. Фантазия у неё была богатая, ей очень просто было придумать какую-нибудь интересную историю. Тогда обидно, что не помню. Вполне возможно, что рассказывала и о своей родне, о той жизни в семье её отца, купца Выгловского Василия Петровича.

После смерти бабушки Маши Шурка, Саша, уехал к своей матери, Марии Сергеевне Шведовой, которая жила в Долгопрудном.

В Долгопрудном жила и средняя дочь дедушки Серёжи и бабушки Маши, Александра Сергеевна Живилкова. Там же находилась и дочь Александры Сергеевны, Ирина, и сейчас живёт её внучка Лена.

Когда Саша служил в армии, мы с ним переписывались. Он писал очень подробные письма о службе. Как-то, в одном из писем, он прислал мне своё стихотворение, я его помню до сих пор. Вот оно:

Я выбрал путь – он беспредельно сложен:
Поэтом стать – не перейти ручей,

Я не хочу прожить, как лицедей,
А я хочу вдохнуть пыль бездорожий,
Покинуть шум тошнящих площадей.
Пройти рекой, шумящей и игривой,
И на вершины гор войти победно,
И солнца луч поймать игривый,
Со всем его радужным переливом,
И не покинуть мир бесследно.
А ты, Сергей, учись и мысли,
И где-то, там, в конструкторском бюро,
Где так уютно и тепло,
Смотри, чтоб не прогрызли мыши
Твоё разумное чело.

А Саша-Фунтика нет. Умер летом 1990 года. Что ни говори, а был он талантливый. Поступил на режиссёрский факультет, бросил, но не от таланта. Писал хорошие стихи, знаком был, тогда ещё молоденьким, с Евгением Евтушенко и его компанией. Хорошо рисовал маслом на холсте, играл на трубе и скрипке. Но, к сожалению, так нигде и не пригодилось в его жизни. Осталась от него дочка Катя и внук его, Миша. (В 2013 году Миша поступил в Авиационный институт, проучился три года, но потом бросил, был призван в армию. В 2018 году, весной, комиссован по состоянию здоровья; обещал 12 ноября 2018 г., в день похорон его прабабушки, Марии Сергеевны Шведовой, восстановиться в ин-

ституте, но, что-то, вряд ли это сделает.) Катя живёт сейчас в Москве, а Миша в Долгопрудном в квартире своей прабабушки.

Вообще говоря, 1990 год был у нас очень урожайным на покойников: в мае месяце, шестого мая, умерла Антонина Георгиевна, бабушка моей жены Марины, летом, подряд друг за другом, тещь, Николай Николаевич и Саша Шведов. Кроме этого, в самом начале мая, умерла и наша бывшая соседка по квартире на Пятницкой, Ларченкова Анна Прокофьевна, которая находилась в доме-интернате для престарелых на улице Островитянова. (С весны 2017 по май 2020 года в этом же доме-интернате находилась Татьяна Юрьевна Рыссак, племянница Марии Васильевны; умерла 6 мая 2020 г.)

5 октября 2012 года умерла от инфаркта и Ирина. В этот день она с дочкой Леной была у своей мамы, Александры Сергеевны, поскольку у мамы был день рождения 2-го октября. Но день этот был будним, тем более, что и Лена работала. Договорились на ближайший выходной. После они с Леной возвратились к себе домой, где Ирине и стало плохо. Вызвали скорую помощь, но Ирина уже умерла, от обширного инфаркта. Похоронена в Новодачном, на Долгопрудненском кладбище, вместе с отцом, Павлом Фёдоровичем Живилковым, бабушкой Машей и Шведовым Александром Николаевичем, моим и её двоюродным братом. А сейчас там же похоронены Александра Сергеевна (06.07.2019) и Мария

Сергеевна (08.11.2018)...

Павел Фёдорович Живилков, или, как его называли в нашей родне, Павлик, зять бабушки Маши, очень пришёлся для нашей родни. Когда он служил на сверхсрочной в армии, то познакомился с Александрой Сергеевной, она училась в текстильном училище (тогда вместе с Серафимой Васильев-ной, моей тётей по линии отца). Взял её адрес в Красный Куст. И вот, как-то зимой, в довольно холодную погоду, он перекладными добирается до этого Красного Куста, находит дом бабушки, стучится. А сам совсем замёрз, особенно ноги. Его быстро отогреть, потом – на печку. Жених, оказывается, приехал! Ну а как быть-то? Отдавать или нет, дочку-то? Поскольку в доме мужиков нет, то бабушка Маша повела его показать к нам, к Чекалиным. Посидели у нас, поговорили. Дядя Паша всем понравился, особенно важно было мнение дедушки, Василия Васильевича, а он тоже отозвался о нём хорошо. Так тем и кончилось, поженились. Случилось это в конце 1952 года.

Расписывались они в Токарёвке (в то время это было просто, в день обращения и расписывали), потом дяде Паше надо было возвращаться в часть, где он проходил службу. Зашли на базар, встретили крёстную тёти Шуры, Любовь Егоровну Собакину (Кудинову), сестру её отца. А Любовь Егоровна потом рассказывала, что на базаре в это время был и её кум, Фёдор Васильевич Выгловский, который вместе с ней крестил тётю Шуру. Она рассказала ему, что по базару

ходит его крестница с мужем, только что расписались. Вот оба крёстных и перекрыли выходы с базара (их было два), чтобы перехватить молодоженов. Попались они Фёдору Васильевичу. Он, несмотря на протесты молодых, сказал: «Да вы что? Даже и слушать не хочу, в такой-то день!». Увёз их в Троицкие Росляи, к себе домой, и устроил им скорую свадьбу, по принципу «что Бог послал». А родни в Росляях было много. Вот и сыгралась свадьба, даже с гармошкой. Тётя Шура говорила, что было очень весело...

В 1973 году я закончил институт. На распределении (оно проходило у нас в 1972 году, перед военными сборами) сказали, что есть одно место в Долгопрудном, в ЦАО (Центральная Аэрологическая Обсерватория), но без общежития. Так вот тётя Шура, моя крёстная, и дядя Паша вместе взяли меня к себе жить в однокомнатную квартиру, да ещё и коммунальную. Конечно, обуза я им был достаточная. Ладно – тёте Шуре, а дяде Паше к чему всё это? Потом, через полтора года, я перешёл в общежитие. Я искренне благодарен им за то, что они для меня сделали...

Не хотела, тогда, в 1925 году, бабушка Маша выходить замуж за дедушку Серёжу. Полюбился ей Василий, брат жены Михаила Васильевича Выгловского. Но родительского несогласия побороть не могла. И Василий тоже не мог образумить своих родителей на брак с любимой. На наше счастье. А то бы кто сейчас всё это писал? Ну, правда, дураков («чудаков», как писал Сергей Есенин в стихотворении-письме к

своей сестре) в жизни хватает и без нас.

Вскоре после войны ездили в Токарёвку мама и бабушка Маша. Зашли и в семью бывшего жениха, Василия. Его дома не оказалось, на работе был. А по дороге обратно бабушка Маша говорит маме:

– Вот, Зинушка, вышла бы я за Ваську-то замуж – отец у вас был бы. С войны-то, вон, живой вернулся.

Так-то оно так. Но только не с Зинушкой бы ты тогда разговаривала. И опять, строчки эти писал другой бы. А то и не было бы этих и других строк...

Болезнь бабушки Маши не отступила. В 1962 году, весной, она умерла, в Долгопрудном, у своей дочери Александры. Ночью, в дату её смерти, маме, словно наяву привиделось женское лицо и голос:

– Что же ты спишь? Твоя мать умерла.

В этот же день пришла и телеграмма из Долгопрудного.

Похоронена бабушка Маша в Новодачной, на Долгопрудненском кладбище, на 25-м участке, она первая открыла это место (входить надо по центральной аллее налево по тропинке между 24 и 25 участками; ориентиром будет совсем недалеко, с правой стороны от дорожки, могила Битюкова Юры, двоюродного племянника Живилкова дяди Паши). Вместе с бабушкой Машей упокоились в одной оградке и зять её, Павел Федорович Живилков (14.03.1975 г.), и внук, Фунтик, Александр Николаевич Шведов (06.07.1990 г.), и внучка, Ирина Павловна Малышева (05.10.2012 г.), а теперь уж и

две последних её дочери – Мария (08.11.2018) и Александра (06.07.2019)...

Дальше я приведу небольшие рассказы из того времени, связанные со Шведовым Шуркой и другими родственниками.

Шурка очень не любил купаться. Прямо до рёва. (Да и кто из детей это любил?) Часто он приходил к нам домой, поиграть с нами, Мишкой и Серёжкой. В тёплое-то время ещё ничего, долго светло. А вот зимой темнеет рано, не очень складно топать до дома по темноте. А как его отправить к бабушке? Выход у мамы нашёлся соответствующий. Она вечером объявляла:

– Так, ребятишки, всё, собирайтесь, сейчас будем купаться!

Тут уж Шурка встаёт и говорит, что, мол, мне надо домой, а то бабушка заругается...

Или такое. Приходит он к нам как-то зимой. А на улице – круговерть, ветер с нашей западной стороны на деревню, шумит даже в трубе. Мама его спрашивает:

– Как же ты дошёл в такой ветер?

– Как хорошо! Я под ветерок!..

1961 год. Полным ходом идёт денежная реформа, обмен 1:10. Из старых денег оставили в обращении только медные 1, 2 и 3-х копеечные монеты. Когда об этом узнали, то было уже поздно. Мама работала в магазине. Накануне этого объявления к ней пришла ревизия и пересчитала медные деньги

(их тогда не пересчитывали, а взвешивали, потому что номинал денежки примерно соответствовал количеству граммов сплава, из которого она была изготовлена). Но, помню, что-то осталось и у нас, кажется, два килограмма (порядка 20 рублей новыми или 200 рублей старыми).

Лето. Мы с Шуркой идём на наш конец, к нам. Только что отошли от дома бабушки Маши, идём по дороге напротив магазина и дома Панюшкиных, соседей бабушки Маши, как Шурка поднимает с дороги красную бумажку, свёрнутую в несколько раз. Мы сначала подумали, что это обёртка от конфеты. Но оказалось, что это 10 рублей новыми, а по-старому – 100(!) рублей, огромная сумма. Мы такой даже ещё и в руках-то не держали, хотя и видели, даже и не сообразишь сразу, что это сто рублей. Я-то, конечно, видел, потому что мама приносила домой вырученные деньги, мы их и рассматривали. Пошли к бабушке Маше. Показал ей Шурка денежку, она, естественно, сразу сообразила, что это за деньги.

– Так, – говорит, – ребята, вы никому не сказывайте, что нашли, а то отберут. А тебе, – это она уже Шурке, – я куплю саблю.

Шурка давно уже приставал к ней с этой саблей.

На следующий день бабушка Маша пошла в Полетаево, эти деньги она положила в сберкассу, а Шурке купила долгожданную саблю за 10 рублей (старыми), на её ножнах так и было написано: «Цена 10 руб.».

Тогда, в советское время, на всех товарах стандартно и

нестираемо писали цену, например, на литых чугунных утюгах: «ц. 12 р. 30 к.».

Шурке бабушка сказала:

– Вот, теперь ты можешь говорить, что нашёл десять рублей, и тебе бабушка на них купила саблю.

Теперь Шурка ходил по деревне героем, с саблей на боку, на зависть всем друзьям-мальчишкам. Да и было чему завидовать: красные пластиковые ножны, в них блестящее алюминиевое лезвие с пластиковой ручкой, а к ножнам прицеплен с двух концов настоящий кожаный тонкий ремешок. Прямо хоть в командиры назначай...

И другое, что тоже осталось в памяти.

1962 год. В мае месяце умерла бабушка Маша. А летом к нам приехали все долгопрудненские: тётя Шура с дядей Пашей и Ирой, тётя Маруся с Шуркой, а своего тогдашнего мужа, дядю Колю Пашкова, она с собой не взяла. Родители её в этом даже упрекнули. Но он через два дня явился, сам доехал, по адресу. Утром бабушка Вера выходит на улицу, а к дому подходит мужик, спрашивает Чекалиных, где, мол, такие живут.

Помню, что долгопрудненцы привезли с собой чуть ли не два мешка батонов белого хлеба, который мы потом называли «по тринадцать копеек», сушек, баранок, конфет. Может быть, и ещё что было, но из всего этого «ещё» запомнилась копчёная селёдка. Душистая такая и вкусная невообразимо какая. В наш магазин такой товар никогда не привозили.

Послали гонца в Троицкие Росляи, к Фёдору Васильевичу Выгловскому, маминному крёстному, брату бабушки Маши. На следующий день он приехал на тарантасе, но не один, а вчетвером. С кем, не помню, но точно была его дочка Юля, огромного веса тётенька. Как она говорила – «семь пудов». Все за столом не поместились. Детей (Мишу, меня, Валу, Иру, Шурку и кого-то из приехавших с Фёдором Васильевичем), естественно, не сажали, нас отправили обедать на крыльцо, а мама с бабушкой и отец – прислуживали гостям, подавали-принимали.

Какие разносолы были на столе – не помню. Только что помню просто гору сырников и миску сметаны. Потому, вероятно, и помню, что Юля «семипудовая» поела их в большом количестве. Уж тётя Шура ей сказала:

– Юля, ну куда же ты так много ешь? И так, вон какая полная!

На что Юля ответила:

– А я прямо не могу не есть, всё время голодная! Никак не остановлюсь.

Тарелок отдельных никому не ставили, да их в таком числе вряд ли у нас и было. Ели горячее (первое) и второе (что было не сырники, а мясное) из одной миски. Бабушка с мамой только успевали подливать и подкладывать, а отец распорядился с бутылками. По случаю таких высоких гостей самогонку не ставили (а она у нас и в Красном Кусте была практически бесперебойно, отец тайно и с большими предосто-

рожностями делал там этот продукт), только водку и портвейн (для желающих). За спиртным в магазин не бегали, поскольку у нас дома всегда (да и до сих пор) было магазинное спиртное. Это ещё повелось с той поры, когда мама работала продавцом в нашем деревенском магазине. Ящик с вином и водкой стоял под кроватью родителей. Но тогда в нашей семье можно было не беспокоиться за его сохранность. Это уже значительно позже, после службы в армии, стал выпивать Миша. Мама потихоньку начала выпивать ещё с Красного Куста, примерно с 1965 года, когда отец уехал добывать новое место жительства в Московской области, а уже в Узунуно она пристрастилась сильно к выпивке (они, продавцы в магазинах, часто устраивали застолья прямо на работе).

(Но Миша – настоящий герой, у него оказался очень твёрдый характер: он в одночасье бросил выпивать, окончательно и бесповоротно. Думаю, уже лет тридцать пять этим не занимается, даже чуть-чуть. Хотя в их доме, в Подхожем, не переводятся спиртные напитки, в том числе – самостоятельного изготовления. Надо сказать, что эти напитки весьма вкусные, как вино, так и что-то покрепче. И до сих пор. Вот недавно, летом 2020 года, мы ездили к ним за мёдом. Надя, жена Миши, нам с Мариной дала попробовать поллитра своего виноградного вина, из своего винограда. Нам очень понравилось.)...

Но продолжу о приезде долгопрудненских. Дня через два все гости и часть из нас пошли половить рыбки на Пичаев-

ский пруд, который недавно образовался в связи со строительством плотины. Миша пошёл к своему другу, деревенскому охотнику и рыболову, Авилову Ивану Тарасовичу, а в обиходе – Тарашу. Взял у него бредень. Пошли большой шумной компанией: дядя Паша, Миша, дядя Коля Пашков, я и Шурка. Женщин с собой не взяли, как сказал дядя Паша: «Чтобы не спугнуть рыбу».

Помню, что всю дорогу к Пичаевскому пруду хохотали, глядя на пушистые пятки дяди Коли. Дело в том, что прямо перед нашим походом прошёл дождь. Дядя Коля приехал в босоножках и на босу ногу. Носки, заштопанные нитками из козьего пуха, ему дала бабушка. Шли лугом, по мокрой траве. Заштопанные части и распушились, стали мохнатыми. А на обратном пути добавилось и другое. Рыбы в пруду не оказалось, не завелась ещё по молодости пруда (так что и отсутствие женщин в нашей компании, как оказалось, совсем не могло нам помочь), но зато бреднем вытащили гору головастиков, многие даже уже и с ножками, полулягушки. Дядя Коля, увидев их, бросился собирать в ведро с водой, приготовленное для рыбы:

– Какие налимчики маленькие!

Тем дело и кончилось, пушистыми пятками да налимчиками в виде головастиков и нашим весёлым смехом при возвращении домой...

Немного расскажу и о дяде Коле Пашкове. Он был очень добрый и мягкий человек, как, впрочем, и первый её (тёти

Маруси) муж, Шведов Николай Николаевич, родом из почти ближней деревни с названием Хорёвка (на картах Менде – Харёвка; получается некоторое разночтение: то ли от животного хорёк, то ли от слова харя). Нашим всем он, Пашков Николай, очень нравился. Тётю Марусю, я уже об этом сказал выше, даже укоряли в первый день, что не взяла его с собой. А вот за что его невзлюбил Шурка, не знаю, даже и в голову не приходит ничего вразумительного. Дядя Коля хорошо к нему относился, старался быть больше даже, чем отцом. Но взаимности не было. Дядя Коля просто стоически терпел выходки Шурки, и продолжал бы терпеть, если бы тётя Маруся с ним не развелась...

Собралось нас, с приездом долгорпрудненских, двенадцать человек. Ночевать в дом бабушки Маши никто не пошёл. Нас, мальчишек, Мишку, меня и Шурку, положили на полу в горнице, мы с Мишей по краям, а Шурка – в серединке. Все Живилковы, дядя Паша, тётя Шура и Ира, спали в омшанике. Тетя Маруся с дядей Колей в избе на бабушкиной кровати, родители в горнице на своей кровати, а рядом с ними, на сундуке, Валя. Бабушка, хоть и лето, на печке.

Как-то вот так лежим мы рядом с Шуркой, он и спрашивает:

– Серёжа, скажи, а вы всегда так едите, как сейчас?

Я ответил, что нет, это потому, что у нас гости. А в другое время сам знаешь, как бывает, по-разному.

Это он потому, вероятно, так спросил, что его мать очень

плохо готовила. Когда Шурка жил у бабушки Маши, то раз-носолов-то, вообще говоря, особых не было. Но что спасало, так это молоко. У бабушки Маши всегда была корова, кото-рая давала много молока, даже до тридцати литров в день. Да и молоко было очень жирное. Когда бабушка Маша забо-лела, то она сразу продала свою корову, в нашей же деревне. У неё и тёлочки были нарасхват. Какой породы её корова, не знаю, но такого цвета, серого, ни у кого не было...

Дополню следующим, хотя особенно это и не относится к бабушке Маше. Как-то, в один из зимних вечеров, я ночевал у бабушки Маши. В это же время у неё был и внук, Саша Шведов. Запомнилось, что бабушка рассказывала, как одна-жды, когда они жили в землянке в Свободном Труде (дедуш-ка в это время был на войне), их погреб ограбили. Взяли всё молоко в горшках, сметану, сливки и сливочное масло. Даже больше ей было жалко посуду, а не то, что в ней находилось. Молоко-то – дело наживное, а вот горшки (так у нас назы-вали глиняные кринки) достать – целая проблема. Погреба тогда в деревне не закрывали на замок, кто-то, возможно, и закрывал, но бабушка Маша этого не делала, ни в Свобод-ном Труде, ни в Красном Кусте. Только дверь прикрыта на палочку. Да, впрочем, что может спасти от такого? Обокра-ли не только её погреб. Ещё несколько хозяев жаловались на то же самое.

И вот это мне вспомнилось, когда я лежал в московской больнице № 83, в феврале 2009 года. Вместе со мной в палате

лежал Шохин Михаил Александрович, дядя нашего политика Александра Николаевича Шохина. Он лежал бесплатно, в отличие от меня, поскольку был ликвидатором последствий Чернобыльской аварии.

Михаил Александрович очень хороший собеседник и рассказчик, прямо хоть записывай на магнитофон и потом публикуй без редакции. Весьма редкое качество. Я уж ему сказал, что Вам надо бы всё это записать. На это он ответил, что писать не очень любит, да и когда пишешь, то так не прозвучит, как в простом рассказе.

Я рассказал ему, что мой брат живёт в Подхожем, в Серебряно-Прудском районе, что у него в собственности большой участок земли, 7 гектаров. Михаил Александрович сказал, что он очень хорошо знает Подхожее, так как у его брата там в собственности дом, и Михаил Александрович довольно часто приезжает туда, когда на машине, а больше он любит на мотоцикле (а ему уже было в это время хорошо под восемьдесят лет).

Мало того, я продолжаю рассказывать, что наша семья, вообще-то, приехала сюда из Тамбовской области, из Токарёвского района. На что Михаил Александрович сказал, что он и Токарёвку знает очень хорошо, поскольку находился в ней во время войны в детском доме. Примерно в 1937 году их отца арестовали, маму от троих детей тоже забрали (она знала несколько иностранных языков: французский, английский, немецкий, польский и, кажется, чешский). А события

в мире вели к тому, что профессия переводчика становилась очень нужной: дело приближалось к войне с Германией. Всех троих детей разбросали по разным детским домам.

Я уже дальше расскажу серединку, а сейчас – о послевоенном времени. После войны мама Михаила Александровича разыскала всех детей, стали жить вместе. Об отце ничего не удалось узнать, ни тогда, ни в это время. Перед самой войной его отпустили из тюрьмы, где-то под Архангельском, но дальше он пропал, все его следы потерялись. В последнее время мама проживала с сыном, Михаилом Александровичем. Дожила до ста лет, умерла примерно в 2000 году...

В детском доме, в Токарёвке, как, впрочем, и во всех таких домах, да ещё в военное время, было очень голодно. Мальчишки промышляли по ближайшим деревням в поисках еды. Станция была близко, поэтому они пользовались возможностью мобильных передвижений по Токарёвскому району и ближайшим к нему районам: Жердевка, Рымарево, в сторону Мичуринских Грязей и др. Тем более, что в Токарёвке останавливались все поезда. В деревнях их объектом были погреба. Овощей они не брали, а больше налегали на молочное. Потом всё сносилось в детский дом и там вместе с девочками устраивали праздники.

Мне кажется, что в один из набегов эти мальчишки вполне могли напасть и на погреб бабушки Маши и её соседей. Настолько вероятно, что даже просто невероятно. Михаил Александрович очень был удивлён моими воспоминаниями

о бабушке Маше. Он на это сказал: «Ну чего только в жизни не бывает. Смотри-ка, началось с Подхожего, а закончилось таким давним временем, да и местами, Московская область, Тамбовская область, просто диву можно дать. Мало того, что области, а и места-то! Прямо дивиться можно всему этому!»

Однажды в фойе больницы мы смотрели какую-то передачу об артистке Аде Роговцевой. Возвратились в палату, а Михаил Александрович говорит мне: «Знаешь, Серёжа, а я ведь женился с Адочкой, когда мы жили на Украине, после войны. Она помоложе меня на пять лет. Да вот потом как-то всё у нас распалось, не сложилось». Михаил Александрович даже прослезился от этих воспоминаний.

Я уже потом прикинул по времени, очень похоже, вполне могло быть.

И ещё, просто к слову. Мы собирались покупать машину вместо нашей «семёрки». Думали, иномарку или нет. Марине хотелось, чтобы она была с автоматической коробкой. Когда я рассказал об этом Михаилу Александровичу, он сразу же заявил: «Только иномарку! Даже о другой и не думайте». Мы так и сделали. Потом, когда мы общались уже по телефону, я сказал, что его совет оказался очень правильным, мы очень рады такой покупке. «Ну вот, а я что говорил!» – сказал Михаил Александрович, – теперь давай договариваться о встрече в Подхожем, вы на новой машине, а я на мотоцикле». Но не получилось у нас встретиться. Как-то звоню Ми-

хаилу Александровичу, поговорить. Трубку взяла его жена, сказала, что он скоропостижно умер, прямо за столом.

Вот так пришлось закончить рассказ о бабушке Маше. Думаю, что она не обидится.

Часть 3. Родители

Глава 11. Чекалин Иван Васильевич

Отец, Чекалин Иван Васильевич, был вторым ребёнком в семье Василия Васильевича и Веры Ивановны Чекалиных. Родился он 17 марта 1922 г. Семья их проживала в то время в селе Львово Токарёвского района Тамбовской области (в то время – ещё губернии, а также и Тамбовского уезда, Больше-Лозовской волости). Эти населённые образования входили впоследствии в Центральный Чернозёмный Округ (ЦЧО).

Располагается село Львово на северо-восток от Токарёвки в двадцати трёх километрах от неё. В этом месте, по берегам реки Бурначки, находится группа сёл: посёлок Красный, деревня Петровское (Барские Петровские и Вольные Петровские – по ранним названиям, откуда родом бабушка Вера) и само Львово. В настоящее время, в связи со значительным сокращением населения в деревнях, село Львово и деревню Петровское объединили Постановлением Тамбовской областной Думы от 22 апреля 2016 г. в один населённый пункт, за которым оставили название Львово, поскольку, вероятно, населённых пунктов с названием Петровское в тех краях и без того достаточно. О Львово и Петровском рас-

сказывалось выше, в главах «Чекалин Василий Иванович» и «Баранов Иван Николаевич».

Речка Бурначка впадает вместе с речками Ящерка, Клешня и Малая Бурначка в реку Савала, которая пополняет реку Хопёр. Название речки, Бурначка, по её, вероятно, характеру. Отец её мало помнит, в шестилетнем его возрасте их семья переехала на другое место, но говорил, что речка не широкая, вода в ней шла быстро, и всегда была прохладной.

Конечно, в свои шесть лет отец вряд ли хорошо помнил переезд в деревню Красный Куст, относившуюся тогда к Грязно-Двориковскому сельсовету той же, Тамбовской, губернии (переименование губерний в области произошло только в 1929 году). А Красный Куст от Токарёвки располагался на юг, в восемнадцати километрах от неё по кривым полевым дорогам. По прямой – четырнадцать-пятнадцать километров. Причину переезда назвать не могу. Вероятно, серьёзная, поскольку не только сами переехали, но и деревянный дом разобрали и перевезли на новое место. Возможно, что здесь проще было с землёй, не так заселены были эти места по сравнению со Львово-Петровскими местами. О предположительной причине переезда, связанного с возможностями организации благополучной хозяйственной жизни в период НЭПа, я писал в главах «Чекалин Василий Иванович» и «Чекалин Василий Васильевич».

В 1929 г. отец пошёл учиться в 4-х классную начальную школу при деревне Красный Куст, а с 1933 г. он перешёл

уже в Грязно-Двориковскую школу, завершив образование в 1936 г. в объёме семилетнего. Грязно-Двориковская школа находилась в семи километрах от дома (в настоящее время Грязные Дворики переименованы в «Рассвет»). И вот каждый день, со своими друзьями-сверстниками, по сухому времени, по слякоти и по зимнему холоду было истоптано порядка восьми тысяч километров (если не пропускать уроков). Да трудности были не в этом, хотя и это нелегко. Трудности начались уже с конца осени 1932 г., когда арестовали отца, Василия Васильевича. Когда в доме четверым детям не хватало еды. Да ещё и взрослых было трое: мать (бабушка Вера), девятилетний её свёкор, Василий Иванович, и золовка, Василиса Васильевна (Васёна), шестидесяти лет. Плохо было, когда на целый день уходил в школу с куском жмыха в кармане. А дедушка возвратился из тюрьмы только в 1937 г., через полтора года после окончания отцом семилетки.

Тётя Шура (Александра Сергеевна) тоже ходила в школу в Грязные Дворики. Она говорила, что хорошо помнит этого мальчика, моего отца Ивана. Вероятно, в это время он уже заканчивал семилетку. Тогда она ещё и не предполагала, что он станет их зятем.

После школы отец работал в колхозе, зарабатывал вместе с матерью и сестрой Антониной те самые трудовни, на которые могли потом что-либо дать, в основном – зерном. В колхозах тогда было твёрдое государственное задание. А то, что осталось, за исключением посевного фонда и фураж-

ного зерна, распределялось по трудодням. Если год неурожайный, то ничего и не причитается. Но отработать установленный минимум трудодней было обязательным, поскольку в противном случае это, то есть невыполнение установленного минимума, могли посчитать саботажем, как это и определялось в уголовных законах того времени. Так что надежда была практически только на своё подсобное хозяйство.

К началу войны отцу исполнилось 19 лет, и он был призван в армию. О его военных годах лучше расскажет мой брат, Михаил. Он написал очерк «Солдатская ложка», который был опубликован в районной газете «Серебряно-Прудский вестник», а также в сборнике очерков (2008 год), составленном братом о воинах-односельчанах Серебряно-Прудского района: «Твои рядовые, Россия!». Кроме этого, сборник «Твои рядовые, Россия!» опубликован в 2021 году в виде книги в электронной библиотеке ЛитРес Самиздат.

Солдатская ложка *(Михаил Чекалин)*

«Сегодняшнее поколение уже настолько привыкло к солнечным дням, к счастливым глазам любимых, к радостному смеху детей, что иногда им кажется: так было всегда. Нет, они, конечно, знают о войне. По рассказам старших, по кинофильмам, по книгам. Но очень уж трудно себе представить всю тяжесть беды, свалившейся на наш народ 22 июня 1941 года. Трудно в полной мере представить напряжение тех огненных лет, понять суть патриотического самопожертвова-

ния, духовной силы нашего народа.

Рассказать о войне – это не только воспеть её участников, воссоздать наиболее значительные битвы, но подчас и найти в образах и конфликтах того времени ключ к ясному пониманию вопросов, которые зачастую скрыты, закутаны в повседневной многоликости настоящего времени.

Чем больше времени отделяет нас от тех памятных событий, тем сложнее о них писать. Всё меньше остаётся в живых непосредственных участников первых боёв, всё труднее восстанавливать по скудным фактам сохранившихся документов героический путь защитников Родины.

Я считаю, своим долгом от всей души поблагодарить ветерана войны – моего отца, Ивана Васильевича Чекалина, который своими воспоминаниями и личными документами помог рассказать о днях минувших, о боевых делах воинов 65-й Дальневосточной отдельной морской бригады 176-го стрелкового полка.

Фронтовики обычно не очень охотно рассказывают о днях, проведённых ими на передовой. Воспоминания о минувших боях для них мучительны и даже как бы старят их: ведь снова надо, хоть и мысленно, подниматься в атаку под свинцовый ливень. Непросто всё это пережить. И не случайно Иван Васильевич как о чём-то очень будничном говорит «Ну, воевал ... Все воевали». Но мы-то понимаем, что за этими словами: горестное отступление по дорогам родной страны под напором превосходящих бронированных

полчищ оголтелых гитлеровцев, а затем и не менее тяжёлый победный путь до самого рейхстага.

Девятнадцатилетним пареньком 21 октября 1941 года он принял присягу при 65-й отдельной морской бригаде 176-го стрелкового полка Карельского фронта. В это время на северо-западном направлении находилась немецко-фашистская группа армии «Север», имевшая 42 дивизии. Кроме того, на территории Финляндии находились немецкая армия «Норвегия» и две финские армии – «Юго-восточная» и «Карельская», которые начали боевые действия несколькими днями позже общего вторжения. Финляндия объявила войну СССР 26 июня, а через три дня после этого немецко-фашистские войска под командованием Фанкельхорста начали наступление на мурманском направлении. Затем развернулись бои в Карелии.

Стратегическое значение Карелии и незамерзающего Кольского залива очень велико. Здесь начинается Великий Северный путь. Сюда шли во время минувшей войны торговые караваны из Англии с поставками продуктов и вооружения. Сюда везли золото Колымы и пушнину со всего побережья Ледовитого океана для оплаты поставок. Огромное значение имели крупные месторождения медно-никелевых и железных руд, слюды и редких металлов. Поэтому советское командование стремилось, во что бы то ни стало удерживать эти позиции.

По этим же соображениям большое место в планах гитле-

ровцев уделялось захвату этих территорий. Осуществление этой операции, получившей наименование «Голубой песец», было возложено на тайно созданную заранее немецкую армию «Норвегия». Кроме того, в армию «Норвегия» по тайному соглашению с Финляндией был включён 3-й финский армейский корпус в составе двух пехотных дивизий. 36-й фашистский корпус проводил главную операцию – «Полярная лиса», получив задачу выйти к Белому морю, овладеть районом Кандалакши, прервав сухопутную связь Кольского полуострова со всей страной.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования дала северо-западному фронту директивы к местной обороне и созданию оборонительных рубежей. Но летом 1942 года вынуждена была забрать с Карельского фронта три дивизии, что, конечно, не могло пройти незамеченным для противника. И чтобы противник не смог воспользоваться сложившейся ситуацией и, в свою очередь, снять свои боевые части для перестройки или перегруппировки, было решено временно активизировать действия, которые заключались в походе 65-й и 80-й морских бригад в составе стрелкового полка в тыл врага. «Тогда и было сказано, – говорит Иван Васильевич, – фашист, убитый на севере, не будет воевать на юге».

Драматические ситуации нашего похода очень похожи на бессмертные зори из повести Б.Васильева «А зори здесь тихие».

Здесь не приводятся многие сюжетные подробности, о ко-

торых рассказал и участник этих событий: опасения, владевшие воинами ещё в начале похода, подтверждались. Не имея второго эшелона прикрытия, продвинувшись на 22 километра на финскую территорию, бригада была обнаружена финнами и, терпя бедствия, начала по приказу командования с боями отходить.

Впрочем, как вспоминает ветеран, эти бедствия обрушились на них ещё задолго до вооружённого столкновения с регулярными финскими частями. И главным среди них оказалась нехватка продовольствия. Дело в том, что, передвигаясь скрытно, воины были лишены возможности добывать в лесу пищу охотой. Основа Карелии – вода, камни и леса. Стрельба могла привлечь внимание неприятеля, заранее демаскировать рейдовую бригаду.

В конечном итоге, направление отхода было определено и, находясь в окружении, личный состав принял последний бой. О сдаче в плен не было и мысли. Финны в плен не брали, издевались над ранеными бойцами, вырезали на телах звезды, отрезали уши, вырывали языки, жгли на кострах ещё живых красноармейцев, сложив из них пятиконечные звёзды. Здесь, в неравном смертельном бою, И.В.Чекалин получил сквозное ранение ноги. Из окружения выходили разрозненными отрядами. С группой оставшихся бойцов, прорываясь из окружения, по причине ранения отстал, и, не имея приборов ориентирования, всё же вышел на свою переправу. Остальные, кто ушли вперед, не вернулись.

Иван Васильевич не пытается за давностью лет хоть как-то смягчить происшедшее. Рисуя исключительные по напряжению событийные ситуации, он говорит и о горьких и мучительных потерях. При проведении оборонительных операций из 11 тысяч человек личного состава их дивизии осталось 140 человек. По словам ветерана, все они были разными по характеру и облику, но соединяло их вместе чувство необходимости выполнить боевой приказ. Оно, это чувство, помогало им преодолевать величайшие страдания, приносить большие жертвы, совершать подвиги.

21 июня 1944 года войска Карельского фронта под командованием генерала К.А.Мерецкова перешли в наступление, и уже 28 июня был освобождён Петрозаводск. Войска фронта продолжали развивать наступление до 9 августа, когда, по приказу Ставки, оно было прекращено. Советские войска вышли к предвоенной границе с Финляндией.

Дальнейший боевой путь нашего собеседника прошёл через Восточную Пруссию, Польшу, Германию. Демобилизован из Берлина в октябре 1945 года.

Как память о боевой молодости до сих пор хранит отец солдатскую ложку, отлитую на Карельском фронте из сплава фюзеляжа подбитого самолета. На ручке ложки выгравированы инициалы «ЧИВ». Длительное послевоенное время он пользовался ею, ревностно хранил и оберегал её, никому не доверяя.

В детстве мы с братом не осознавали, какую ценность

представляет для отца этот, вообще говоря, неудобный в пользовании предмет. Но чувство, что в нём скрывается что-то личное, недосказанное, тайное, вызывало у нас огромное желание подержать её и, тем более, попользоваться. И в его отсутствие нам это удавалось...».

Ложка эта сейчас хранится у Миши, как семейная реликвия, которая будет передаваться по мужской линии Чекалиных...

Я оказал только посильную помощь в подготовке сборника Мишиных очерков о земляках-воинах: редактирование и корректура (к сожалению, торопился, меня торопила типография нашего института, МГРИ, где выполнялась печать этой брошюры, и пропустил много ошибок-опечаток). Оплата печати была Мишина. При издании книги в ЛитРес в 2021 году, я устранил большую часть ошибок и опечаток, в некоторых местах выполнил редакцию очерков, а также в части книги, где и мой раздел, дополнил, с разрешения Миши, своими стихами. Книга опубликована для бесплатного скачивания...

В очерке Миша несколько ошибся. Действительно, отец был призван в армию в 1941 г. Но почти сразу же он попал в больницу. Что-то у него было с сердцем, плохо слышал левым ухом, но, самое главное, в области бедренного сустава левой ноги у него образовалась опухоль, с которой врачи долго не могли справиться. Одно время считали, что он уже

и не жилец на этом свете. Но организм справился с болезнью. На всю жизнь на месте опухоли у отца осталась вмятина. Осенью 1943 г. излечившегося отца снова призвали в армию, и снова он попал в госпиталь, теперь уже военный. Обследовали его в Военном Госпитале № 446 с 8 августа по 4 сентября. По справке этого госпиталя, выданной 4 сентября 1943 г. (№ 15/487), у отца выявлена недостаточность митрального клапана, невращения и двухсторонний гнойный отит. Признан годным к нестроевой службе.

Второй раз в госпиталь отец попал уже с Карельского фронта, к окончанию войны с Финляндией. По справке воинской части (полевая почта 05990) от 14.10.1944 г.:

«В боях за Советскую Родину рядовой 52 с.п. (стрелкового полка) 176 с/д (стрелковой дивизии) тов. Чекалин Иван Васильевич 30 июля 1944 года был ранен скв(озным) пулев(ым) ранен(ием) обл(асти) правого Ахиллового сухожилия»...

Вы немного читали в этой книге об отношениях между СССР и Финляндией в главе «Кудинов Сергей Егорович», когда речь шла о «Зимней войне», в которой принимал участие дедушка Серёжа. А здесь я считаю возможным и необходимым, как и обещал раньше, показать более полную картину взаимоотношений этих стран, включая и дополнительные сведения о «Зимней войне» и прошлые, а также дальнейшие взаимоотношения между СССР и Финляндией.

Финляндия долгое время называлась Великим княжеством Финляндия. Александр I дал Финляндии Конституцию, в которой определяется, что она присоединяется к Российской державе со статусом особого рода. Российский самодержавный император является вместе с тем и великим князем финляндским. Эта Конституция существовала 100 лет, но на протяжении этого времени происходили её изменения.

При Александре III велись работы по большему, чем это было при его предшественниках, объединению Финляндии с империей. Александр III в целом был сторонником конституционной самостоятельности Финляндии. Но он был и сторонником сохранения тех положений и установок, которые были определены его дедом и отцом.

Николай II в первые годы своего царствования благосклонно относился к Финляндии, он их называл «вернейшими моими подданными». Но уже 20.05.1901 г. выходит закон, который практически упразднил национальные воинские формирования Финляндии. Ранее, по Конституции времён Александра I, она располагала ограниченным контингентом в несколько тысяч человек, которые подчинялись не военному министру России, а финляндскому генерал-губернатору. В мирное время эти войска не могли быть выведены за пределы края. Вопрос о войсках Финляндии решался осенью 1900 г. в Государственном совете. Большинство сановников выступило за сохранение финских войск,

опасаясь усиления национального движения. Меньшинство сановников, решение которых утвердил Николай II, предложили по существу упразднить финские войска. В результате этого законом 1901 г., почти тождественно с общероссийской установкой, автономные права Финляндии значительно ограничивались, как и в манифесте от 03.02.1899 г., в котором устанавливалось, что российские власти могут издавать обязательные для Финляндии законы и постановления без согласования с финским сеймом.

В результате революционных событий 1905 г. Николай II вынужден был утвердить в июле 1906 г. новую Конституцию Финляндии, которую В.И.Ленин назвал «одной из самых демократических Конституций всего мира» (в то время – С.Ч.). Но наступление на финские свободы продолжилось, нарушались со стороны Российского самодержавия её конституционные права.

14.03.1910 г. вышел манифест, который видный государственный деятель того времени С.Ю.Витте назвал «бессовестным законом», ликвидировавший все политические завоевания Финляндии, её автономию, практически отменивший и действующую Конституцию Финляндии 1906 года, гарантированную самим царём. Поэтому одним из первых декретов Советской России, по настоянию В.И.Ленина, и был декрет о полном представлении Финляндии автономии и выделения её в отдельное государство, не зависящее от России.

Потому и понятно, что развязывание со стороны СССР

войны с Финляндией в 1939-1940 гг. («Зимней войны»), значительно ухудшило и без того напряжённые отношения между нашей страной и Финляндией. Сталин с небрежением относился к финнам, не считал их силой, которая может противостоять Красной Армии. Как он говорил, мол, стоит только крикнуть или стрельнуть в них, как они тут же разбегутся. Как видим, не получилось такого, «закидать шапками». Надо было бы Сталину оглянуться назад, в историю, совсем недавнюю, когда Россия развязала войну с Японией и проиграла её. В то время святой Николай II (но в то время его ещё не сделали святым) называл японцев «макаками», вот и получил своё: война с Японией была Россией полностью позорно проиграна. Как и наша страна – получила своё от финнов, несмотря на то, что Советский Союз и победил финнов в «Зимней войне». Но эту «победу» надо было бы назвать «будто бы победой».

Далее считаю целесообразным поместить информацию об отношениях названных двух стран известного историка-политика Абдурахмана Авторханова из его книги «Империя Кремля»:

«5 октября 1939 г. (почти через полтора месяца после подписания 23 августа 1939 г. секретного пакта между СССР и Германией о разделе части Европы – С.Ч.) Молотов ультимативно предложил финскому правительству в течение 48 часов начать с советским правительством переговоры по

«важным политическим вопросам». Присланному из Хельсинки представителю финского правительства и будущему президенту Финляндии Паасикиви Сталин коротко и деловито объяснил: «Вы угрожаете безопасности Ленинграда, находящегося от вас в 32 километрах. Поскольку мы не можем передвинуть с места наш Ленинград, то мы решили продвинуть наши границы вглубь вашей страны». Конкретно Сталин потребовал, чтобы Финляндия уступила СССР ряд островов в Финском заливе, а на полуострове западнее Хельсинки разрешила Красной Армии построить военно-морскую базу на арендных началах, а также согласилась на некоторые «исправления» границ и на севере. Всего Сталин потребовал 2700 кв. км, за что великодушно предлагал Финляндии, в качестве компенсации, дикие карельские болота. Сталин даже острил, как тифлисский кинто старых времён: «Мы ведь требуем всего только 2700 кв. километров, а за это даём в обмен 5500 кв. километров. Скажите, какая великая держава поступила бы так? Никакая. Только мы такие глупые».

Правительство Финляндии согласилось с исправлением границ у Ленинграда, но отвергло остальные требования, на что Молотов сказал: «Поскольку гражданские лица не могут договориться, то отныне слово принадлежит военным».

В результате возникших военных действий Красная Армия потеряла 207 тысяч человек за пограничную с Карелией

область с городом Выборг, а также за некоторую территорию на севере и востоке Финляндии. Граница от Ленинграда была отодвинута до 150 км.

Вскоре началась и война с Германией. Финляндия, под нажимом Германии, разрешила разместить на своей территории одну немецкую дивизию (ещё до начала военных действий между СССР и Германией). Но когда началась война, то Финляндия заявила о своём нейтралитете в ней. Однако Кремль, невзирая на объявленный нейтралитет, уже 25 июня, на четвёртый день войны, приказал бомбардировать территорию Финляндии. (Но в нашей истории указывается обратное, что финны начали с нами войну 25 июня.) А финны начали свои боевые действия против СССР только 10 июля, возвратили всю захваченную раньше Советским Союзом территорию, захватив всю Карелию с городом Петрозаводском. После этого маршал Маннергейм, несмотря на давление Германии, прекратил дальнейшее продвижение своих войск. В этот период наши потери составили 260 тысяч человек (убитыми и ранеными)...

Далее опишу события на Карельском фронте, в которых принимал участие отец и во время, когда он был ранен. Эти сведения я разыскал в Интернете.

Утром 21 июля 1944 г. части 55-го полка 176-й стрелковой дивизии первыми вышли на государственную границу с Финляндией в районе населённого пункта Лонгонваара, на следующий день этой границы достиг и 63-й полк дивизии.

Придавая большое значение самому факту выхода передовых частей 32-й армии к государственной границе, командующий фронтом К.А.Мерецков незамедлительно доложил в Ставку ВГК об этом успехе.

Немного о 176 стрелковой дивизии 2-го формирования.

Полное её название: 176-я Мазурская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия. Дивизия была сформирована 20.02.1944 г. на базе 65-й морской стрелковой бригады и 80-й морской стрелковой бригады на Карельском фронте. С 21.06.1944 г. принимала участие в Свирско-Петрозаводской наступательной операции, 23.06.1944 г. участвовала в освобождении Медвежьегорска, наступала в направлении на Поросозеро, где понесла большие потери. В первой половине июля после упорных боёв освобождены Салми, Питкяранта, Суоярви, Поросозеро. 21.07.1944 г. части именно этой дивизии первыми вышли на государственную границу с Финляндией. В дальнейшем дивизия была отведена в Вологду на отдых и пополнение, после чего участвовала в Восточно-Прусской и Пражской операциях...

Теперь возвращусь к событиям на Карельском фронте. Продолжая наступление, части 176-й стрелковой дивизии в последних числах июля начали продвижение вглубь Финляндии, но встретили организованное сопротивление 3-го пограничного, а также 1-го и 6-го егерских батальонов финнов. Действовавший на правом фланге дивизии 52-й стрелковый полк, продвигаясь из района Хуллари лесными тропа-

ми, вышел на окраины Хаттуваара, но взять посёлок не смог. Одновременно 55-й полк вел бой с противником на рубеже реки Илайаньйоки, а 63-й – в районе посёлка Утрио. В это время 289-я стрелковая дивизия, действовавшая чуть южнее 176-й дивизии, вела бои в районе Луисвары. Здесь были окружены и уничтожены 2 батальона финской 21-й пехотной бригады, захвачены 5 орудий и 22 автомобиля. Преследуя отступающего противника, к 27 июля передовые части дивизии достигли границы в районе населённого пункта Лутикковаара. 1046-й полк дивизии, первым достигший границы, продолжил наступление по дороге Куолиσμα – Мёхкё – Иломанси. В районе деревни Эйккесенваара в месте, где дорога проходила по узкому перешейку между озёрами Сюсьмаярви и Коннукаярви, части финской 21-й пехотной бригады организовали прочную оборону. На этом рубеже завязался ожесточённый бой, продолжавшийся несколько дней. Учитывая уязвимость положения выдвинувшихся далеко вперёд двух советских дивизий, части которых вели бои на нескольких направлениях на значительном удалении друг от друга, а также тот факт, что активных боевых действий на других участках фронта уже не велось, финское командование приняло решение перебросить в район Иломанси подкрепление и перейти в контрнаступление. Пока егерские батальоны и части 21-й пехотной бригады сдерживали советское наступление, с Карельского перешейка 28 июля прибыла кавалерийская бригада. Для предстоящего наступления вой-

ска были объединены в оперативную группу «R» под командованием генерала Э.Раппана (всего около 14000 человек). Финская группировка имела некоторое преимущество в живой силе – общая численность двух советских дивизий на 31 июля не превышала 11200 человек. 31 июля оперативная группа «R» перешла в контрнаступление. Финские части, используя тактику «Мотти», действовали малыми, подвижными группами против рассредоточенных подразделений двух советских дивизий, стараясь перерезать их коммуникации, разделить на отдельные обособленные отряды, а затем уничтожить по частям. Тактика «Мотти», это партизанская тактика ведения боевых действий, активно применявшаяся финнами в ходе Советско-финской войны. Заключается она в разделении численно превосходящей группировки противника на отдельные обособленные группы, с отсечением их друг от друга и от основных сил противника, с последующим методичным уничтожением. Наиболее характерной чертой тактики «Мотти» является нападение малых, подвижных групп на рассредоточенные подразделения противника (проще говоря, на колонны войск) с целью нанести как можно больший ущерб коммуникациям противника, остановить и обездвижить его.

Этот принцип известен с древности. Задолго до советско-финского конфликта, в 9 году н.э., предводитель херусков Арминий, воспользовавшись тем, что вступившие в лес римские легионы вытянулись в длинную колонну, наголову

разбил считавшееся непобедимым римское войско под командованием Публия Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу. Но именно финны воспользовались одновременно и характером театра военных действий (заснеженные равнины, леса и топи), и просчётами в организации передвижений сил противника (передвижение в механизированных колоннах). Финнами для этих целей усиленно задействовались высоко-мобильные лыжные отряды.

Так, в первый день наступления кавалерийская бригада основными силами в районе Утрио атаковала 63-й полк 176-й стрелковой дивизии и заставила его спешно отступить. Развивая успех, 1 августа части кавалеристской бригады стремительным броском по лесным тропам вышли юго-восточнее озера Луовенъярви к дороге Куолиσμα – Иломантси.

Одновременно подверглись атакам и два других полка 176-й стрелковой дивизии. Особенно большие потери в районе Хаттуваары понес 52-й полк, внезапно атакованный с юга частями кавалерийской бригады, а также 3-м пограничным егерским батальоном и отдельной ротой егерей капитана Л.Тёрни. Понеся большие потери, части 52-го полка были вынуждены спешно отступить на восток в направлении Хуллари. Под натиском противника основные силы 176-й стрелковой дивизии были вынуждены отойти в район Велливаара – Лехмиваара и временно перейти там к обороне.

В тяжёлом положении оказались и части 289-й стрелковой

дивизии. В районе Эйккесенваара финские мобильные отряды 21-й пехотной бригады и егерских батальонов обошли позиции передового отряда дивизии (части 1046-го и 1044-го полков) с флангов и вскоре окружили его. Понеся значительные потери, бойцам и командирам пришлось самостоятельно пробиваться из окружения: на восток по берегу озера Коннукаярви или на север – в направлении на Лутикковары, где держали оборону основные силы дивизии.

При подходе войск фронта к государственной границе в районе Куолизмы две дивизии попали в тяжёлое положение. На сложной пересечённой местности финны обволокли их мелкими группами, просачивались в отдельных местах в боевые порядки. У одной из дивизий оказались отрезанными пути подвоза. Некоторое время продовольствие и боеприпасы ей доставляли с помощью самолётов. Такие неудачи были тем досаднее, что в целом-то операции по разгрому финских пособников Гитлера проходили благоприятно.

Из воспоминаний генерала армии С.М.Штеменко, бывшего в 1944 г. начальником Оперативного управления Генштаба.

«Уже к 2 августа 176-й и 289-й стрелковые дивизии были изолированы друг от друга и разделены на несколько обособленных частей. Единственная хорошая дорога, связывавшая советскую группировку с остальными силами 32-й армии, оказалось перерезанной. В такой ситуации советские соеди-

нения стали остро испытывать недостаток в продовольствии и боеприпасах. По распоряжению командующего войсками фронта с 3 по 5 июля была организована доставка материальных средств самолетами По-2 и Р-5, которые сумели перебросить в район боев свыше 6 тонн грузов. Это помогло не позволить финским войскам полностью ликвидировать окружённые группировки. Части 176-й стрелковой дивизии в районе Велливаара – Лехмиваара, и части 289-й стрелковой дивизии в районе Луттиковара отразили все атаки противника. Несмотря на это, положение окружённых отрядов продолжало оставаться тяжёлым. Эффективно действовала артиллерия противника, которая в ходе боёв сделала более 36000 выстрелов, в то время как советская артиллерия из-за нехватки боеприпасов за тот же период выпустила по позициям финнам всего около 10000 снарядов».

Деблокада 176-й и 289-й стрелковых дивизий. Сложившаяся ситуация заставила командование Карельским фронтом предпринять срочные меры. Первой в район боевых действий прибыла 70-я морская стрелковая бригада и немедленно перешла в наступление с целью деблокады 176-й стрелковой дивизии, однако успеха не добилась. 4-5 августа в район Куолисмы прибыли 3-я, 69-я бригады морской пехоты и часть сил 29-й танковой бригады. Возглавил операцию лично командующий 32-й армии генерал-лейтенант Ф.Д. Гореленко. 3-й бригаде морской пехоты и частям 29-й танко-

вой бригады была поставлена задача: наступать вдоль дороги Куолиσμα – Луттиковара и восстановить связь с 289-й стрелковой дивизией. А 69-й и 70-й бригадам предстояло вести наступление в направлении на Лонгонвару и деблокировать 176-ю стрелковую дивизию.

Ожесточённые бои продолжались несколько дней. Финское кольцо окружения не было плотным, и вскоре связь с 176-й и 289-й стрелковыми дивизиями была восстановлена. Учитывая, что обе дивизии понесли заметные потери, а снабжение их было связано с большими трудностями, командование фронтом приняло решение отвести войска на более выгодные рубежи в 5-7 километрах к востоку от границы. Финская группировка, также понесшая значительные потери, не имела достаточных сил для того, чтобы этому воспрепятствовать. Большая часть личного состава 176-й и 289-й стрелковых дивизий успешно вышла из окружения, но поскольку отступление осуществлялось по лесным тропам, на поле боя было оставлено значительное количество техники и тяжёлого вооружения. После боев в районе Иломантси активные боевые действия в Карелии закончились и к 10 августа линия фронта окончательно стабилизировалась по рубежу Кудама-губа – Куолиσμα – Лоймола – Питкяранта.

Потери. Согласно исследованию российского историка Ю.М.Килина, основанного на документах из фондов ЦАМО, с советской стороны в сражении при Иломантси принимала

участие группировка общей численностью около 20000 человек. Наибольшие потери понесли дивизии, попавшие в окружение. Так, 176-я стрелковая дивизия, имевшая на 31 июля в своем составе 5722 человека, с 1 по 11 августа потеряла около 1980 солдат и офицеров (убитые – 660, пропавшие без вести – 150, раненые – 1170). За тот же период 298-я стрелковая дивизия потеряла около 1120 солдат и офицеров (около 300 – убитые, 120 – пропавшие без вести, 700 – раненые) из численности на 31 июля в 5500 человек. Некоторое количество человек, из числа пропавших без вести, попали в плен. Значительные потери понесли морские стрелковые бригады, прибывшие в район Куолисмы в начале августа и деблокировавшие окруженную группировку. С 1 по 11 августа потери составили в 3-й морской стрелковой бригаде 904 человека (156 убитыми и 748 ранеными), в 69-й – 339 человек (89 убитыми и 250 ранеными) и в 70-й – 235 человек (64 убитыми и 171 ранеными). Всего с 1 по 11 августа советские стрелковые части (без учета 29-й танковой бригады) потеряли 4578 человек (1269 убитыми, 270 пропавшими без вести и 3039 ранеными). Эта цифра не является окончательной, поскольку потери 176-й и 289-й стрелковых дивизий в боях в конце июля доподлинно неизвестны. Но можно практически смело 270 пропавших без вести причислить к убитым, поскольку финны не брали в плен, а убивали пленённых солдат. Кроме того, по финским данным на поле боя советскими войсками были оставлены 94 орудия, 6 ра-

кетных установок, 82 миномета, 66 автомобилей, 7 танков и большое количество прочего военного имущества. Потери финской оперативной группы «R» составили 277 убитыми и 1388 ранеными.

Итог операции. Сражение при Иломантси, ставшее последним крупным столкновением противников в ходе Свирско-Петрозаводской операции, не оказала сколько-нибудь существенного влияния на общую обстановку на советско-финском фронте и не отвратило поражение Финляндии в войне. К началу августа высшее советское командование окончательно отказалось от продолжения крупномасштабного наступления против Финляндии. Втягивание в затяжные и изнурительные бои на явно второстепенном направлении могло помешать советской армии в достижении гораздо более значимых целей. Тем более, что наступательные операции Ленинградского и Карельского фронтов поставили Финляндию в крайне тяжёлое положение. Уже в августе финское правительство отказалось от союза с Германией, а 19 сентября в Москве было подписано перемирие между СССР и Финляндией».

Однако поражение раздосадовало высшее советское командование. Посчитав, «что последняя операция левого крыла Карельского фронта закончилась неудачно в значительной степени из-за плохой организации руководства и управления войсками», Ставка ВГК сняла с должностей ряд

высокопоставленных военачальников Карельского фронта, а Военному Совету фронта было приказано немедленно устранить крупные недостатки в управлении войсками.

Наступление советских войск в Южной Карелии, в отличие от операций на Карельском перешейке и начального этапа Свирско-Петрозаводской операции, уже не имело стратегического значения и, по утверждению финского военачальника К.Л.Эша, было продиктовано только соображениями престижа – желанием советской стороны хотя бы в одном месте восстановить границу 1940 года. Несмотря на это, победе под Иломантси в финской историографии придается большое значение. Успех в этом сражении, также как «оборонительные победы» на других участках фронта (прежде всего в районе Тали – Ихантала на Карельском перешейке), позволили Финляндии добиться «победы в противостоянии», заключить мир на условиях (пусть и крайне тяжёлых) и, таким образом, отстоять свою национальную независимость.

Победа под Иломантси повлияла на нашу утомлённую армию столь вдохновенно, что её следует считать необыкновенно большой. После двухмесячных боёв, требовавших большого нервного напряжения, продвижение противника было окончательно остановлено (из воспоминаний К.Г.Маннергейма, в 1944 г. главнокомандующего финской армии).

В муниципалитете Иломанси на местах боев в июле-августе 1944 г. созданы многочисленные мемориалы, установлены памятные знаки. В 1994 г. в Финляндии с большим размахом было отмечено 50-летие битвы. На торжествах присутствовали действующий премьер-министр Э.Т.Ахо, а также бывший глава Финляндии У.М.Койвисто, который был непосредственным участником сражения при Иломанси...

В госпитале Военской части (полевая почта 05990) Иван Васильевич находился по ранению с 19 августа по 13 октября 1944 г. Почти три недели выходил он из окружения вместе с небольшой группой после тяжёлых боёв, в которых погиб практически весь их полк, от полка осталось всего 140 человек живыми и ранеными (по словам отца). Потом – снова фронт, город Берлин. В Берлине, по освидетельствованию гарнизонной врачебной комиссии (справка № 11/487 от 12 октября 1945 г.):

«Красноармеец 136 ОРП Чекалин Иван Васильевич признан годным к нестроевой службе по ст. 31 и 79а графы первой (I) «Расписания болезней» приказа НКО СССР № 336 1942 г. Название болезни: митральный порок сердца, неврит левого слухового нерва»...

65 Дальневосточная отдельная морская бригада, в воинском подразделении которой воевал отец, была сформиро-

вана в октябре-ноябре 1944 г. в Челябинске, на территории Уральского военного округа за счёт состава Тихоокеанского флота. В начале января 1942 г. она прибыла на Карельский фронт в район Медвежьегорска и сразу же вступила в боевые действия. Но эти действия оказались весьма безуспешными: почти за неделю боёв (с 5 по 10 января 1942 г.) потери личного состава достигли 44%. В феврале 1944 г. подразделения бригады были направлены на формирование 176 стрелковой дивизии, подчинявшейся 32 армии, которая летом 1944 г. (с 21 июня) участвовала в Свирско-Петрозаводской наступательной операции, а 23 июня – в освобождении Медвежьегорска. После этого 176 сд была направлена в Вологду на отдых, а в дальнейшем она принимала участие в боях за Восточную Пруссию и в Пражской операции в составе 31-й армии 3-го Белорусского фронта. Командовал 176 сд полковник (в последующем, с 20.04.1945 г., – генерал-майор) Золотарёв Василий Иванович (25.04.1905 – 18.01.1959).

Полковник Василий Иванович Золотарев (позднее генерал-майор), был последним, третьим командиром 176-й стрелковой дивизии. Он командовал дивизией с 19 апреля 1944 г. по 11 мая 1945 г. В.И.Золотарев награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, многочисленными медалями.

176 сд (стрелковая Мазурская Краснознамённая ордена Суворова дивизия) была сформирована, в основном, за счёт 65-й и 80-й морских бригад в феврале 1944 г. По состоянию

на 01.01.45 г. она входила в состав 135 стрелкового корпуса 31-й армии 3-го Белорусского фронта, потом, с 01.04.45 г. перешла в подчинение 36-го стрелкового корпуса, который вскоре был передан 3-му Украинскому фронту.

Следует провести некоторое сопоставление. В этих же местах, в это же примерно время, практически рядом, воевал и Кудинов Сергей Егорович, дедушка Серёжа.

Таким образом, Иван Васильевич побывал на двух фронтах, Карельском, уже в середине войны, и на фронте с немцами. Кстати, Карельский фронт был самым протяжённым из всех фронтов ВОВ – 1600 километров.

Военный стаж с 1941 г. отцу записал работник военкомата Свиридов.

– Знаешь, – говорит, – Иван, ты скажи, что на войне с 1941 г. Тебя ведь призвали, но ты заболел. Чтобы не было лишних разговоров.

И ещё он сказал отцу:

– Ты вон с тем мужиком не разговаривай или старайся не разговаривать. Особенно про колхозы. Он провокатор. Могут арестовать, если что скажешь.

Возвратился с войны отец в конце 1945 г. (был демобилизован в октябре 1945 г.). Заходит в избу, а там сидят все его родные, да ещё к сестре Серафиме приехала подружка, Клавдия. Обрадовались, конечно. Дедушка бутылку водки на стол поставил, все выпили. Тётя Сима рассказывала, что она тоже выпила, запьянела. Достали балалайку, играть стали, пля-

сать, песни петь. Дедушка удивился – откуда всё взялось, у Симы-то. Никогда такого не было.

То, что тётя Сима выпила – это, пожалуй, исключительное дело. Насколько я помню, она вообще спиртного не пила. Как-то приехала она в гости к родителям в Яковлевское. Родители собрали стол и для других гостей, пришли Счастливые дядя Петя и тётя Феша (Фаина Ивановна) из Шишково (деревня через ручей Гремячий от Яковлевского). И вот, в середине застолья, тётя Феша стала упрашивать тётю Симу:

– Сима, ну выпей хоть глоточек, для меня! Очень прошу!

Но и этого глоточка не было, хотя к Фаине Ивановне тётя Сима относилась очень хорошо, да и вся наша родня – тоже...

После войны отец продолжил работу в колхозе. Был разнорабочим, конюхом, бригадиром, кузнецом, рабочим сепараторного пункта, но последнее уже не в колхозе, а в совхозе, после объединения в конце 50-х годов мелких хозяйств сначала в крупные, а потом – в совхозы. Колхозов тогда оставили очень мало, как дань прошлому. Да и колхозами они как таковыми быть перестали. Постепенно перешли на денежную оплату, также потихонечку и собственность колхозов стала государственной, то есть совсем ничьей. При выходе из колхоза, переезде, например, на другое место, никто и не собирался отдавать тебе твою часть собственности, из общественной (обобществлённой). Только попробуй, попроси! Это так же, как в наших советских Конституциях почти всех

их редакций, про союзные республики: «имеют права на самоопределение, вплоть до отделения». Попробуй, заяви об отделении, так вся республика и будет танками запахана на веки вечные. А ведь как уж хотела, в своё время, отделиться от СССР Армения. Зачинщик этого отсидел в тюрьме 18 лет, а потом был лишён советского гражданства и насильно выдворен с территории СССР...

Отец рассказывал про свою работу бригадиром, как он утром объезжал деревню с приказом о выходе на работу. Говорит, что вхожу к одной нашей односельчанке. А у неё трое детей, маленьких. Мужа нет, убит на войне. Я ей говорю, что надо, мол, на работу выходить. А она мне в ответ: «А как же я буду детей кормить? Мне надо ещё и печку протопить, состряпать что-нибудь им». И так несколько раз. Я уж председателю пожаловался на неё, что, мол, с ней делать? «А что хочешь, – говорит, – то и делай, но чтобы на работу выходила. А будешь потакать ей, так я про тебя заявлю, что ты саботируешь работу, что ты сын врага народа». Отец сказал нам:

– Ну, я однажды и не выдержал, схватил ведро с водой и вылил в печку. Топи теперь, – говорю.

В трудовой книжке отца записано следующее: «Трудовой стаж в колхозе составляет 18 лет, то есть с 01.01.1942 г. по 17.02.1960 г. Следовательно, надо полагать, до организации совхоза «Полетаевский» в 1959 или 1960 гг. В совхозе он почти полтора года работал плотником, а затем был переведен на должность рабочего (в сепараторном пункте). В конце

января месяца 1965 г. он уволился, как записано – в связи с переменой места жительства. С начала апреля 1965 г. он уже работал в совхозе «Россия» Серебряно-Прудского района Московской области в должности рабочего (кочегаром котельной; сначала – центральной котельной, которая отапливала жилые дома, детский сад и ясли, а также административные здания, потом – в котельной при инкубаторе птичника в деревне Яковлевское). В центральной котельной он работал вместе с дядей Петей, Счастливым Петром Семёновичем. Этот дядя Петя и приезжал к нам в Красный Куст в 1962 г., когда я был в пионерском лагере (я писал об этом в главе «Баранов Иван Иванович»).

С начала октября 1966 г. и по март месяц 1983 г. отец работал пчеловодом совхоза «Россия». После два с небольшим года он продолжил работу сторожем на той же пасеке. (А до него сторожем работал дядя Петя, который заодно и Баранов Иван Иванович.) Уволился из совхоза в середине лета 1985 г., в возрасте 63 лет «в связи с уходом на пенсию». И больше нигде не работал до самой смерти, кроме своего огорода, ещё на «сотке» – дополнительная земля (две сотки), которую дали всем работникам совхоза, настоящим и пенсионерам, живущим в домах городского типа, в довесок к огороду. (Эту квартиру родители получили в Узуново в 1978 году.) Да ещё и на нашем огороде на нашей даче в Узуново – с 1987 г. до 1997 г., до продажи нами этого участка.

В 1947 г., работая конюхом, отец получил Почётную гра-

моту, подписанную лично Семёном Михайловичем Будённым, известным командармом, героем Гражданской войны. Остались ещё те слова: будёновец, будёновка, конница Будённого (по песням и фильмам). В 1948 г., когда отец работал бригадиром колхоза «Красный Куст», он был награждён медалью «За Трудовую доблесть», о чём имеется письмо от 26 мая 1948 г. (№ 5/8) секретаря обкома ВКП(б) Ив. Волкова:

«От имени обкома партии и от себя лично шлю Вам, Иван Васильевич, самые горячие поздравления с высокой наградой медалью «За трудовую доблесть» – которой Вас удостоило Правительство СССР за получение высокого урожая в 1947 году. Желаю новых успехов в Вашей почётной работе на благо родины и народа».

Многих, в том числе и Чекалиных, в жизни преследовала кочёвка: прадед отца, Иван, (а можно предположить, что и прапрадед Ларион) насильно переселён из Архангельской губернии в Тамбовскую, в село Львово, в карты были они проиграны; дед отца, Василий Иванович, да и отец, Василий Васильевич, через восемьдесят лет переселились из села Львово в деревню Красный Куст; в 1952 году была попытка переселения в Краснодарский край, город Крпоткин, но по важным обстоятельствам этого не произошло; отец в 1965 г. переселился из Красного Куста с семьёй в Московскую об-

ласть, в деревню Яковлевское, а потом в село Узуново. И в этом случае переселение в Московскую область было вынужденным...

Всё было хорошо, да что-то нехорошо! Сельское хозяйство центрального Черноземья стало разваливаться уже бегом. Уменьшили земельные наделы, причём, независимо от количества членов семьи оставили всем одинаковые по площади огороды, по пятнадцать соток. Раньше, после Октябрьской революции, хоть были наделы на каждого едока в семье. А здесь, хоть ты один в семье, хоть вас одиннадцать – всем одно и то же – 15 соток (До этого уменьшения огороды были по 30 соток.). Ограничили количество домашнего скота по тому же принципу. Отец с матерью хотели построить новый дом. Всё-таки трое детей, мы с братом на подходе к взрослой жизни, школу заканчивали, да ещё сестра Валентина. Но помощи со стороны совхоза и государства в строительстве никакой, а своих средств не было. Вот и переехали сначала в деревню Яковлевское Серебряно-Прудского района Московской области, в те места, где жили бабушкин брат Иван Иванович Баранов (Пётр Семёнович Счастливый, о котором я выше отдельно писал) с женой, Фаиной (Фёклой) Ивановной. Первым уехал отец (в начале 1965 года), а примерно через год (в конце 1965 г.) и все мы: мама, бабушка и дети.

Родители и раньше ещё, как я уже сказал выше, в 1952 г., уезжали с той же целью и по тем же причинам на Кубань, в город Кропоткин. Там жила тогда сестра отца, Антонина

Васильевна, с мужем Николаем Яковлевичем Журавлёвым и сыном Валерием. Потому и уехали, что за 1951 г. на трудодень выдано было всего по 120 граммов овса. Я уже приводил выше размеры оплаты на трудодень в Токарёвском районе Тамбовской области даже во время войны, в 1942 г. Приведу их и здесь: зерна – по 250 граммов, картошки – по 180 граммов, дополнительно деньгами – по 28 копеек. А здесь – практически ничего. Вот и оставили доедать хлеб дедушку с бабушкой и нас с братом. На всех не хватило бы. Устроились в Кропоткине хорошо. Отец работал трактористом (до этого он окончил трёхмесячные курсы трактористов при Полетаевской МТС с 26.11.1951 г. по 08.03.1952 г.), мать работала там, в Кропоткине, сначала прачкой, а потом почтальоном. Деньги стали зарабатывать, подумывали скоро и остальных забрать к себе на Кубань. Я был в то время совсем маленький, но, странно, помню посылку из тех краёв от родителей в начале зимы 1953 года. И запах от неё сушёными фруктами. А для дедушки ещё и сто рублей. Но рубли-то я не помню, а как сейчас, наяву: вечером, а зимой, почитай – ночью, мы с Мишей лежим на печи (нам сверху видно всё...), над столом горит керосиновая лампа семилинейка, за столом сидит бабушка Вера, а у стола дедушка Вася инструментами (молотком и стамеской) колдует над ящиком-посылкой. Открывает долго, аккуратно, все гвоздики и сам ящик потом в дело пойдут. (Кстати, этот молоток до сих пор цел, он у нас на даче в инструментах.) А от посылки, ещё не открытой,

незнакомый запах, от этих сушёных фруктов. Вкусно ли было, что за фрукты там были – того не помню. Помню только запах фруктового разнотравья. Но вслед за посылкой, в том же 1953 г., в конце ноября месяца, приехали и отец с матерью: заболел дедушка, с сердцем что-то, да и мы с Мишей стали собирать все заразные детские болезни. Трудно стало дедушке и бабушке справляться с хозяйством и детьми.

Мама рассказывала:

– Приехали мы с отцом, вы с Мишей на печке лежите со скарлатиной. Обметало вас, губы потрескались. И уши болят. А Миша уже и оглох совсем. Я с ним и в Полетаево в больнице лежала, ездила даже в Тамбов. Ничего не получалось. А потом понемножку отошло. Но глухота небольшая так у него и осталась. Он тогда уже говорил, шесть лет было. Но из-за глухоты, сказали врачи, он может стать немым. Как мы уж тогда напугались!

Так и остались в Красном Кусте. Может быть, и уехали бы, но, скорее всего, понадеялись на лучшее. Ведь после смерти Сталина отменили все налоги с крестьян. Подумали – вот теперь заживём, если налоги-то не платить. Но коммунистическая партия со смертью Сталина не умерла и с успехом продолжила намеченный развал сельского хозяйства, который, как мы сейчас уже определённо видим, практически успешно завершился и завершается, но уже с помощью других партий.

На новом месте, в Серебряно-Прудском районе, отец сна-

чала работал кочегаром в котельных, в селе Узуново, а потом, немного, – в отделении совхоза, на птицеферме. Тогда птицеферма была большая. Выращивали в ней кур и уток, со своим же инкубатором. Его, инкубатор, отец и отапливал. Я, когда в 1966 г. не прошёл в институт по конкурсу, некоторое время (примерно полгода) работал в той же котельной кочегаром. Но его работа кочегаром продолжалось недолго, до конца 1966 г. С этого года до конца 1983 г. отец работал непосредственно пчеловодом, а до полного выхода на пенсию, до середины 1985 г., он работал на той же совхозной пасеке, но сторожем, я выше об этом уже писал...

Пчёлы у нас были ещё в Красном Кусте, ульев шесть-десять. Были мы обеспечены своим степным луговым мёдом, да и на продажу сравнительно много оставалось. Отец возил мёд на базар в Токарёвку и даже в Волгоград (тогда – Сталинград; в ноябре 1961 года Сталинград переименовали в Волгоград). Засахаренный (сгустившийся) степной мёд был какого-то прямо-таки жёлтого, янтарного цвета. Солнечный. Ульи стояли в палисаднике у дома, а на зиму отправлялись в омшаник. Самые заботы с пчёлами начинались с весны и продолжались практически до снега. Пасека в нашем доме появилась ещё при жизни бабушки Василия. Но пчёлами занимался исключительно отец. Остальные были от этого отстранены по причине неумения. Пчеловодство – дело тонкое, как и Восток, по словам красноармейца Сухова из «Белого солнца в пустыне». Поэтому нам, остальным, кроме мё-

да доставались в придачу впечатлительные укусы пчёл. У меня, например, к мёду отношение было и осталось вполне дружеское, а вот на укусы его сборщиков я реагировал странно-аллергически: укусит пчела в спину или ногу (например, наступишь босой ногой на пчелу), а распухает вместе с той же спиной и ногой глаз либо оба глаза.

Словом, как одновременно «ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой». Особо берегись их укусов во время роения (разделения пчелиной семьи, когда часть её улетаёт на новое место жительства), и во время отбора мёда у пчёл. Понятно, что весь мёд у пчёл не отбирался, им на зимний период оставляли примерно килограммов двадцать-двадцать пять, в зависимости от мощности семьи. Остальное для их семьи было излишком. Но пчёлы такого простого факта не понимали и сопротивлялись незаконной конфискации их продуктов. Роение пчёл – дело для пасечника хлопотное. Захотевших отделиться надо было вернуть в улей и успокоить, то есть оставить им всего одну матку – единственное существо женского пола в их семье. Рой перед отлётом в другие края садится клубком чаще всего на дерево. Вот его и надо было успеть загнать в роевню, а потом уж, на следующий день-другой, снова отправить в тот же улей, оставив там всего одну матку, либо с их же маткой поместить в свободный улей. Собранных в роевню пчёл ставили в прохладу на погребец, для их успокоения.

Как-то раз, при дедушке, отроился улей, и рой уселся вы-

соко на молодом клёне, который рос в нашем палисаднике. Отец был на работе, где-то в поле. Миша за ним побежал. Но ведь пока за ним сбегаешь, да пока он сам до дома дойдёт, пчёлы могут улететь. Дедушка надел на голову специальную пчеловодческую сетку, приставил лестницу к клёну, поднял наверх ведро с водой и веник, успокоил пчёл немного искусственным дождиком (в дождь рой не улетает), потом взял роевню и дымарь и стал приспособливать роевню к клубку пчёл, чтобы они от искусственного дождика стали прятаться в сухом месте. Что-то он там сделал не очень аккуратно, лестница, что ли, соскользнула, и рой частично от клубка оторвался. Расшумелись, набросились на дедушку. Ноги он унёс, но покусали его здорово, штук двадцать смогли с ним расквитаться за беспокойство. От такого количества укусов дедушке стало плохо, лежал он на погребце, в прохладе, знобило его, аж колотило, как только целы зубы остались. Но постепенно отошло...

В Серебряно-Прудском районе отец своих пчёл не завёл: своего дома не было, в деревне Яковлевское жили в многоквартирном доме-бараке, а потом в селе Узуново вообще получили сельскую квартиру городского типа. Зато пчёл завёл Миша, брат, когда из Серебряных Прудов переехал на постоянное жительство в Подхожее, что в сорока километрах (по дорогам) от Узуново. Отец много помогал ему в пасечном деле. Сейчас в Мишином хозяйстве, в Подхожем, больше двадцати пчелиных семей.

В совхозе отец наладил работу пасеки, совсем до него развалившейся. Пасеку совхоз держал не для товарного мёда и воска, это были побочные продукты, без плана, а пасека держалась для опыления посевов. При отце пасека вышла в передовые в районе и даже по области. Появился и товарный мёд и воск, число ульев увеличилось до ста двадцати, так что и помощник понадобился. А после ухода отца на пенсию пасеки снова практически не стало. Не нашлось такого же энтузиаста.

На пенсии отец с матерью занимались своим хозяйством: огородом в пятнадцать соток, крохотным приусадебным участком около дома, да ещё двумя сотками земли примерно в полукилометре от дома, огородом в 15 соток, который принадлежал в деревне Яковлевское Карташовой Любови Сергеевне, дочке бывшего владельца этих земель, Сергея Карташова. Она разрешила пользоваться её огородом, поскольку для неё он был просто не по силам, а то, что ей было необходимо огородного, она от нас и получала. И ещё одним огородом в шесть соток занимались родители при домике, который мы с Мариной купили в селе Узуново в 1987 г. для летнего времени. Домик старый, тамбовской конструкции. Точно такой же был у моей бабушки Маши, Марии Васильевны, в Красном Кусте, который она купила у своего соседа, Панюшкина Егора Федотовича. Точно такой же был и у наших хозяев в Полетаево, у которых мы с Мишей стояли на квартире, когда учились в школе. Только наш, узуновский, был

без русской печки, но с плитой. Но раньше в нём тоже была русская печка.

До 1996 г., до продажи этого домика, отец с матерью обрабатывали и этот наш огород. Нам, понятно, было не до огорода. Жили в Москве, до Узуново 175 километров, на электричке на одной ноге почти четыре часа ехать. Да ещё тогда и с пересадкой в Ожерелье. Приезжали только в отпуск. А потом и другой участок появился, в 1990 г., ближе к Москве, строиться на нём начали в августе (с 8 августа) 1993 г. Узуновский продали и вздохнули свободно, потому что обработка нашего участка была не нужна никому, и так всего хватало от другой земли. Но родители, несмотря на наши уговоры, продолжали своё крестьянское дело, с запасом на несколько лет, как те пчёлки. А родителям было уже крепко под семьдесят и чуть за эти семьдесят. «Лучше пусть останется, чем не хватит», – так говорил отец, помятуя, вероятно, те детские, да и не только детские, годы, когда было это «не хватит». Он даже говорил не «чем не хватит», а «в чём не хватит»...

Подходит к концу мой рассказ. Немного напишу об отвлечённом. Отец очень любил такую игру. У курицы есть такая косточка, в виде «вилки», как буква V. Игра заключается в следующем: двое играющих разламывают эту косточку с условием – если кто-то из партнёров передаст в руки какому-либо вещь, то принимающий эту вещь сначала должен сказать: «Беру и помню», тогда он не проиграет. А если не сказал, то передающий вещь должен сказать: «Бери и

помни», тогда он выиграл. Ну, можно и договориться – что проиграл и что выиграл, но никогда на что-то материальное игра не велась.

Отец очень часто выигрывал. Помню, что приехали к нам в Красный Куст в гости кишинёвцы Журавлёвы Николай Яковлевич и Антонина Васильевна. Дядя Коля с отцом, за обеденным столом, разломил эту куриную «вилочку». Через какое-то время отец приносит в дом какие-то инструменты и, как будто бы, не знает, куда ему деться с топором (а в руках ещё и рубанок, клещи и молоток). Он протягивает топор дяде Коле. Тот берёт и слышит от отца: «Бери и помни». Дядя Коля прямо возмутился: «Ну, Иван, не ожидал от тебя такого! Я же помочь хотел, смотрю – ты не управляешься. Нет, так это не честно, давай снова». Но и снова вскоре тоже проиграл.

В эту же игру очень любила играть и тётя Сима (Серафима Васильевна). Но вот тут у отца с ней не очень получалось. Она была очень осторожна, и победить её не получалось легко. Поскольку куриных «вилочек» не хватало для таких «игр», то в ход потом шли просто веточки или спички («вилочка» – это просто условно). Думаю, что чаще всего выигрывала тётя Сима...

Пришли и болезни. В начале 90-х годов разболелась нога, потом был небольшой инсульт, плохо стала действовать правая рука. Как ветеран войны, отец периодически подлечивался в больнице и специализированных клиниках. В част-

ности, в пансионате в Крюково, в который я его отвозил в 1992 году, навещал там. Домой он возвратился уже без прожитых. Он очень ждал юбилея, 60-летия Победы. К этому юбилею я написал стихотворную композицию, посвященную советским воинам Великой Отечественной войны.

Солдату

Твой друг на бруствере лежит,
Бойцы стоят без шапок строем.
Не плачь, солдат, Он будет жить!
Он пал за Родину Героем!
Не надо слез, ведь ты – солдат,
А Он сегодня стал Героем.

Стоим в строю победных дат,
Мы к Тем пришли, Кто к нам не встанет.
Я отвернусь, поплачь, Солдат...
Пусть на душе полегче станет...
Я отвернусь, Солдат, поплачь...
И мы с тобой... Нам легче станет.

Взгляды

Не отвергайте из прошлого взглядов,
Взглядов всех тех, кого нет с нами рядом,

Кто, как и мы, любовались закатами,
Тех, кто остались навеки солдатами.

Смотрят с любовью и смотрят с надеждою,
Те, кто укрыты земною одеждою.
Не принимая от нас эпитафии,
Смотрят живыми со стен, с фотографии

Взглядом отеческим, взглядом родителей
Двадцатилетние и победители,
Взглядом воскресшего и непокорного
Спаса Пречистого, Нерукотворного.

Были друзьями нам, были нам близкими
Те, кто покоятся под обелисками,
Что, словно строки неписаной повести,
Светятся вехами воинской доблести.

Смотрят в России и там, за Россией,
Где подвиг жизни своей завершили, ...
Под Сталинградом, ... Великими Луками ...
Стали детьми нам и стали нам внуками.

Не отвергайте из прошлого взглядов,
Взглядов всех тех, кого нет с нами рядом.

Неизвестному Солдату

Я всей жизнью своей виноват
И останусь всегда виноватым
В том, что стал неизвестный солдат
Навсегда неизвестным солдатом
Мих. Дудин.

«Здравствуй, милая мама!» – неровной строкой,
Снизу вверх по листку убегающей круто,
Что написано было солдатской рукой,
Той, что била врага до последней минуты.

Сколько вас по земле, Неизвестных, лежит?
Не дописано сколько на родину строчек?
И слеза ожидания давно не бежит,
Не дошел до родных долгожданный листочек.

Но простые слова, как весенний росток,
Пробиваются к нам издалёка упрямо.
Мы запишем Тебя в поминальный листок,
Помним имя Твоё – Здравствуй Милая Мама.

Вечная память

Был и ты молодой, было все впереди,

Ты бы мог, как мечтал, стать учителем в школе,
Если б нес всю войну автомат на груди,
Ели б не был убит на заснеженном поле.

Фото с другом на память в карман положил –
Два парнишки стоят в разноцветных пилотках.
Он бы мог, как и мы, в мирной жизни пожить,
Если б не затонула подводная лодка.

Был и Ты молодой, и была впереди
Жизнь, которую пить человек не устанет.
Впереди – Твоя жизнь, без наград на груди,
Жизнь Твоя впереди – наша Вечная Память.

Я отправил эти стихотворения в районную газету, «Серебряно-Прудский вестник». Но отец не успел их прочитать опубликованными, как не успел встретить и юбилей Победы. За две недели до праздника, 25 апреля, он умер, а на другой день, 26 апреля, газета опубликовала стихотворение «Неизвестному солдату».

Перед этим, 16 марта, нам в Москву позвонила мама и сказала, что отец в очень плохом состоянии. Мы с Колей поехали на машине в Узуново 17 марта, в день рождения отца. Приехали, сидим за столом, обедаем, а отец лежал на кровати, как мы называли – в бабушкиной комнате. Они с мамой переехали спать в эту комнату, в которой было две кроватки.

ти. Сидим, смотрим, ковыляет к столу с палочкой отец. Что же, говорит, меня-то не зовёте? Присел на своё место, даже немного пригубил водочки. Оказалось, что его положили в больницу, в Серебряных Прудах, назначили какую-то капельницу, но она оказалась не очень для него складной. Ему стало плохо, но его быстренько с тем и выписали домой. В день нашего отъезда, 18 марта, мы попрощались с отцом. Он очень крепко пожал мне руку, прямо изо всех его сил.

Похоронили мы его на кладбище села Подхожее, где живёт его сын, Михаил, внук Дмитрий с семьёй, в которой растёт сейчас единственный, самый младший держатель нашей фамилии Чекалиных, Иван Дмитриевич, названный в честь его прадеда, Ивана Васильевича Чекалина.

Вспоминаю, как переживал отец события августа 1991 года (известное в истории как ГКЧП). Началось всё 19 августа 1991 года, а дня через три уже закончилось, арестовали всех зачинщиков этого дела. Когда отец узнал об этом, он даже заплакал.

Несомненно, отец очень радовался бы нашим юбилеям Дня Победы. И 60-летия, до которого он не дожил всего двух недель, и последующим 65-ти, 70-ти и 75-летия. Впрочем, он как-то правильно сказал, что у этого праздника не может быть юбилея. Он всегда праздник. Юбилейные медали – это само собой, а в остальном этот праздник всегда будет особенным.

Я пишу эти строки, находясь на даче, в самоизоляции. По

миру гуляет новый фашизм – коронавирус. Так что в положенный день, 9 мая, не было праздничного парада, как намечалось. Даже не представляю, как бы отец такое выдержал, когда вместо парада в единственном числе перед Могилой Неизвестного Солдата говорит слова Президент России, а затем проходит рота Кремлёвского полка. Но, всё-таки, решились (что я, например, не совсем понимаю и одобряю, поскольку острой необходимости в такой опасной ситуации совсем не было) провести парад Победы 24 июня, как это было 75 лет назад.

Тоже трудно себе представить, как бы он отнёсся к переезду его внука Александра (сына моей сестры Валентины) с семьёй на постоянное место жительства в Германию. Просто я хорошо знаю, как он относился к фашизму. Впрочем, в Германии, на мой взгляд, особенно дружественного отношения к России до сих пор не наблюдалось и не наблюдается. И это он тоже хорошо представлял.

И ещё. Не представляю, как бы пережил отец сегодняшние события в Украине: 24 февраля 2022 года Россией было принято решение о военной помощи самопровозглашённым Донецкой и Луганской народным республикам, население которых подвергалось 8 лет (с 2014 года) настоящему геноциду со стороны украинских властей. Сначала при президенте Порошенко, теперь – при президенте Зеленском.

Глава 12. Чекалина Зинаида Сергеевна

Вот женщина с седыми волосами
с простого фото смотрит на меня,
чем чаще вспоминаю я о маме,
тем старше становлюсь день ото дня.

Владимир Костров.

«Вот женщина с седыми волосами...»

Мама видела и помнила свою прабабушку Мезину Анну, мать её бабушки, Василисы Леонтьевны. Это единственный образ: в простенке, между печью и стеной, сидит худенькая, опрятная старушка в чёрной кофточке и белом платочке. Это видение можно отнести к 1930-31 гг., когда маме было года четыре или пять лет, а возможно, что и несколько раньше.

Зинаида, старшая дочка в семье Кудиновых, родилась 7 августа 1926 г. Крёстными у неё были её дядя и тётя, Михаил Васильевич и Елена Васильевна Выгловские. Дети у Сергея Егоровича и Марии Васильевны побежали один за другим: через год и два месяца родилась Александра, моя будущая мать-крёстная; ещё через год и три месяца появилась Мария, крёстная моего брата, Миши; дальше пошло пореже, в 1932 г. родился мальчик, Петя, который через полгода умер, а в 1937 г. – ещё один мальчик, Женя, который тоже

умер малолетним, в 1940 г., перед возвращением с «Зимней войны» его отца, Сергея Егоровича. Пришёл с войны, а дома горе, сына уже похоронили. Он, было, сказал бабушке Маше упрёк, что не уберегла сына. Но что она могла поделать? Жили в полуземлянке, на работу в колхоз ходить обязательно, тем более – семье раскулаченного. Дочки хотя бы большие уже: Зина, а часто и Шура, вместе с ней в колхозе помогали. Десятилетняя Маша только с ним дома.

Петя похоронен в Троицких Росляях, а Женя – в Полетаево. Петя родился в Росляях, когда Кудиновы снимали там квартиру после возвращения из Сталинграда. Потом они переехали в Свободный Труд, ближе к Красному Кусту, где построили полуземлянку. Тётя Шура рассказывала, что Женя часто встречал её из школы, которая была в Красном Кусте, через лощину. Говорит, бежит, на ходу что-то лопочет.

Не знаю, точно ли, но, вероятно, ранняя смерть этих мальчиков как-то может быть связана и с тем, что в Сталинграде, куда поехала искать место после раскулачивания семья Кудиновых, бабушка заболела лихорадкой, из-за чего пришлось возвращаться на прежнее место...

В таких записях, относящихся к описанию давних событий и людей, принимавших в них участие, а тем более связанных с конкретным человеком, невозможно обойтись без повторений. Я постараюсь без них, повторений, обойтись, но, при случае, не буду этим пренебрегать.

Для начала пропущу пятнадцать лет от рождения Зинаи-

ды. Перейду сразу к началу войны.

Мобилизовали отца (так и не появившегося дома с момента отправки его в Белоруссию, в Слоним, для отбывания оставшейся 3-х месячной трудовой повинности), осталась бабушка Маша на руках с хозяйством и тремя детьми. Жили в полуземлянке в деревне Свободный Труд, что через речушку-пруды от Красного Куста (истоков реки Токай). Девчонки в то время были уже большие: Зине 15 лет, Александре, осенью, – 14, Марии к концу года – 12. Да и мать их сама не намного старше была, всего 35 лет. Надо было работать в колхозе, в условиях военного времени, да ещё и хозяйство своё вести для прокорма четверых, единственное, от чего и можно было прожить. Управляться с огородом, домашними скотом и птицей. Одной только корове на зиму сена сколько надо было накопить и высушить. Да и обязательные налоги со своих доходов-расходов от хозяйства государству надо было сдать.

Мама всю военную цепочку событий в их жизни определила одним воспоминанием: «Ох, и тяжело тогда было!» Из «девок» больше ей, как старшей, досталось. Тётя Шура и тётя Маша до сих пор, кстати, её за мать считали. Бабушка Маша на работе в колхозе с утра до ночи, а «девки» тут и управляют со всем хозяйством.

Немцы подошли близко к их краям. Даже одна из бомб долетела до Токарёвки, железнодорожной станции. Взрослых от дворов мобилизовали на строительство оборонитель-

ных сооружений под Воронежем. Бабушка Маша попала в их число, и «девки» одни остались на всё хозяйство. За старшую – Зинаида. В то время зима 41-42 гг. была, как известно, с сильными морозами. Землянка снегом занесена вровень с полем. В это же время пришлось маме пойти с санками за продуктами, мешком проса, в Троицкие Росляи, к своему дяде, Фёдору Васильевичу. Шура и Маша одни остались. Возвратилась мама поздно, уже ночью. Стучала-стучала в дверь, тишина. А стучать можно было только в дверь, все остальные места под снегом. А сёстры её, с вечера перепуганные, нарёванные, крепко заснули на печке и ничего не слышали, а если и слышали стуки, то напугались ещё больше. Пришлось матери идти с этими санками к Собакиным, их родственникам, что недалеко в другой деревне жили, в деревушке Слава. Переночевала, а утром – домой. Говорит: «Каши наварила полный чугунок, прямо из проса, когда было отшелушивать-то, варю и плачу чуть ли не в голос. А тут дверь открывается, и мама заходит. Кончились у них там работы по строительству оборонительных сооружений. Дальше уж вчетвером и ревели».

Во время войны, с весны 1942 г., мама работала трактористкой. Сначала – за плугом сидела на пахоте, а потом и на тракторе. Пахали по весне и по осени круглосуточно. Ночью – при фонарях: у трактора фары впереди, а у помощника на плуге – фонарь, чтобы за бороздой следить. Да и за собой следил, чтобы под лемех не свалиться, особенно ночью. Быва-

ло и такое. А на колхозные поля ходили всей семьёй. Времена были военные, тяжёлые. По их местам было сравнительно много дезертиров, да и солдат отступающих частей армии. Однажды, как рассказывала мама, они вдвоём с трактористом пахали ночью. Вдруг из лощины на свет выходит человек. Постоял-постоял и ушёл. Оба работника перепугались, конечно. А то и волки бывали. Вообще в степных краях волки не живут, но во время войны они приходили скрываться от военных действий в степные края. На людей не нападали, слышно не было, но по хлевам и в полях шалили.

Трактористкой она стала незадолго до войны. В школе проучилась четыре с половиной класса. Начальную школу, четырёхлетку, она закончила в Красном Кусте. А потом, в среднюю школу. Красный Куст и близлежащие к нему деревни ходили в Грязные Дворики (тогда был Грязно-Двориковский сельсовет). Мама проучилась половину пятого класса, но заболела корью, очень сильно. Всю обметало. У неё и остались на всю взрослую жизнь на лице оспинки. Думали, что заразит своих сестёр, но эта зараза их миновала. Когда мама выздоровела, то в школу уже больше не ходила. Сначала по дому помогала матери, а потом уже и в колхоз ходила трудодни зарабатывать. У неё колхозный стаж начался очень рано. Она даже стала ветераном трудового фронта. Такими же ветеранами стали и её сёстры, Александра и Мария. Поступила на курсы трактористок, закончила их, но на трактор самостоятельно села только во время войны, весной 1942 г.,

когда мужиков в колхозе оказалась нехватка.

Летом 1942 г. в близлежащие деревни пришли военные и мобилизовали всех девчонок от шестнадцати и старше. Как говорили – на торфоразработки. Собрали и повели гуртом в сторону Токарёвки, железнодорожной станции. В их числе оказалась и мама. Хорошо, что один из конвойных, местный, был другом их семьи. Он матери сказал, что когда будем проходить через Росляи (Троицкие Росляи), мимо дома Фёдора Васильевича Выгловского (маминого дяди), ты попросись воды попить и не возвращайся. Так и сделали. Колонна ушла, а мама на другой день возвратилась домой. Что было потом с остальными девчонками, мама не знает. Говорит, что из них потом никто не возвратился в деревню...

Война продолжалась, девчонки подрастали, любые работы умели делать. Вот так и жили, конца войны ждали и возвращения отца и мужа. Надежд всё больше и больше было, поскольку пошёл уже 45-й год. Но в марте 45-го пришла похоронка, вдобавок к той пачке писем с фронта, которая хранилась у бабушки Маши в сундуке (похоронка пришла не в их семью, а матери дедушки Серёжи, Василисе Леонтьевне; Василиса Леонтьевна и пришла к ним в Свободный Труд с этой похоронкой на руках)...

Мама с отцом поженились в 1946 г. на Октябрьские праздники. Произошло это, начальная регистрация брака, 12 июля 1946 г. Но это была не женитьба, а их договорённость, просто для того, чтобы маме освободиться от работы тракторист-

кой. Жениться-то они и не думали. Брак зарегистрировали, и они разошлись по своим домам.

У мамы в то время был жених, Фролов Василий. Это брат Незнановой (Фроловой) Марии, жены Владимира Филипповича Незнанова. Отец Владимира, Филипп Степанович, с первой женой, Сурковой Анной, произвели на свет Николая и Владимира. Женидьба Филиппа и Анны состоялась в середине августа 1927 года, Филипп Степанович был совсем молоденьким мальчишкой, чуть ли не 17-18-ти лет. После смерти жены, Сурковой Анны, Филипп Степанович женился во второй раз, на Мамонтовой Марии, что произошло примерно в конце июля 1948 года, практически больше, чем через двадцать лет после первого брака. С ней у него появились Саша и Галя. Саша – мой погодок, тоже 1949 г. рождения, только он – майский. Так вот, Василий Фролов и Зинаида Кудинова даже сговорились пожениться. Но всё пока не складывалось, началась война. Отец Василия некоторое время устраивал сыну бронь, но потом его мобилизовали. Поскольку Василий закончил десять классов, то направили его на командирские курсы, которые он закончил лейтенантом. Службу после войны продолжил в Молдавии. Опять договорился с мамой, что когда он там устроится, то приедет и заберёт её с собой. А тут, после фиктивной женидьбы с Чекалиным Иваном, этот Иван засылает на Покров 1946 года сватов к Кудиновым. Поговорили-поговорили, решили сватов принять. Мать её говорила:

– Зинушка, выходи к Чекалиным. Ты хоть не голодная у них будешь. А в Молдавию куда ж ты поедешь, к чужим людям-то?

13 октября 1946 г., перед Покровом, мать пошла в Росляи к дяде, Фёдору Васильевичу Выгловскому, звать на стовор. Возвращалась обратно через Рязск (деревня такая, бывшая по названию Полетаевскими Выселками). Проходила свекольным полем, а недалеко паслись два вола и мирской бык. Бык маму увидел и погнался за ней. Хорошо, что рядом оказалась канава. Тогда для защиты полей от вредителей вокруг полей прокапывали канавы. Бык походил-походил рядом, покопал землю копытом и отошёл. Мама из канавы выскочила и побежала к грейдеру, думала, что проезжать кто-нибудь будет, отгонит быка. Бык снова за ней. У грейдера была выкопана силосная яма. Мама – в неё. Перебегала по яме от быка, пока мужик какой-то не увидел и не отогнал вилами это животное. Возвратилась мама домой, а говорить не может, онемела от нервного потрясения. Всё сватовство промолчала и до самой свадьбы не могла говорить, настоящей свадьбы, которая подтверждена записью 12 июля 1946 г., на осеннюю Казанскую, что празднуется 4-го ноября.

На свадьбе от Чекалиных были сам жених, конечно, дедушка Василий, бабушка Вера (их дочка Серафима в это время училась в ФЗУ вместе с тётёй Шурой, Шура на свадьбу уехала, а тётя Сима сказала мне как-то в письме, что не смогла поехать, поскольку не во что было одеться; Антонины

тоже не было, она в это время находилась с мужем и сыном, кажется, в Белой Церкви), да ещё из села Остроухово приехали Шура и Маруся (Александра Михайловна и Мария Михайловна Чекалины, дедушкины племянницы, дочери расстрелянного в 1921 году, во время тамбовского восстания, Чекалина Михаила Васильевича), бабушка Маша, сестра мамы Мария, Фёдор Васильевич Выгловский с женой, Собакины Любовь Егоровна и её муж Афанасий, кто-то и ещё от Выгловских и Кудиновых. Были и ещё какие-то их друзья и подруги из Красного Куста и Свободного Труда. Венчались осенью в церкви в Калиновке (Рудовке), летом венчания у них не было, только регистрация в загсе (это был как раз год возобновления богослужений в этой церкви, закрытой в 1930 году).

Я сказал маме, что народу-то много сколько, кормить, ведь, чем-то надо было на свадьбе? Она ответила:

– Да, конечно. Но хлеб-то у нас тогда был. Чего же ещё. Я трактористкой заработала. А с мясом получилось так. В колхозе договорились, что забьют корову, будто бы больную. Так и сделали, тушу ветеринары сактировали, закопали, а потом скоро и откопали – тем и кормили народ на свадьбе.

А Фроловы всё надеялись, что сын их, Василий, поженится с Зинаидой. И семье Кудиновых помогали, работой и продуктами. Узнали про сватовство и свадьбу, написали об этом Василию в Молдавию. Он приехал, но уже через неделю после свадьбы. Пришёл к Чекалиным с двумя своими друзьями-

ми, тоже Василиями, с гармошкой. Чекалины как раз обедали. Зашли в избу, Василий говорит:

– Зина, пойдём, поговорить надо.

Мама рассказывала, что сидит она, ни жива, ни мертва. Родители Ивана, свёкор и свекровь, тут же, за столом. Зинаида только-только появилась у них. За столом тишина. В глазах затуманилось. А папаня (дедушка Вася – С.Ч.) и говорит:

– Пойди, Зина. Видишь, человек поговорить пришёл.

Вышли они на крыльцо. Василий с укором к ней:

– Что же ты меня не дождалась? Сговаривались ведь, что приеду и заберу.

– Уж так теперь получилось.

– Ну, а я пять лет не буду жениться. Подожду.

Так и было. Пять лет Василий не женился, потом взял жену, учительницу, дочка у них родилась. Но Василий долго не прожил, вскоре умер от тяжёлой болезни...

В ноябре 47-го года, 15 числа, родился у Ивана и Зинаиды сын, Миша. Но, волей судьбы, Миша родился 1 января 1948 г. Отец поехал регистрировать сына, как сказал, так и записали. Почему отец так решил сделать? Может быть, потому, чтобы Миша был постарше своих сверстников. Как оказалось – сон в руку. Сразу после школы Миша женился, с разрешения родителей, а в армию его провожала уже дочка Ольга. Но это было потом, в 1966 году, в мае месяце Мишу проводили в армию, на автобусе отвезли в Каширу полным нашим сбором родни, которая тогда была в Яковлевском и

Узуново, в том числе и с дочкой Олей на руках.

А в те годы продолжилось: в сентябре 1949 г. родился я, а почти через семь лет появилась сестра Татьяна, Таня. Так мы называли практически месяц новорожденную. Уже привыкли, но хоть и трудно было перестраиваться, а пришлось отвыкать. Снова, без объявления войны и причин, отец поехал и записал, что родилась у них дочь Валентина. И всё это на трезвую голову. Ладно, пьян был бы, забыл, как звать-величать. Без объяснений до сих пор, и объяснений теперь уже и не будет. Да и со мной как-то получилось не так. Мне пришлось запрашивать в архиве в Тамбовской области (в Токарёвском районе) повторное свидетельство о рождении, старое свидетельство пришло в негодность, печать стала от времени неразборчивой, поэтому в нотариальной конторе не могли дать заверенную копию этого свидетельства. Запросили через Московский ЗАГС (на Таганке). Но приходит ответ, что выдать такового не могут, поскольку отсутствует в книге регистрации запись об отце. Как такое могло получиться? А мне без записи об отце – никак нельзя, потому что я наследство оформлял после его смерти. Пришлось окольными путями, через Долгопрудненский ЗАГС, в котором мы с Мариной регистрировали брак, доказывать, что документы мои подлинные. Да я и до сих пор не могу понять – причём здесь Долгопрудненский-то ЗАГС? Вероятно, потому, что в то время печать ещё читалась, поэтому доверять такому свидетельству было можно...

Долгое время мама работала в колхозе дояркой, а потом в магазине. В нашей деревне освободилось после ревизии место заведующего магазином, продавца и рабочего в едином лице. До этого продавцом работал Шемонаев Василий Сергеевич, брат моего и Мишиного крёстного, Якова Сергеевича Шемонаева. Случилось это примерно в 1957-1958 гг., ещё при жизни дедушки Васи, а он умер в декабре 1958 года. Дома посоветались (я знаю, что дедушка принимал участие в совещании), и мама предложила на это место свою кандидатуру с четырёхклассным образованием. Утвердили, и с тех пор, до пенсии и даже немного больше, мама проработала продавцом.

Тут уж ничего не скажешь. Заквасилась в ней торгашеская кровь Выгловских, от деда её, «дедка», от другого деда её, Мезина Леонтия, да и от Кудиновых, хозяйственного рода.

В работе мама была первой. Взять ли колхозные работы, трактористкой или дояркой, полевые колхозные работы и домашние. Косить – не отстанет от мужиков, на прополке – всегда впереди всех. Помню, летом, пропалываем и окучиваем картошку. Жарко. Руки уже оттяпались. А огород в те времена был большой, тридцать соток, почти половина, а то и больше, занималась под картошку. Мама только начнёт борозду, смотришь, обратно идёт. Поравняется, мою и Мишину удлинит окучиванием наполовину, сразу в две борозды, свою закончит и новой бороздой догоняет. Когда маме пошёл 81-й год, она по лестнице домой поднимается (в Узуно-

во) и говорит:

– Вот уж какая стала, а ведь была-то – лошадь. Я такие лестницы и не видала. Что есть, что нету.

Вот так и в магазинах, где ей работать пришлось. Сначала в Красном Кусте, почти до конца 1962 г., потом в деревне Яковлевское, куда мы переехали, потом – в селе Узуново, в разных магазинах. Не знаю, как сейчас, но в то время был план. На всё. На урожай зерновых, на поголовье скота, на запуск очередного космического спутника к государственному празднику, на число задержаний правонарушителей, а также и на товарооборот в магазине.

Установили, например, тебе план на выручку в размере 1000 рублей в месяц. Ты перевыполнил его на сто рублей, премию получил, но на следующий месяц тебе план будет уже 1100 рублей и так далее. Да ещё были и такие, так называемые социалистические обязательства при том же социалистическом соревновании с присвоением перевыполнившему план почётного звания «Ударник коммунистического труда». Помимо плана ты был обязан перевыполнить его на столько-то. Премии за это не будет, поскольку ты сам, добровольно, при всех, на собрании... План в магазинах мама перевыполняла всегда. Сама ездила за товаром, отбирала тот, что заказывали покупатели и тот, что пользовался спросом, заказывала, требовала. А в результате – отношение к ней других продавцов было не очень дружелюбное. С них ведь тоже, по примеру, требовать стали.

Агония с планом в нашей стране всегда заканчивалась его перевыполнением, да ещё досрочным: «Пятилетку – в четыре года!» Этими словами в кавычках сказано всё. Тому, кто планировал, немедленно надо было оторвать голову: человек этот уже планировал перевыполнение плана. Абсурд какой-то. Но с этим абсурдом жили, в ладошки хлопали: «Одобрям-с!», – поминая недалёкие сталинские времена, да и близкие хрущёвские, брежневские и прочие последующие, уложенные штабелями на Красной площади. А на деле, известно, что план практически никогда не выполнялся в государстве, тем более и не перевыполнялся, потому и дошли с этими перевыполнениями до сегодняшнего процветания. Он выполнялся и перевыполнялся только приписками.

Но к маме это не относилось, план она выполняла и перевыполняла, в её магазине товар был нужный и востребованный. Ей бы теперь, в наше рыночное время, можно было бы применить свой талант.

Эта работа в магазинах не для слабонервных, а мама, пожалуй, такой и была. Я просто знаю, что в Красном Кусте (в Полетаевском сельпо), а особенно в Узуново, продавцы магазинов частенько собирались на личные и общественные праздники, с выпивкой, конечно. Мама несколько пристрастилась к алкоголю, а потом стала частенько прикладываться к рюмке даже и не по какому-то поводу, а уже по охоте, тем более, что дома у нас спиртное было всегда, не переводилось: отец с матерью для личных нужд гнали самогон, да иногда и

вино делали. И уже после смерти папы в апреле 2005 г. мама иногда выпивала довольно крепко. Даже Миша, приезжавший её навестить, возмущался этим. Но, говорил, что я могу сделать. Уеду, а она найдёт что выпить и с кем. Но это не к слову о таланте. Но и до 2005 года помню случай с Верой и Колей. Мы тогда летом жили в Узуново, в своём домике. Отец находился в госпитале (полагаю, что это был 1988 или 1989 год; разболелась у него нога, я его и отвозил на электричках в госпиталь под Крюково). Что-то у нас с Мариной не получалось остаться в Узуново (вероятно, я был на практике, а Марина повезла в Москву свои федоскинские поделки-сувениры), поэтому Вера и Коля на одну ночь пошли к бабушке переночевать. Но это и не получилось, поскольку она была не совсем трезвая и даже оставила включенным газ. Дети ушли и ночевали в нашем домике одни.

И другой талант либо не талант, не важно. Мама писала стихи. Помню её общую тетрадку в Красном Кусте, в которую она их записывала. Мама посылала свои стихи в редакции газет, журналов, но, естественно, их не публиковали, поскольку были они написаны «бедным языком». А для меня, например, совсем не важно, примитивного содержания эти стихи были или «бедным языком» написаны. Важно то, что человек делает это от души. Жаль, что не сохранилась та далёкая мамина тетрадь. И те стихи свои мама вряд ли помнила, когда была живая...

Когда я в декабре 1979 года сломал ногу (мы жили семьёй

в то время в строениях двора дома №76 по улице Пятницкая, во дворе и Филиала Малого театра, что на Ордынке), то меня на четыре месяца упаковали в гипс. Занялся таким хобби: изготовлением из серебра разных ювелирных украшений (в основном – кольца и серьги). Получалось, вероятно, не очень плохо, поскольку моя родня, которым я их дарил (жене Марине жене, тёще Ольге Идьиничне, сестре Вале, маме), их не стеснялись носить. Так вот, как-то мама мне пожаловалась, что её серебряный крестик постоянно чернеет. Я сделал ей серебряный крестик красивой формы (списанной с нашего золотого крестика), но без изображения Иисуса Христа. Серебро было очень чистое, вероятно, близкое по пробе к 95%, поскольку оно не чернело. Подарил его маме. Ей этот крестик понравился, потом она говорила, что с ним всё нормально, не чернеет.

Мама вышла на пенсию в 1984 г. Стала она и «Ветераном трудового фронта» по тому, военному времени. И это надо было доказать, что во время войны она работала в колхозе. А какие там документы остались? Журналы с палочками трудодней, что ли? Но, оказывается, для подтверждения этого достаточно было заверенных в сельсовете свидетельских показаний. Хорошо, что нашлась живая древняя свидетельница, да ещё и в здравой памяти. Такие же подтверждения получили потом и сёстры матери, Александра и Мария Сергеевны.

Мы с Мариной ездили к маме в гости в 2010 г. Жарко

было, кругом всё горело. Известный страшно дымный год, вернее – засушливое лето. Поехали на кладбище в Подхожее, где похоронен отец. Было это 18 августа, перед Яблочным Спасом (праздником Преображения Господня), уже после смерти 9 августа Ольги Ильиничны, Марининой мамы. А в августе, 27 числа, к ней приехали на праздник Успения Пресвятой Богородицы моя сестра Валя с мужем Колей и семьёй их сына, Саши, с женой Олей и сыном Костей, совсем ещё маленьким. Ехали они из Дмитрова долго, пробки на дороге были страшные. Мама очень за них беспокоилась, мне звонила, спрашивала, что делать. Это и ускорило, вероятно, её последующее заболевание – инсульт. Прележала недвижимой почти две недели. Сначала, на неделю, остались с ней Валя и Коля. Потом попросили побыть с ней её двоюродную сестру, Татьяну Юрьевну Рыссак. При ней мама и умерла 6 сентября 2010 г. Татьяна в этот же день уехала домой, а на похороны 8 сентября снова приехала. Отпевали маму в квартире, в которой она жила. Пришёл поп с сыном, настоятель новой Никольской церкви села Узуново. Похоронили её тоже в Подхожем, рядом с мужем, Иваном Васильевичем.

Вместе с ней осталось и моё изделие – серебряный крестик. Мы не стали его заменять на другой.

На обратном пути в Москву мы взяли с собой Татьяну Юрьевну, заехали по пути на нашу дачу, я должен был остаться на ней, а Марина с Таней поехали в Москву.

А теперь вернёмся в далёкое время начала 1940-х годов, в тёмную землянку в Свободном Труде, что был в своё время в Тамбовской области, в Полетаевском, Токарёвском, Жердевском, а потом уже окончательно – Токарёвском районе. Да уже при последнем переименовании на Токарёвский район Свободный Труд и не существовал. (Миша, я и Валя, 1947, 1949 и 1956 гг. рождения, родились в Полетаевском районе, а с 1958 года Полетаевский район упразднили и объединили его с Токарёвским.) На печке лежат «девки», Зинка, Шурка и Маруська, шепчутся о чём-то своём, хохочут, ждут с работы мать. Не дождутся, заснут и видят сны, им ведомые. И по прошествии многих лет соберутся те же «девки», уже и почти восьмидесятилетние Зинаида, Александра и Мария Сергеевны в Долгопрудном или в Узуново, но чаще – в Долгопрудном, так же шепчутся и хохочут. Может быть, и о том, как мама с тётёй Шурой однажды приехали к нам в Москву на Пятницкую, в квартиру 14, из Долгопрудного (мама в это время была в гостях в Долгопрудном у тёти Шуры). Мы обрадовались. Посидели, поужинали, легли спать. Мама с тётёй Шурой на раскладном диване. А утром – лежат две горы на диване, хохочут. Мы спрашиваем, о чём это вы? Оказалось, что тётя Шура с мамой вчера пошли в сберкассу платить за квартиру, заплатили, а потом приехали к нам. В это время в квартире тёти Шуры места не находил её муж (второй муж), Иван Иванович Коропись, украинец, уроженец Западной Украины. Решили так его за что-то проучить, веро-

ятно. Ничего себе шутка! Мы их и распогоняли, кого куда! А Иван Иванович на это, понятно, крепко обиделся. Когда они возвратились, он при них переколотил весь хрусталь в серванте. Потом он всё новое купил, восстановил «гардеробчик», но – дело сделано.

А то и поплачут эти «девки» о том тяжёлом былом, о том, что прошло в их жизни, да и о том, что будет, но уже не у них, а у их детей, внуков и правнуков, что по закону жизни заполнили пространство и время вокруг них.